

ISSN 2500-347X

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018 **2** (800)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Issue 2(800)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2(800)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор научного журнала
«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки»
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. дель Валье Галвес д-р юрид. наук, проф. (Испания)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц. (Армения)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф. (*ответственный редактор*)

Беблер А., д-р социол., проф.
Белозёров В. К., д-р полит. наук, доц.
Брега А. В., д-р полит. наук, проф.
Ивашов Л. Г., д-р истор. наук
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Кемаль Оглу И., д-р истор. наук, доц.
Колесников А. А., д-р истор. наук, проф.
Лапшов В. А., д-р социол. наук, проф.
Образцов И. В., д-р социол. наук, проф.
Плоских В. М., д-р истор. наук, проф.
Примаков В. Л., д-р социол. наук, проф.
Пророкович Д., д-р полит. наук
Саблуков А. В., д-р социол. наук, доц.
Сидорова Г. М., д-р полит. наук
Синчук Ю. В., д-р полит. наук, проф.
Хазанов А. М., д-р истор. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аль-Дайни М. А.</i> Специфика формирования типов электорального поведения в современной России: политико-психологический анализ	9
<i>Воркунова О. А.</i> Стратегии региональной безопасности: новые угрозы и вызовы (на примере Черноморско-Каспийского региона)	26
<i>Емельянов А. И.</i> Взаимодействие Европы и Латинской Америки на базе Евросоюза и МЕРКОСУР в XXI веке	40
<i>Касюк А. Я.</i> «Мягкая сила» и санкционная политика Запада.....	50
<i>Макаревич Э. Ф.</i> Алгоритм коммуникативного влияния	67
<i>Мартынов Е. В.</i> Социальная реклама как индикатор внутренней политики: современный опыт Германии и Австрии	80
<i>Михалёв Ю. А.</i> «Исламское государство» в политике США	92
<i>Равняго А. С.</i> Концептуальные подходы США в отношении Африки	100
<i>Синчук Ю. В.</i> Партнерские отношения России с зарубежными странами по вопросам Арктического региона РФ	110

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бен Аммар Джамель</i> Роль Алжира в обеспечении безопасности Северной Африки	120
<i>Корнеев В. В.</i> Продажа Аляски в ретроспективе российской политики на национальных окраинах империи в XIX – начале XX вв.	127
<i>Кулаи Элахе, Тишейар Мандана</i> Обзор основ сотрудничества между Ираном и Россией в Евразии на основе теории неорегионализма	135

<i>Оганесян С. С.</i>	
Об истоках религиозного экстремизма и терроризма современной молодежи	145
<i>Печищева Л. А.</i>	
Индия – ЕС: перспектива сотрудничества	160
<i>Соловьев В. А.</i>	
Становление независимой военной печати в России в 1990–2010 гг.	167
<i>Феофанов К. А., Папба Нара Теймуразовна</i>	
Исторические детерминанты и современные проблемы Грузино-абхазского конфликта	182

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дубограй Е. В.</i>	
Взаимосвязь религиозности и психического здоровья человека: взгляд сквозь призму зарубежных медико-социологических исследований	195
<i>Кошкин А. П., Малека Ю. Н., Мельков С. А.</i>	
Политологический анализ книги о вооруженном конфликте в Африке: что мы знаем о нем и как его минимизировать?	208
<i>Крючкова В. С.</i>	
Основные характеристики понятия «безопасность» в контексте международных отношений: социологический анализ	223
<i>Маткаримова Г. В.</i>	
Содержание коммуникативной стратегии по нормализации этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе	234
<i>Соловьев С. С., Мелешкина О. В.</i>	
Особенности взаимоотношений в разных типах молодых семей ...	246
<i>Талынев В. Е., Хвоин Н. Н.</i>	
Социальный учет бездомных граждан в Санкт-Петербурге	264
<i>Саблуков А. В., Никулина И. И.</i>	
Доверие молодежи системе здравоохранения	277

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Al-Dainy M. A.</i> Specifics of Types Formation of Electoral Behavior in Modern Russia: Political-Psychological Analysis	9
<i>Vorkunova O. A.</i> Strategies for Regional Security: New Threats and Challenges (the case of the Black Sea – Caspian Sea region)	26
<i>Emelianov A. I.</i> Interaction of Europe and Latin America on the Basis of the European Union and MERCOSUR in the XXI Century	40
<i>Kasyuk A. Y.</i> Soft Power and West's Sanctions Policy	50
<i>Makarevich E. F.</i> Algorithm of Communication Influence	67
<i>Martynov E. V.</i> Social Advertising as an Indicator of Domestic Policy: the Modern Experience of Germany and Austria	80
<i>Mikhalev Yu. A.</i> «Islamic State» in US Policy	92
<i>Ravnyago A. C.</i> US Conceptual Approaches towards Africa	100
<i>Sinchuk Yu. V.</i> Russia's Partnership with Foreign Countries on the Arctic Region of the Russian Federation	110

HISTORICAL SCIENCES

<i>Djamel Ben Ammar</i> The Role of Algeria in Ensuring the Security of North Africa	120
<i>Korneev V. V.</i> The Alaska Purchase from the Retrospective of Russian Politics on National Empire Outskirts in XIX – Early XX Cent.	127

<i>Elaheh Koolaee, Mandana Tishehya</i>	
A Review of Iran-Russia Cooperation in the Eurasian Region Based on New-Regionalism Theory	135
<i>Oganesyan S. S.</i>	
About the Origins of Religious Extremism and Terrorism of Modern Youth	145
<i>Pechishcheva L. A.</i>	
India – the EU: the Perspectives of Cooperation	160
<i>Soloviev V. A.</i>	
The Formation of an Independent Military Press in Russia in 1990–2010	167
<i>Feofanov K. A., Papba Nara Teymurazovna</i>	
Historical Determinants and Contemporary Problems of the Georgian-Abkhaz Conflict	182

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Dubogray E. V.</i>	
The Relationship of Religiosity and Mental Health: View Through the Prism of Foreign Medical and Sociological Research	195
<i>Koshkin A. P., Maleka Yu. N., Mel'kov S. A.</i>	
Political Analysis of the Book on Armed Conflict in Africa: What Do We Know about It and How to Minimize It?	208
<i>Kryuchkova V. S.</i>	
Main Characteristics of the Concept of "Safety" in the Context of International Relations: Sociological Analysis	223
<i>Matkarimova G. V.</i>	
Content of Educational Technologies and the Main Requirements for their Elaboration and Implementation in Formation of Ethno-Confessional Tolerance in Moscow Metropolitan Area	234
<i>Solovyov S. S., Meleshkina O. V.</i>	
Features of Relationship in Different Types of Recently Married Families	246
<i>V. E. Talynyov, N. N. Khvoin</i>	
Social Register of the Homeless in Saint-Petersburg	264
<i>Sablukov A. V., Nikulina I. I.</i>	
The Trust of Youth in National Healthcare System (sociological analysis of Moscow degree students)	277

УДК 324

М. А. Аль-Дайни

кандидат политических наук; доцент кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: al-dainy@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ТИПОВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена проблеме исследования психологических особенностей электорального поведения в современной России. Представлены результаты лонгитюдного исследования, проведенного автором в период с 2006 по 2011 гг. и в период нового электорального цикла с 2015 по 2018 гг. В результате исследования было выявлено четыре типа электорального поведения, характерных для современной России. Также были изучены психологические механизмы их функционирования и факторы, влияющие на их формирование. Автор предлагает собственную теоретико-методологическую модель политико-психологического анализа электорального поведения и собственный понятийный аппарат для описания современных электоральных процессов. Разработанная автором концепция манипулятивных идеологий позволяет объяснить сущность и специфику электоральных процессов в современной России.

Ключевые слова: электоральное поведение; манипулятивные идеологии; деструктивный конформизм; протестный автоматизм; политическое восприятие; политическая коммуникация; манипулятивные технологии; психологическое воздействие; политическая психология; выборы.

М. А. Al-Dainy

PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
MSLU; e-mail: al-dainy@yandex.ru

SPECIFICS OF TYPES FORMATION OF ELECTORAL BEHAVIOR IN MODERN RUSSIA: POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

The article is devoted to a problem of studying of the psychological features of electoral behavior in modern Russia. The article presents the results of a longitudinal study conducted by the author in the period of 2006–2011 and during

the new electoral cycle of 2015–2018. The study identified four types of electoral behavior, which is characteristic for modern Russia. Psychological mechanisms of their functioning and the factors influencing their formation were studied. The author offers his own theoretical and methodological model of political-psychological analysis of electoral behavior and his own conceptual apparatus for describing modern electoral processes. The concept of manipulative ideologies developed by the author allows explaining the essence and specificity of electoral processes in modern Russia.

Key words: electoral behavior; manipulative ideologies; destructive conformism; protest automatism; political perception; political communication; manipulative technologies; psychological impact; political psychology; elections.

Проблема изучения электорального поведения, несмотря на наличие исследований, остается еще недостаточно разработанной в отечественной политической науке. Это объясняется прежде всего определенной новизной электоральной тематики для российских исследователей, так как до начала 1990-х гг. в нашей стране официально не существовало ни политической науки, ни электората как одного из основных объектов политических исследований. Электоральные исследования в России проводятся немногим более двадцати лет. Другим объяснением служит характерная для электоральных исследований междисциплинарность, которая затрудняет дифференциацию между политологическим, социологическим, психологическим, а также географическим и экономическим направлениями. Причем данные направления часто «методологически сосуществуют» в одном и том же исследовании при полном отсутствии какого-либо теоретико-методологического холизма. В отечественных работах преобладают, как правило, политико-социологический и политико-психологический подходы, а также исследования в области электоральной географии [Мелешкина 2001; Пушкарева 2003; Туровский 2012; Шестопал 2013]. Исследования специфики электорального поведения становятся всё более актуальными для современной России особенно в условиях нового электорального цикла (2015–2018).

В 2012 г. автором статьи была защищена кандидатская диссертация, в основу которой была положена *концепция манипулятивных идеологий*, сформулированная в результате проведенного в период с 2006 по 2011 гг. лонгитюдного исследования [Аль-Дайни 2012]. В процессе данного исследования было выявлено четыре типа электорального поведения, характерных для современной

России, а также изучены психологические механизмы их функционирования и определены факторы, влияющие на их формирование. В период с 2015 по 2018 гг. исследовательский коллектив под руководством автора провел аналогичное исследование уже в условиях нового электорального цикла. Повторяемость результатов подтвердила валидность и надежность, предложенной автором теоретико-методологической модели.

Электоральное поведение является той разновидностью политического поведения, которая приобретает первостепенное значение для реализации демократической политики. Характер и тип политического поведения формируются под влиянием двух категорий факторов:

1) *факторы эндогенного характера* – это в первую очередь особенности политического менталитета, политической культуры, геополитических характеристик и специфика развития исторического процесса;

2) *факторы экзогенного характера* – это прежде всего политические идеологии и политические технологии, позволяющие воздействовать на массовое сознание и управлять массовой политической коммуникацией.

Результатом социально-политических преобразований, начавшихся в нашей стране в конце 1980 – начале 1990-х гг., стало не только развитие демократических практик. Появление многопартийности, идеологического плюрализма и института свободных выборов привело к возникновению новых для российской политики субъектов – электората и политтехнологов. Это, в свою очередь, способствовало постепенному превращению политики в рыночно-ориентированную сферу. Сформировался политический рынок как механизм взаимодействия между субъектами политического процесса. Политики стали выступать в роли производителей «электоральных товаров» в виде лидеров, партий, идеологий и программ, политтехнологи – в роли рекламистов и продавцов, а рядовые граждане превратились в покупателей и потребителей этих товаров. В итоге такой коммерциализации политики произошло изменение типа доминирующей мотивации субъектов политического действия (прежде всего политиков и электората), типа отношений между участниками политического взаимодействия и, самое главное, типа политической коммуникации.

Главной функциональной обязанностью политтехнологов стало обслуживание конъюнктуры политического рынка, что в результате привело к разрушению ценностно-смысловой и идеологической основы электорального поведения. Идеологи как основные субъекты политики, направлявшие политический вектор в СССР, были вытеснены с политической арены, а их место заняли политтехнологи [Шестопал 2001]. Методы, которые политтехнологи использовали в своей работе, и принципы их деятельности в целом способствовали тому, что основой организации политической коммуникации в постсоветской России стали политические технологии, обладающие высоким манипулятивным потенциалом. В начале 1990-х гг. данные технологии представлялись в качестве главного фактора электорального успеха и панацеи от всех «политических болезней».

Одним из оправданий для применения манипулятивных технологий служила логика и психология борьбы с конкурентами на политическом рынке за электоральное большинство. Развитие демократических практик в контексте развития средств массовой коммуникации также вынуждало политтехнологов прибегать к их использованию. Другим оправданием служило наличие «постперестроечного синдрома», т. е. боязни возвращения к советскому типу политической коммуникации. В результате, характерный для СССР *императивный тип политической коммуникации*, в основе которого лежала *реактивная парадигма* психологии воздействия [Ковалев 1987], где человек и его психика рассматриваются в качестве пассивного объекта воздействия и продукта внешних условий, постепенно заменился *манипулятивным типом*. Таким образом, в современной России утвердился *манипулятивный тип политической коммуникации*, в основе которого лежит *акциональная парадигма* психологии воздействия [Ковалев 1987], где человеческая психика представляется активным объектом внешних влияний для субъекта воздействия. Человек рассматривается здесь не как «пассивный реактор», а как активный «действитель», осуществляющий добровольный, самостоятельный, индивидуальный выбор в процессе психического отражения внешних воздействий.

Для пояснения следует заметить, что автор выделяет три основных метода психологического воздействия, которые применяются в современной политической практике – это внушение, убеждение

и манипулирование [Аль-Дайни 2013]. Традиционно в политике применялись два вида воздействия – убеждающее и внушающее. *Метод внушающего воздействия* основан на пассивном участии адресата, предполагает непосредственное, вербальное (посредством лингвокогнитивных конструкторов императивного или оценочного характера), принудительное воздействие на его сознание с целью бесконфликтного восприятия определенной информации в условиях снижения или отсутствия осознанного аналитического и критического подхода к содержанию и качеству данной информации (например, гипноз, индоктринация, пропаганда). *Метод убеждающего воздействия* основан на активном участии адресата, предполагает непосредственное, вербальное, добровольное воздействие на его сознание с целью включения в коммуникативный процесс способности адресата к критическому осмыслению и логическому анализу получаемой информации (например, беседа, дебаты, дискуссия, обсуждение, рассуждение, агитация). Реализация метода внушения и метода убеждения осуществляется в условиях непосредственного взаимодействия субъекта и объекта воздействия. Эффективность внушающего и убеждающего воздействия зависит от характера взаимоотношений между коммуникатором и реципиентом, их социального статуса, гендерных и возрастных особенностей, уровня образования и интеллектуального развития.

В отличие от этих двух традиционных методов воздействия, *метод манипулятивного воздействия* основан на активно-пассивном участии адресата. Он предполагает исключительно скрытое, опосредованное, косвенное, вербально-невербальное, добровольно-принудительное воздействие на сознание, с целью формирования новых или преобразования имеющихся элементов когнитивной системы¹ для последующего влияния на процесс актуализации добровольной активности адресата в нужном манипулятору направлении (изменение или сохранение убеждений, суждений, ценностных ориентаций, понятий, схем и др.). Эффективность манипулятивного воздействия не определяется приведенными выше зависимостями. Это универсальный метод

¹ По определению автора, главными элементами когнитивной организации политического сознания являются *идеологемы, концепты, образы, стереотипы, установки и фреймы*.

психологического воздействия, успешная реализация которого зависит исключительно от уровня профессионального мастерства и наличия определенных преимуществ у субъекта воздействия над объектом, главным из которых является скрытый характер воздействия, позволяющий вызывать *имплицативный эффект*.

По определению автора данной статьи, *манипулятивное воздействие (манипулирование)* – это метод психологического воздействия, который представляет собой имплицитное воздействие на когнитивную систему индивида с целью вызвать имплицативный эффект, т. е. это воздействие на процесс мышления, понимания и восприятия, которое производится в скрытой и опосредованной форме, причем главной мишенью воздействия является процесс построения логических выводов. В результате индивид самостоятельно приходит к определенным идеям и выводам посредством выстраивания логических умозаключений по типу импликации – бинарной логической связки «если – то». *Имплицативный эффект* создает иллюзию самостоятельности мышления и добровольности производимых действий.

Реализация манипулятивной коммуникации в условиях политического рынка привела к изменению типа доминирующей мотивации политической активности. Используя классификацию Х. Хекхаузена, можно утверждать, что *интринсивный тип мотивации* заменился *экстринсивным* [Хекхаузен 1986]. Интринсивно мотивированная политическая активность соответствует заявленной цели и осуществляется ради своего содержания. В ее основе лежат мотивы, которые А. Н. Леонтьев называл *мыслообразующими* [Леонтьев 1971]. Они придают политической деятельности глубокий личностный смысл, определяющий ее экзистенциальный смысл. Экстринсивно-мотивированная политическая активность направлена на достижение результата, который в реальности является лишь средством для достижения совершенно иной цели, не связанной с деятельностью имманентно. Она порождается *мотивами-стимулами*, заданными «извне» отдельными субъектами политики или системой социально-политических отношений, способными влиять на процесс реализации потребностей.

Основным фактором формирования интринсивной мотивации является идеология, которая, актуализируя политические смыслы, оказывает влияние на процесс политического восприятия

и осуществляет смысловую регуляцию политического поведения¹. Идеология задает смысловой вектор политической активности, формируя тем самым мотивационную основу политической деятельности. Реализация манипулятивной коммуникации, особенно в контексте электоральных технологий, способствовала обесцениванию идейно-политического поведения российского электората и привела к тому, что борьба политических идей и идеологий, характерная для традиционной политики, постепенно трансформировалась в борьбу политических технологий, а традиционное понятие «идеологические приверженцы» сменилось понятием «технический электорат». В результате качественной трансформации традиционной (актуализирующей) формы функционирования идеологий возникли идеологии нового типа, которые автор обозначает как *манипулятивные идеологии* [Аль-Дайни 2011]. Это идеологии сугубо технологической направленности, функционирующие в манипулятивной форме, т. е. имеющие опосредованный, имплицитно-имплицативный характер воздействия. Они представляют собой бесформенные, аморфные образования, которые создаются «на заказ» и перманентно трансформируются в соответствии с конъюнктурой политического рынка, часто эксплуатируя популярные традиционные идеологические бренды. Главной задачей их применения является манипулятивное управление электоральным процессом в целях удержания властного положения субъектов политики в условиях демократии.

Проведенное исследование показало, что активное использование в современной российской политической практике манипулятивных технологий в целом и манипулятивных идеологий, в частности, привело к возникновению двух форм популизма:

1) *дифференцированный популизм*, рассчитанный на конъюнктурное обслуживание определенного сегмента политического рынка;

2) *недифференцированный популизм* технологической направленности, целью которого является «захват» максимальной

¹ С точки зрения *политической психологии* автор предлагает рассматривать идеологию как когнитивный феномен и когнитивный фактор политики, оказывающий существенное влияние на процесс формирования политического восприятия и осуществляющий смысловую регуляцию политической деятельности.

численности электората. Наиболее распространенным является недифференцированный популизм, который способствует развитию неконгруэнтности между когнитивными, аффективными и поведенческими компонентами политического восприятия.

Основными носителями манипулятивных идеологий в современной России являются политические партии, стремящиеся соответствовать конъюнктуре политического рынка. Они находятся в состоянии «перманентного кампания» и уже давно превратились в «электорально-профессиональные» организации, деятельность которых сосредотачивается на технологических аспектах избирательных кампаний, что стирает грань между повседневной рутинной работой партий и их предвыборной борьбой. Активное использование тактики клонирования «catch all party»¹ привело к победе «политических фантомов» [Гаман-Голутвина 2003]. Их возникновение в конце 1990-х гг. явилось ответной реакцией на процесс снижения электоральной активности россиян, голосование против всех и рост безразличного отношения к политическим событиям вообще [Ахременко, Мелешкина 2002]. Массовое «электоральное равнодушие» было вызвано прежде всего такими негативными процессами в российской политической жизни как перманентные «перебежки» политических деятелей из одной партии в другую, появление «псевдооппозиции», «микропартий», «партий-однодневок», построение партий под определенного лидера с последующим их распадом после достижения целей и т. д. Переход большинства российских политических партий в «режим всеохватности» не деидеологизировал их, как это представляют, а только усилил активность манипулятивных идеологий, которые автоматически превратились в идеологии данных партий. В результате многие партии превратились в *fake-структуры* – своеобразные аморфные организации, основной характеристикой (fake-принципом) которых «является несоответствие декларируемого и настоящего содержания... большая часть их деятельности не доходит до декларируемых ими целей, а останавливается на задаче удовлетворения финансовых запросов и амбиций их руководителей» [Григорьев 2007, с. 21].

¹ Так называемые всеохватные партии, феномен которых описывали Р. Гюнтер, Л. Даймонд, Р. Кац, П. Мэйр, С. М. Липсет и С. Роккан.

Fake – от англ. *поддельный, фальшивый*. Fake-структуры занимаются исключительно собственным PR-ом, который заменяет им реальную и общественно-полезную деятельность. Они способны: неоднократно менять свои принципы и идеологию вплоть до противоположной; одновременно придерживаться противоречащих друг другу идей и убеждений; быть приверженцами одних, а провозглашать другие идеалы и цели (в зависимости от аудитории); менять подходы в зависимости от выгоды; часто изменять название, которое никогда не соответствует реальному характеру деятельности; легко взаимодействовать и входить в коалиции с другими структурами (даже с идеологическими противниками); формально образовывать новые организации, не меняя при этом характера своей деятельности и оставаясь совершенно бесполезными для общества; идентифицировать свой «бренд» с личностью руководителя.

Исследования показывают, что в современной России подобные структуры, вооружившись fake-принципом и манипулятивными идеологиями, постепенно вытеснили реально работающие политические партии и организации. Создавая имитацию демократического государства и гражданского общества, их деятельность ведет к подмене и последующей дискредитации этих понятий.

Политическая психология рассматривает политическое поведение в контексте фундаментальной психологической триады СОЗНАНИЕ – ВОСПРИЯТИЕ – ПОВЕДЕНИЕ. Политическое сознание производит когнитивную обработку информации о политической реальности, поступающей из внешней среды, а политическое восприятие формирует внутреннюю оценку этой реальности на рациональном и бессознательном уровне [Шестопал 2018]. Количество и качество получаемой политической информации затрудняют процесс ее полноценной осознанной обработки в полном объеме. Сознание начинает испытывать перегрузки, и для того чтобы исключить негативные последствия для психики, в качестве защитных механизмов активизируются такие психические процессы, как *категоризация, идентификация, стереотипизация и атрибуция*, которые производят редукцию напряжения путем упрощения процесса понимания и восприятия [Брунер 2009; Tajfel, Turner 1986; Gilbert, Nixon 1991; Липпман 2004; Jones, Davis 1965; Kelley 1972].

Категоризация – это ментальная операция, в процессе которой происходит формирование системы базовых готовых категорий, содержащих минимум информации о признаках воспринимаемого

объекта, что позволяет экономить когнитивные усилия и избегать перегрузки сознания при восприятии объекта. Чем больше готовность категории, тем меньше необходимо информации для отнесения объекта к этой категории.

Идентификация – это ментальная операция, связанная с процессом категоризации, в ходе которой происходит дифференциация и готовые социально-политические категории начинают организовываться по принципу бинарных оппозиций: «мы – они», «свое – чужое», «друзья – враги» и т. д. Такие категории являются основанием для формирования различных социальных и политических групп в том случае, если они отражают идентичность группы.

Стереотипизация – это ментальная операция, в процессе которой актуализируются уже существующие и формируются новые стереотипы как алгоритмы мышления и поведения, заставляющие людей одинаково оценивать политическую реальность.

Атрибуция – это ментальная операция, в процессе которой происходит трактовка действий объекта восприятия и приписывание этим действиям определенных причин, т. е. на основании имеющейся информации об объекте восприятия, индивид с помощью, как правило, «додумывания» и «домысливания», выстраивает причинную обусловленность действий других людей.

Для формирования типа электорального поведения большое значение имеет уровень когнитивной вовлеченности в политические проблемы. Он определяется типом дискурса, из которого индивид получает политическую информацию, а также способностью ее понимать и воспринимать. У российского электората этот уровень крайне низок, так как определяется дискурсом СМИ, который используется политиками и партиями для «перманентного кампания». Способность восприятия подавляется манипулятивным потоком бессистемной политической информации в виде большого числа политических сообщений противоречивого характера, снабженных комментариями-манипуляциями лиц, которым присваивается статус эксперта. Смысловая размытость и противоречивость политической информации способствуют когнитивной дезориентации массового политического сознания и возникновению состояния когнитивного диссонанса. Огромное количество транслируемой информации не позволяет сознанию осуществлять ее полноценную обработку, а значит адекватно воспринимать. «Торможению» когнитивной активности в процессе политического восприятия способствуют также тип политического поведения

самых политиков (беспринципность, конъюнктурность и т. д.) и отсутствие стабильных, консолидирующих российское общество идей [Шестопап 2017].

Процессы категоризации и идентификации затрудняются необходимостью поиска адекватной информации, позволяющей отнести объект политической перцепции к определенной категории и произвести дифференцированную идентификацию. Процесс атрибуции представляет собой трактовку действий политиков и собственного электорального поведения по отношению к ним на основании актуализации стереотипизированной информации, получаемой из СМИ и позволяющей индивиду экономить когнитивные усилия. Таким образом срабатывает закон Йеркса-Додсона [Dodson, Yerkes 1908], согласно которому оптимум мотивации когнитивной активности индивида как субъекта политического действия в этом случае снижается, чем можно объяснить развитие тенденций политического абсентеизма и конформизма в условиях современной российской демократии. Развитие подобного состояния достигается в результате своеобразной точки бифуркации. Когда уровень когнитивной вовлеченности населения в электоральный процесс снижается до минимума, избиратели, уставшие от очередных политических «экзерсисов», разделяются на два электоральных сектора. Так происходит формирование двух доминирующих типов политического восприятия, определяющих соответствующие типы электорального поведения – деструктивный конформизм и протестный автоматизм.

Результаты проведенного исследования показали, что для современной России характерны четыре типа электорального поведения.

1. *Деструктивный конформизм участия* – пассивное и индифферентное участие в избирательном процессе и политической жизни, которое проявляется в безразличном и часто некритичном принятии того, что предлагают «поставщики электоральных товаров». Экстринсивно-мотивированная электоральная активность в данном случае, порождается мотивами-стимулами типа «явка ради явки» и «поддержка ради поддержки», которые, как правило, связываются с потребностями в безопасности и принадлежности к группе. Возникновение данных потребностей на уровне массового политического сознания в нашей стране объясняется прежде

всего наличием определенных, глубинных, уже давно перешедших в бессознательную сферу восприятия, элементов исторической памяти. В частности, это страх перед различного рода репрессиями за неучастие в обязательных, как считает большинство граждан, государственных мероприятиях типа выборов и страх подвергнуться общественному осуждению за «отрыв от коллектива», «отрыв от масс» и т. д. Особое значение здесь также приобретает такая особенность российского политического менталитета, как тоска по «сильной руке» и справедливому «царю-батюшке». В данном случае, восприятие политической деятельности в контексте идеологического смысла подменяется восприятием в контексте патерналистских отношений власти и подчинения.

2. *Деструктивный конформизм неучастия* – частный случай абсентеизма, полное отчуждение от всего, что связано не только с избирательным процессом, но и с политикой в целом – вплоть до состояния болезненного невосприятия, с последующим обособлением индивида в сфере частной жизни. Возникновению состояния деструктивного конформизма неучастия предшествует Экстринсивно-мотивированная электоральная активность, которая порождается мотивами-стимулами типа «явка ради получения конкретного результата» и «поддержка ради получения конкретного результата». Эти мотивы-стимулы в основном связываются с материальными потребностями, поэтому, как правило, граждане отдают свой голос тому, кто «убедительно» пообещает их удовлетворить. В данном случае, восприятие политической деятельности в контексте идеологического смысла подменяется восприятием в контексте рыночных отношений. Таким образом, граждане пребывают в состоянии перманентного ожидания выполнения обещаний, которое имеет циклическое выражение: невыполнение данных избранными политиками обещаний приводит к разочарованию и заставляет граждан на следующих выборах голосовать уже за других кандидатов, которые, в свою очередь, пообещают выполнить данные обещания и т. д. Систематическое и многолетнее пребывание в состоянии неоправданных ожиданий на изменение качества собственного социального бытия за счет изменения бытия политического приводит к возникновению в сознании граждан стереотипной позиции типа: незачем ходить на выборы, которые не способны изменить нашу жизнь. Соглашательство с подобной стереотипной позицией

в результате приводит личность избирателя как субъекта политического действия в деструктивное состояние.

3. *Протестный автоматизм участия* – осуществляемое в режиме «автомата» протестное голосование, связанное с критическим отношением к сложившемуся электоральному порядку и связанному с ним типу политических отношений, степень неприятия может доходить до различных форм проявления агрессивного протестного поведения. Экстринсивно-мотивированная электоральная активность порождается мотивами-стимулами типа «явка ради протеста» и «поддержка ради протеста». Эти мотивы-стимулы связываются с потребностью индивида в достижении уважения к нему как к гражданину демократического государства и признания его гражданских прав со стороны власти. Таким образом, восприятие политической деятельности в контексте идеологического смысла подменяется восприятием в контексте отношений равноправного партнерства.

4. *Протестный автоматизм неучастия* – частный случай абсентеизма, автоматическое неприятие сложившегося электорального порядка и связанного с ним типа политических отношений, проявляющееся как принципиальное уклонение от участия в избирательном процессе и политической жизни, не имеющей активного внешнего выражения, внутреннего протеста, при сохранении общего интереса к политике. Возникновению подобного типа восприятия и поведения предшествует состояние протестного автоматизма участия, т. е. перманентного протеста. Переход в состояние внутреннего, «тихого» протеста происходит в результате утраты смысла продолжения внешних протестных действий. Индивид приходит к пониманию абсурдности и неэффективности внешнего политического протеста, так как в ситуации сложившегося электорального порядка и типа политических отношений изменить качество политической власти не представляется возможным. В состоянии протестного автоматизма неучастия индивид занимает «выжидательную» позицию – ожидает начала изменений сложившейся политической ситуации с приходом эффективного политического лидера, которого можно будет поддержать. Восприятие политической деятельности в контексте идеологического смысла подменяется здесь восприятием в контексте сложившейся системы и психологии властных отношений.

В результате проведенного эмпирического исследования было также доказано, что чрезмерное и неконтролируемое использование манипулятивных технологий в современной российской политической практике, направленное исключительно на электоральный процесс, привело не только к нарушению психологического равновесия, изменению ценностных ориентаций и деградации форм адекватного отражения социально-политической действительности у избирателей, но и к более серьезным социально-политическим последствиям. Было выявлено отсутствие определенных стабильных ценностно-смысловых ориентаций в массовом политическом сознании россиян, что позволило субъектам воздействия с помощью манипулятивных идеологий устанавливать нужные доминантные позиции *идеологем* как советского, так и постсоветского периода, формирующих *концепты*, которые оперируют стереотипными представлениями об объекте восприятия и создают перцептивные *фреймы*, соответствующие конъюнктуре политического рынка. Исследование электорального восприятия на рациональном и бессознательном уровне позволило выявить неконгруэнтность когнитивных и перцептивных процессов, которая является результатом, производимой манипулятивными идеологиями, когнитивной дезориентации массового политического сознания.

Идеологема – это идеологически окрашенное понятие.

Концепт – это эмоционально окрашенное понятие, как правило, имеющее идеологическую природу.

Фрейм – это когнитивная структура, представляющая собой иерархически выстроенную систему знаний об обозначаемом. «Эффект фрейминга», открытый Робертом Энтманом, заключается в возможности формирования у различных аудиторий доминирующего способа восприятия одной и той же информации, т. е. восприятие осуществляется в рамках знакомого, ограниченного предопределенными рамками контекста [Entman 1993].

Партикуляризация – отделение части от целого, с последующим ее обособлением.

Кроме того, выяснилось, что происходит постепенная *партикуляризация* массового сознания, которую иногда ошибочно причисляют к факторам деидеологизации российского общества. Люди отстраняются от политического участия и стремятся к обособлению в сфере частной жизни, что может быть связано как

с конформностью, так и с протестностью. Данное явление можно объяснить тем, что люди с помощью таких «механизмов бегства» пытаются оградить себя от манипулятивного воздействия, так как в приватной сфере его длительное осуществление практически невозможно. Состояние деструктивного конформизма представляет серьезную опасность не только для осуществления демократических выборов, но и для самого избирателя как личности. Выборы, превратившиеся в пустую формальность, в обязательное мероприятие, от которого никто ничего не ждет, уничтожают мотивацию электоральной активности и ставят под сомнение их необходимость. Таким образом, индивид «самостоятельно» приходит к мысли о ненужности института выборов, так как демократический выбор – это лишь иллюзорная завеса для стремящихся к власти ради удовлетворения собственных корыстных интересов. Деструктивный конформизм способствует заметному снижению уровня когнитивной вовлеченности индивида в избирательный процесс и приводит в состояние электоральной стагнации, которая способствует нарастанию социальной апатии, вызывающей депрессию с последующей деградацией и деструкцией демократического общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аль-Дайни М. А.* К вопросу о применении методов психологического воздействия в политико-управленческой практике современной России // Рефлексивные процессы и управление: сб. материалов IX Междунар. междисциплин. науч.-практ. симпозиума, Москва, 17–18 октября 2013 / отв. ред. В. Е. Лепский. М. : Когито-центр, 2013. С. 56–59.
- Аль-Дайни М. А.* Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ: дис... канд. полит. наук. М., 2012. 167 с.
- Аль-Дайни М. А.* Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под. ред. О. Ю. Малиновой. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 33–47.
- Ахременко А. С., Мелешикина Е. Ю.* Голосование «против всех» как форма политического протеста: Проблемы изучения // Политическая наука. Современное состояние: Тенденции и перспективы. М. : ИНИОН РАН, 2002. № 1. С. 23–49.

- Брунер Дж. О перцептивной готовности // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. М. : АСТ : Астрель, 2009. 133–146.
- Гаман-Голутвина О. В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // Полис. 2004. № 1. С. 22–25.
- Григорьев М. С. Fake-структуры: призраки российской политики. М. : Европа, 2007. 216 с.
- Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 41–49.
- Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М. : МГУ, 1971. 38 с.
- Липпман У. Общественное мнение. М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с.
- Мелешикина Е. Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Политическая наука. 2001. № 2. С. 187–212.
- Пушкарева Г. В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. 2003. № 3. С. 120–130.
- Туровский Р. Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. 2012. № 3 (66). С. 100–120.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. Т. 2. М. : Педагогика, 1986. 391 с.
- Шестопал Е. Б. Политическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 2018. 368 с.
- Шестопал Е. Б. Политическое искусство, национальная идеология и «черный пиар» // Избирательные технологии и избирательное искусство: сб. статей / под общ. ред. С. В. Устименко. М. : Российская ассоциация политической науки (РОССПЭН), 2001. С. 20–24.
- Шестопал Е. Б. Психологический анализ политического поведения: методология и результаты исследований // Полис. 2013. № 6. С. 47–48.
- Шестопал Е. Б. Психологическое состояние российского общества между парламентскими и президентскими выборами: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 2. С. 119–129.
- Dodson J., Yerkes R. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. № 18. P. 459–482.
- Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 43 (4). Autumn. 1993. P. 51–58.
- Gilbert D. T., Hixon J. G. The trouble of thinking: Activation and application of stereotypic beliefs // Journal of Personality and Social Psychology. April 1991. Vol. 60. № 4. P. 509–517.

- Jones E.E., Davis K.E.* From Acts to Disposition: The Attribution Process in Person Perception // *Advances in Experimental Social Psychology* / L. Berkowitz (ed.). Vol. 2. N. Y., 1965. P. 219–266.
- Kelley H.H.* Attribution in Social Interaction // *Attribution: Perceiving the Causes of Behavior* / ed. E.E. Jones et al. Morristown–New Jersey, 1972. P. 126.
- Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986. P. 8–21.

УДК 327.56; 327.5; 327.7; 303.01

О. А. Воркунова

кандидат исторических наук; доцент кафедры теории регионоведения МГЛУ;
старший научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова, РАН;
e-mail: olga@pww.ru

**СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ
(на примере Черноморско-Каспийского региона)**

В статье поднимается актуальная проблема обеспечения безопасности в Черноморско-Каспийском регионе. На фоне изменений между силовыми центрами мировой политики и ее периферией вся структура региональных отношений подверглась перестройке. В работе рассматриваются факторы влияния на динамику региональных процессов. Особое внимание уделяется выдвижению инициатив по сотрудничеству для преодоления политической и социальной нестабильности и сокращения разрыва в уровнях социально-экономического развития. Будущее интеграционных процессов в макрорегионе, сценарии и модели его развития нашли отражение в появлении концепций «европеизации», «соседства», Большого Ближнего Востока и Большой Евразии как идейно-политических систем регионального характера.

Ключевые слова: региональная безопасность; мировая политика; глобализация; система международных отношений; Советский Союз; Россия; ЕС; США; НАТО; Кавказский регион; Евразия; Армения; Азербайджан; Грузия; Турция; Иран; Ближний Восток; Афганистан; Ирак; Сирия.

O. A. Vorkunova

Ph. D. (History), Assistant Professor, Department of Regional Studies, MSLU;
Senior Researcher, Primakov Institute of World Economy and International
Relations, Russian Academy of Sciences; e-mail: olga@pww.ru

**STRATEGIES FOR REGIONAL SECURITY:
NEW THREATS AND CHALLENGES
(the case of the Black Sea – Caspian Sea region)**

The article is devoted to the urgent problem of ensuring security in the Black Sea-Caspian region. Against the backdrop of changes between the power centers of world politics and its periphery, the whole structure of regional relations has undergone restructuring. The article examines the factors influencing the dynamics of regional processes. Particular attention is paid to initiating cooperation initiatives to overcome political and social instability and narrowing the gap in the levels of social and economic development. The future of integration processes in the macroregion, scenarios and models of its development are reflected in

the emergence of the concepts of "Europeanization", "Neighborhood", the Greater Middle East and Greater Eurasia as ideological and political systems of a regional nature.

Key words: regional security; world politics; globalization; the system of international relations; Russia; EU; USA; NATO; the Caucasus region; Eurasia; Armenia; Azerbaijan; Georgia; Turkey; Iran; the Middle East; Afghanistan; Iraq; Syria.

С формированием многополярного мира ведется становление региональной целостности. При этом процесс интеграции экономик, культур, политического и социального пространства на региональном уровне становится одним из главных факторов мировой политики. Распространение процесса регионализации явилось отчасти реакцией на глобализацию как насильственный процесс социальной и культурной гомогенизации [Rosenau 1997]. Возникновение глобальных средств управления сопровождается опытом на локальном уровне. Это касается не только экономических аспектов сотрудничества, но и поиска общих решений по отражению новых угроз и вызовов безопасности.

Постбиполярный мир отличается усложнением, фрагментацией и непредсказуемостью. В условиях глобализации возрастает потребность в разработке стратегии, которая бы охватывала весь мир во всей его целостности, взаимодополняемости и взаимозависимости. Система международных отношений в постконфронтационный период вобрала в себя часть неразрешенных проблем и противоречий периода холодной войны и уже успела накопить новые вызовы, связанные с отсутствием четких правил поведения в условиях глобализации. Сложность мирового пространства, нестабильная среда взаимодействия создают основу для объединения по региональному признаку и выдвижению инициатив по сотрудничеству для преодоления политической и социальной нестабильности и сокращения разрыва в уровнях социально-экономического развития.

Региональное строительство оказывается более эффективным, чем действия отдельных государств, и создает форму коллективной идентичности, одновременно обеспечивая большую правовую легитимность, чем глобализирующийся мир [Hirst, Thompson 1995].

В последнее десятилетие заметно возросло значение Черноморско-Каспийского региона в мировой политике. За это время произошли события, наложившие отпечаток на динамику региональных

процессов. Во-первых, расширение ЕС и НАТО на Восток стало свершившимся фактом. Во-вторых, военные действия США и их союзников в Афганистане, Ираке и Сирии под предлогом борьбы с международным терроризмом привели к существенной разбалансировке структуры региональных отношений как на Ближнем и Среднем Востоке (Западной Азии), так и в геополитическом макрорегионе – Средиземноморье – Черноморье – Каспий, не остывшем еще от военных операций на Балканах. В-третьих, по периметру постсоветского пространства прокатилась волна «фруктово-цветочных» революций, приведшая к смене поколений во властной структуре. И наконец, сохраняющиеся неразрешенные конфликты в регионе по-прежнему остаются фактором нестабильности.

В постбиполярный период зримо проявились набирающие силу процессы регионального сотрудничества и интеграции. Эти явления наблюдались не только в Европе, Азии, Африке и Америке, но и в так называемых пограничных зонах, в опоясывающих Европу и Евразию пространствах [Жерлицына 2018]. Неструктурированное геополитическое пространство, простирающееся от Балтийского моря до Каспия, втянуло в себя как бывшие республики Советского Союза, так и бывших участников могучей социалистической системы в Центральной и Юго-Восточной Европе. Эти отдельные субрегионы оказались в разной ситуации: одни частично вписались в европейскую интеграцию – в контексте стратегии расширения ЕС, другие остались за пределами объединенной Европы и евроатлантических структур, но уже ускользнули из-под влияния России. При этом аутсайдеры становились очагами нестабильности, подверженные влиянию внешних и региональных факторов.

В результате происходящих геополитических перемен пространство Средиземноморье – Черноморье – Каспий становится главной осью истории (римленд), окаймляющей хартленд с востока, юга и запада вдоль великого морского пути; римленд, в который топографически затруднены доступы со стороны хартленда, но который легко доступен и достигаем для океанической державы масштабов США [Поздняков 1993]. Однако, в отличие от периода после Второй мировой войны, когда явственно обозначилась океаническая держава, способная претендовать на контроль над римлендом с противовесом в лице Советского Союза, после распада СССР, в начале XXI в. в борьбу континентальных и океанических

держав вступил новый сопоставимый игрок – расширенная Европа. Примечательно, что это различие на евроатлантическом уровне проявилось в сходных, но при этом различных концептуальных названиях макрорегиона (Средиземноморье – Черноморье – Каспий) – Большой Ближний Восток (Big Middle East) и Увеличенный Ближний Восток (Greater Middle East).

Появление концепции Большого Ближнего Востока свидетельствует, во-первых, о завершении собственно европейского этапа расширения ЕС и НАТО и, во-вторых, о дифференциации интересов Европы и США, что должно было произойти, поскольку складывающаяся европейская структура начинает осознавать региональные интересы, отличные от государственных, в то время как США всё больше концентрируются на задачах сохранения и продвижения интересов *Rex Americana*. Это выражается в выстраивании перспективного планирования и стратегической философии в соответствии с нуждами американской национальной политики и использования региональных организаций в ее целях. На повестке дня США – последовательное решение задачи контроля над макрорегионом Средиземноморье – Черноморье – Каспий. Как писал Джорджи, «кто контролирует римленд, господствует над Евразией...» [Поздняков 1993]. Для США важно стратегическое закрепление на пространстве от Черноморского побережья Абхазии до границ Китая. Неслучайно в последние 8 лет проводится азиатский этап расширения сферы действия НАТО. Де-факто созданы новые зоны ответственности Евро-Атлантического союза в регионе Большого Ближнего Востока – Балканы, Афганистан, Ближний Восток, Центральная Азия [Богатуров 2004].

Формирование евроатлантической стратегии в Черноморском регионе началось после 2001 г. Это было связано прежде всего с событиями 11 сентября 2001 г. и «иракским кризисом», динамикой его развития, а также динамикой ближневосточного конфликта.

В самых общих чертах возникновение упомянутой стратегии обусловлено следующими факторами влияния: постепенной потерей управляемости и контролируемости региона Ближнего и Среднего Востока и зоны Персидского залива – основных поставщиков энергоресурсов – главной составляющей современной структуры экономики Запада; повышение в этой связи роли альтернативного региона, поставщика углеводородного сырья, не полностью

замещающего, но компенсирующего возможную утерю Ближнего Востока – регион Каспийского моря.

Таким образом, с повышением значения макрорегиона Средиземноморье – Черноморье – Каспий произошла его трансформация. В развитии региона четко прослеживается три этапа: первый связан с распадом Советского Союза, второй – с войной на Балканах, третий – с антитеррористической операцией США и их союзников в Афганистане и их военными действиями в Ираке и Сирии. И хотя за политикой США в регионе прослеживается четкая логика, уже упоминавшаяся, ее последствия принимают неконтролируемый характер. На фоне изменений между силовыми центрами мировой политики и ее периферией вся структура региональных отношений подверглась перестройке. Неизменным остался лишь феномен балканско-кавказского геополитического синхронизма, проявляющегося в параллельности развития событий на Балканах и на Кавказе [Серебриан 1999].

Конфликтообразующая полоса, содержащая деструктивную энергию, протянулась через Средиземноморье, Черноморье, Северный и Южный Кавказ к Центральной Азии. Геополитический хаос Балкан и Кавказа был прежде упорядочен конфронтацией по линии Восток–Запад. С прекращением глобальной конфронтации Балканы и Кавказ снова вернулись в состояние нестабильности.

Общность интересов и потребностей региона подкрепляется и общностью угроз, вызовов и рисков. Всё это создает благоприятные условия для развития регионального сотрудничества в сфере безопасности и региональной интеграции. В то же время в 1990-е гг. подавляющее число конфликтов пришлось именно на проблемные комплексы, расположенные на пространстве между Гибралтарским проливом и Каспийским морем. Термин «региональный конфликтный комплекс» обязан своим происхождением датскому ученому Барри Бузану. Петер Валленстеен, не менее известный шведский ученый, профессор Упсальского университета, провел эмпирические исследования и построил таблицы конфликтов за период 1989–1997 гг., подтвердив наличие упомянутых конфликтных комплексов, аккумулирующих подавляющее число противоречий современности [Wallensteen 1998]. К сожалению, следует констатировать, что макрорегион Средиземноморье–Черноморье–

Каспий является в этом плане лидером, за которым следует Африканский континент. Причем давление конфликтного противостояния здесь только усиливается. Пространство от Гибралтарского пролива до Каспийского моря включает в себя по крайней мере четыре конфликтных комплекса, напряженность в которых не спадает, а в отдельные периоды, наоборот, усиливается: Кавказ, Балканы, Ближний Восток, Центральная Азия.

Развитие процессов регионального строительства в институциональном плане шло неравномерно. Наиболее последовательно и стремительно происходила институционализация европейского пространства и европейских субрегионов, особенно в тех частях, где механизмы интеграции развивались давно («Северное измерение»).

Новая геополитическая идея «европеизации» сфокусирована вокруг традиционного доминантного фактора геополитики – пространства. Один из теоретиков идеи европейской «политики добрососедства» Майкл Эмерсон, давая характеристику «европеизации», отмечал, что это – процесс трансформации, культурное, институциональное и экономическое влияние европейской интеграции на внутренние структуры соседних государств. Примечательно, что появление идей «европеизации» и «соседства» отражает качественное изменение традиционных европейских понятий пространственных отношений между государствами под влиянием фактора расширения ЕС и появления новых угроз безопасности Европы и в их числе – международный терроризм и неконтролируемая миграция из конфликтных зон.

Установление жестких фиксированных границ является европейской практикой. Идея «соседства» привносит элемент размытости и незавершенности географического пространства. Эмерсон пишет, что «европеизация» – это введение институциональных механизмов и запуск процессов как на формальном, так и неформальном уровнях. Причем под европейской интеграцией понимается не только членство в Евросоюзе, но и участие в иных европейских и трансатлантических структурах: Совете Европы, ОБСЕ, евро-атлантическом партнерстве в рамках НАТО, сотрудничестве стран СНГ [Emerson 2003].

Концепция «соседства» является ответом на вызовы геополитической ситуации в Европе и Евразии. Отчасти она претендует

на создание аналога идеи буферных государств лорда Керзона. Между расширенной в результате приема новых членов Европой и пространственно сократившейся Советской империей возникла зона нестабильности, или *Mitteleuropa*. С присоединением к этому «срединному ярусу» Украины, Молдовы и Белоруссии увеличилась уязвимость и непрочность пространства. В этих условиях буферные государства нуждаются в поддержке со стороны внешних держав и в гарантиях своей территориальной целостности. Они прибегают к традиционной практике балансирования между сильными внешними игроками.

Идея Керзона о создании буферных государств, а в спорных случаях – демаркации границ, сохраняет актуальность и сегодня, хотя главной уязвимостью этой концепции является искусственный характер подобных государств, усиливающий их нестабильность и создающий простор для внешнего вмешательства. Однако кроме искусственных образований, созданных с целью урегулирования конфликтного взаимодействия по территориальным вопросам, существовали и вполне жизнеспособные и проверенные историей государства, выполнявшие функцию «буферных» в соответствии с международной правовой практикой. Версальский договор закреплял статус буферных государств за целым рядом малых стран Северной и Южной Европы: Норвегией, Данией, Швецией, Голландией, Бельгией, Люксембургом, Швейцарией, Финляндией, Румынией, Югославией, Болгарией, Албанией и Грецией. По определению известного английского теоретика Маккиндера, пояс буферных государств, образующий «европейскую зону раздела между евразийским хартлендом и маргинальным полумесяцем морских держав» включал евразийские буферные государства: Румынию, Югославию, Болгарию, Албанию и Грецию и его азиатское крыло: Турцию, Ирак, Иран, Афганистан и Тибет [Mackinder 1919].

Буферные государства, как правило, оказывались жертвами геополитических интриг. Поэтому проблемы стабильности и устойчивого развития становились для них синонимами выживания. Концептуально значимый отбор ориентиров государственной политики, устойчивых приоритетов, баланс разнонаправленных интересов, внутренние источники развития, системы равновесия представляют для них жизненно важное значение.

Один из современных идеологов Евросоюза, уже упоминавшийся Майкл Эмерсон выделял пять моделей контроля над геополитическим пространством:

1) *модель уступок* (приоритет отдается сохранению стабильности режима, даже если существующий режим правления относится к авторитарному и репрессивному по отношению к своим согражданам типу);

2) *модель пассивного вмешательства* в ход развития (предполагает политический диалог по вопросам прав человека и демократических ценностей, но исключает возможность силового давления и не предусматривает принятие специальных стимулирующих мер);

3) *модель активного вмешательства* (предусматривает одновременное содействие развитию экономической, политической и гуманитарной составляющей с подчеркиванием приоритета демократических ценностей и прав человека в стратегии развития);

4) *модель враждебного вмешательства* (по отношению к режимам, нарушающим права человека и не выполняющим свои обязательства в соответствии с демократическими ценностями. Для силового давления используется весь арсенал дипломатических средств, экономических и иных санкций);

5) *модель насильственного свержения* неугодного режима (в крайней форме – использование военных действий или политическое давление, подкрепляемое угрозой применения силы) [Emerson 2003].

По мнению Эмерсона, первая модель контроля себя изжила, вторая – продемонстрировала свою неэффективность (на примере Барселонского процесса), третья модель наиболее перспективна для использования в будущем, четвертая модель была задействована в довоенной фазе «иракского кризиса», пятая модель была применена в Афганистане в 2001 г., Ираке – в 2003 г., Ливии с бомбардировками и военной оккупацией территорий [Emerson 2003].

Сопоставляя выводы М. Эмерсона с классификацией русского ученого Н. Косолапова, можно выделить пять типов взаимодействия, которые диктуют дальнейшую логику развития в регионе. Это нейтральное взаимодействие, которое легко может перейти в «конфликт как следствие ухода от проблем». Вторая модель соответствует позитивному взаимодействию с возможностью перехода

в стадию перерастания конфликтного взаимодействия в отрицательные – «минус-взаимодействия». Четвертая и пятая модели соответствуют форме отрицательного взаимодействия конфликтного противостояния и его разновидностям в зависимости от геополитического контекста [Косолапов 1998].

Возникновение понятия «южное измерение» появилось в связи с пониманием возросшего значения геополитического пространства, простирающегося от Гибралтара до Каспийского моря и включающего Средиземное, Черное и Каспийское моря. Нарушение стабильности и баланса в макрорегионе в результате распада Советского Союза, агрессии США и НАТО на Балканах, террористических атак в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., вторжения в Афганистан и «иракским кризисом» с последующей военной оккупацией Ирака силами США и их союзников, поставило на повестку дня вопрос о формировании консенсуса интересов между основными силовыми центрами этого пространства в целях оптимального обеспечения своей безопасности. Одновременно изменился характер Южного Кавказа как северного соседа Турции и южного соседа России.

Геополитическая организация мира в конце XX – начале XXI вв. переживает этап очередной динамической трансформации. В стратегическом плане и в долгосрочной перспективе нет принципиальных противоречий между Россией, ЕС и Китаем как основных центров силы в Европе и Евразии. Важно лишь формирование продуктивного баланса, позволяющего избегать перекоса в сторону доминирования какой-либо одной из трех составляющих. Примечательно, что та же задача – не допустить доминирования какой-либо из сил в Евразии – стоит и перед США. Поэтому стратегия поддержки наиболее слабого угла в треугольнике ЕС – Россия – Китай объективно отвечает интересам всех участников мировой политики. Но при этом имеется один важный нюанс: на нынешнем этапе развития США действуют, исходя из национальных интересов, а ЕС и в перспективе Россия должны вести себя в соответствии с интересами союза государств или федерации государств региона, и это принципиальное отличие несет в себе зародыш серьезного конфликта и взаимного недопонимания, поскольку интересы государства не адекватны общим интересам союза государств, как неодинакова идентичность национального государства и региона.

В отличие от России, для которой Черноморско-Каспийский регион оставался зоной влияния, Южный Кавказ не привлекал внимание западных ученых и стратегов до 2003 г. Однако по мере успешного выполнения программы по расширению ЕС на Восток в 1990-х гг. смещался и геополитический горизонт ЕС, наступило время подумать и о более отдаленных географических пространствах. Сигналы, шедшие из Брюсселя, находили ответный отклик у нового поколения политических лидеров, возглавивших Болгарию, Румынию, а также новые государства Кавказа.

С другой стороны, как признавались координаторы проекта по Черноморью из Германского фонда Маршалла (США), обострение ситуации на Ближнем Востоке вызвало к жизни интерес к региону Черного моря как стратегически важному транспортному коридору между Европой и Азией, связывающему Запад с богатым углеводородным сырьем Каспийским морем [Brauch 2003]. Новый расклад сил на мировом рынке топлива и его потребления грозил будущей нестабильностью и нарушением безопасности западных стран. Иными словами, именно обострение проблем безопасности и вызвало повышенный интерес евроатлантических стратегов к Черноморскому региону и его кавказской составляющей. Определяющим фактором стали поиски равноценной замены ближневосточной нефти (диверсификация источников углеводородного сырья), планы создания субрегиональных энергетических систем, возведения транспортных коридоров, соединяющих Европу и Азию, и обеспечение безопасности создающейся и имеющейся инфраструктуры.

В последнее десятилетие XX в. произошли изменения и в весовых категориях основных игроков Средиземноморско-Черноморского пространства как регионального, так и мегарегионального уровня. США стали безраздельным лидером в военно-политической и экономической плоскости, быстрыми темпами набирает экономический и политический вес Китай. По некоторым прогнозам, уже к 2020 г. Китай станет бесспорным экономическим лидером в мире, обогнав США, а в демографическом плане ему сможет составить конкуренцию лишь Индия.

Под влиянием событий на Ближнем Востоке, в том числе развала Ирака в результате военного вторжения США в 2003 г., усилением шиитско-суннитского противостояния, превращении

Ливии, ранее игравшей важную роль в Северной Африке и арабском мире, в несостоявшееся государство, появления террористической организации ИГИЛ в 2014 г. (Организация, деятельность которой запрещена в РФ) после «арабской весны», дестабилизации в Ираке и Сирии, общим обострением внутрирегиональных противоречий после визита нынешнего президента США Дональда Трампа в Саудовскую Аравию и объявления ультиматума Катару рядом арабских государств, происходит военно-политическое втягивание внерегиональных игроков, имеющее своим следствием распространение неустойчивости на соседние регионы, в том числе Черноморско-Каспийский регион. Таким образом, для обеспечения региональной безопасности особое значение имеют риски глобального характера, прежде всего негативные последствия глобализации.

На внутренние риски накладываются региональные риски, в их числе межгосударственные отношения черноморских стран, и субрегиональные риски – взаимоотношения государств Южного Кавказа, влияние на региональную политику стран, не входящих непосредственно в пространственную зону Черноморья, наличие здесь неразрешенных конфликтов. Обстановка и развивающиеся здесь процессы, сегодняшний и завтрашний день этого региона затрагивает жизненные интересы России в силу геополитических, геостратегических и экономических причин.

Для стран Южного Кавказа, также как и для других нестабильных регионов мира, характерны новые типы конфликтного противостояния, сочетающего в себе элементы социальных столкновений, признаки этноконфессионального противостояния и гибридных войн. К данному перечню видов конфликтных столкновений следует отнести и так называемые войны по доверенности (прокси-войны), допускающие втягивание внешних сил и провокации со стороны региональных элит. Вместе с тем особую угрозу представляют радикальные исламские течения, трансформирующиеся в негосударственные структуры исламистских военизированных группировок. По мнению бывшего председателя Госкомитета по работе с религиозными образованиями Азербайджана, профессора Р. Алиева эти образования способны расшатать внутриполитическую стабильность путем обострения религиозной ситуации и привести к кризису государственных институтов [Коммерсантъ].

Американский автор Р. Асмус лишь вскользь упоминает о важнейшем факторе влияния на изменение стратегических приоритетов Европы, говоря о том, что контроль над Причерноморьем приведет к бесперебойной доставке углеводородного сырья из Каспийского бассейна и стран Центральной Азии по безопасным маршрутам, пролегающим через это пространство. Бесперебойная доставка энергосырья на десятилетия обеспечит процветание политически свободной Европы [Asmus 2004]. Учитывая то обстоятельство, что сегодня Европа импортирует 50 % энергетического сырья, которое поступает через проливы Босфор и из зоны Ближнего Востока, а к 2020 г. ожидается, что 70 % энергоресурсов будет по-прежнему импортироваться из неевропейских регионов, то значение безопасных маршрутов доставки энергосырья постоянно растет. Поэтому высказывания, обосновывающие включение Черноморского региона в евро-атлантическую систему потребностью еще больше ее консолидировать и обеспечить европейскую стабильность и безопасность, вполне органично вписываются в пропагандистское обоснование освоения Черноморского пространства.

В условиях общего кризиса западного доминирования и трансформации международных отношений от лидерства к культурному балансу к концу второго десятилетия XXI в. борьба за перераспределение влияния в макрорегионе Средиземноморье – Черноморье – Каспий способствует росту напряженности и в Кавказском регионе. Это соперничество формирует приоритеты внешней политики Армении, Грузии и Азербайджана.

В свою очередь, внешние игроки преследуют свои собственные интересы и приоритеты на Южном Кавказе. Для России это стремление обеспечить устойчивость в традиционной сфере влияния, противодействие угрозам распространения терроризма и деятельности экстремистских группировок на Северном Кавказе, недопущение дальнейшего сближения Грузии с НАТО, сохранение баланса отношений с Азербайджаном и Арменией и проведение посреднических миссий в НКР.

Для Турции Кавказский регион – это возможность создания своего субпространства регионального доминирования, используя инфраструктурные и транспортные проекты.

Для Ирана открываются новые сферы для упрочения своих позиций на региональном пространстве в соперничестве с Турцией

за сферы влияния в постсанкционный период. Вместе с тем продолжение ядерной программы Ирана несет риски столкновения с Израилем и США и росту нестабильности в расширенном Средиземноморско-Черноморском регионе. При этом просматривается активизация внешней политики Ирана, в том числе и на кавказском направлении.

С учетом сохраняющейся напряженной обстановки в отношениях Грузии и непризнанной Тбилиси независимости Абхазии и Южной Осетии, неурегулированности конфликта в Нагорном Карабахе, соперничестве за духовное и политическое лидерство между Турцией и Ираном, экономических трудностях в России и Азербайджане увеличиваются риски стабильности и безопасности в регионе в целом.

Несмотря на конфликтность сложившейся ситуации вокруг непризнанных государств, структурированность внешней политики Азербайджана, Грузии и Армении, по-разному ориентированных на европейское, пророссийское и восточное направления, существуют шансы на конструктивное взаимодействие со встречными усилиями внерегиональных игроков США, стран Европы и Китая к выработке широкого комплекса взаимоприемлемых решений в общих интересах упрочения стабильности и безопасности в Черноморском регионе и на Южном Кавказе, в частности.

В целом ЕС не теряет надежды на прорыв в разрешении конфликтов на пространстве макрорегиона Средиземноморье – Черноморье – Каспий, однако, учитывая печальный опыт снижения доверия и охлаждения в отношениях с Россией в ходе контактов, все же рассчитывает использовать резерв более активного вовлечения в диалог внерегиональных игроков США и Китая, играя при этом роль посредника.

Поэтапные шаги по созданию атмосферы доверия и предсказуемости поведения всех региональных игроков могли бы минимизировать возможные негативные последствия со стороны источников нестабильности и гражданских войн на Ближнем Востоке. В этой связи неременным условием переустройства, отвечающим требованиям современной ситуации в Средиземноморско-Черноморском регионе и интересам национальной безопасности России и стран Южного Кавказа стало бы решение заключить соглашения или

принять совместную декларацию участников Женевских дискуссий по безопасности на Кавказе об отказе от применения силы и угрозы ее применения как первого шага на пути конструктивного взаимодействия по вопросам обеспечения региональной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А.* Перерождение НАТО // Независимая газета. 2004. 28 июня. С. 2.
- Двали Г.* Грузино-турецкие отношения стали стратегическими // Коммерсантъ. URL: www.kommersant.ru/doc/3305495
- Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М.* Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М. : МГЛУ. 2018. 273 с.
- Косолапов Н. А.* Политико-психологическая типология конфликта // Форум: проблемы стабильности. 1998. № 1. С. 18–19.
- Поздняков Э. А.* Геополитика: теория и практика. М. : ИМЭМО РАН, 1993. С. 53–72.
- Серебрян О.* Балканы и Кавказ: феномен геополитического синхронизма // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России / отв. ред. О. Воркунова. М. : Гриф-Ф, 1999. С. 7–20.
- Emerson M.* The Shaping of Policy Framework for the Wider Europe // Policy Brief. 2003. September. # 39. 2 p.
- Hirst P., Thompson G.* Globalization and the Future of the Nation State // Economy and Society. 1995. Vol. 24. # 3. 433 p.
- Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. N. Y., 1919. 208 p.
- A New Euro-Atlantic Strategy* / Eds. R. Asmus, R. Dimitrov, J. Fordrig. Washington D.C., 2004. 17 p.
- Rosenau J.* The Complexities and Contradictions of Globalization // Current History. 1997. P. 360–364.
- Security and Environment in the Mediterranean* / Eds. H. Brauch, P. Liotta, A. Marquina, P. Roger. Mohammad El-Sayed Selim. Springer, 2003. 22 p.
- Wallensteen P.* Global vs Regional: On the Optimal Use of International Organisations. A Paper was presented to the Second Baltic-Nordic Peace Research Conference. Regionalism and Conflict Resolution. Vilnius, 1998. 24–27 September. P. 2–3.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЫ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НА БАЗЕ ЕВРОСОЮЗА И МЕРКОСУР В ХХІ ВЕКЕ

Международная латиноамериканская организация «Общий рынок Юга» (МЕРКОСУР) является одной из наиболее авторитетных организаций в сфере политики и экономики в Латинской Америке. На фоне других региональных организаций, например, Организации американских государств (ОАГ) и Союза южноамериканских наций (УНАСУР), она является наиболее стабильной и влиятельной в южноамериканском регионе. В рамках данной Организации существует значительное число ассоциированных членов и официальных наблюдателей, что позволяет данной организации являться учредителем политической повестки дня в регионе.

Выстраивание отношений с ЕС перспективно для всех стран данного латиноамериканского объединения. В условиях нестабильной мировой политической обстановки, кризиса в канонах международного права, налаживание отношений между региональными форумами может стать залогом интеграции экономических и политических систем Европы и Южной Америки.

Политическая ситуация демонстрирует, что США теряют неоспоримое преимущество в регионе. На место североамериканскому капиталу приходят китайский и российский капитал. В этих условиях ЕС рискует остаться в стороне от процесса укрепления ключевых акторов мировой политики в латиноамериканском регионе. Одним из вариантов укрепления ЕС на этом внешнеполитическом направлении стало создание зоны беспопытной торговли. Учитывая культурные и цивилизационные сходства регионов, можно говорить о том, что ЕС еще не до конца использовал свой потенциал на данном направлении. Помимо схожих культур, лингвистической и религиозной близости, у ЕС существует простор для маневра на данном направлении. Подобная ситуация может создать хорошую почву для интенсификации международных связей регионов между собой. Кроме того, возможное создание зоны свободной торговли является залогом развития бизнеса в регионе. Тем не менее сохраняются противоречия между этими международными субъектами, которые осложняют переговорный процесс, начавшийся еще в 2004 г., после того, как была прекращена разработка проекта «Зоны свободной торговли Америки» (АЛКА). В отличие от амбициозного проекта АЛКА, который был инициирован США, ЕС не ставит перед собой цель полного экономического доминирования на рынке Южной Америки в виду своего промышленного превосходства. Несмотря на согласие вести переговоры об интеграции своих рынков с ЕС, всё же выделились ключевые противоречия, которые отражали политическое противостояние Латинской Америки и Европы. Во-первых, это выражалось в том, что ЕС отказывался

от открытия своих рынков аграрной продукции странам – членам МЕРКОСУР, в то время как в Бразилии и в Аргентине отказывались снимать ограничения на ввоз промышленных товаров.

В то же время продолжающийся финансовый кризис заставляет ЕС открывать новые рынки сбыта и инвестиционные площадки за пределами Европы, чтобы компенсировать слабый внутренний спрос. Продолжение переговоров стало ключевым пунктом в поисках выхода из кризисной ситуации. Также политические круги Европы и Южной Америки понимают сложность выхода из кризиса исключительно с помощью торгово-политической экспансии собственными силами.

Ключевые слова: Латинская Америка; Европа; МЕРКОСУР; Европейский союз; интеграция; международные отношения; политика.

A. I. Emelianov

PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); MSU; e-mail: anton.politolog@ya.ru

INTERACTION OF EUROPE AND LATIN AMERICA ON THE BASIS OF THE EUROPEAN UNION AND MERCOSUR IN THE XXI CENTURY

International Latin American organization of Mercosur (Spanish: Common market of the South) is one of the most respected political and economic organizations in Latin America. Other regional organizations, such as the Organization of American States (OAS) and UNASUR (Spanish: "Union of the South American Nations"), it is the most stable and influential in the whole region. The fact that it is within the framework of this organization that a significant number of associate members and official observers exist makes it possible for this organization to be the founder of the political agenda in the region.

Building relations with the EU is promising for all the countries of this Latin American association. In the conditions of unstable world political situation, crisis in the canons of international law, the establishment of relations between regional forums can be the key to the integration of economic and political systems of these regions.

The current regional political situation demonstrates that the US is losing an undeniable advantage in the region. In place of the North American capital come Chinese investments. In this context, the EU risks being left out of the process of strengthening key actors of world politics in the Latin American region. One of the options for strengthening the EU on this foreign policy direction was the creation of a duty-free zone.

Given the cultural and civilizational similarities of the regions, we can say that the EU has not yet fully used its potential in this direction. In addition to similar cultures, linguistic and religious affinity, the EU has room for maneuver in this direction. Such a situation can create a good ground for the intensification of

international relations between the regions. In addition, the possible creation of a free trade zone is the key to business development in the region.

Despite this, there are still contradictions between these international actors, which complicate the negotiation process, which began in 2004, after the development of the ALKA project (with the use of the "free trade Zone of the Americas"). Unlike the ambitious ALKA project that was initiated by the US, the EU does not set itself the goal of total economic dominance in the South American market in view of its industrial superiority. Despite agreeing to negotiate the integration of their markets with the EU, there were still key contradictions that reflected the political confrontation between Latin America and Europe. First, it was expressed that the EU refused to open its agricultural markets to MERCOSUR countries, while Brazil and Argentina refused to lift restrictions on the import of manufactured goods.

At the same time, the ongoing financial crisis is forcing the EU to open new markets and investment platforms outside Europe to offset weak domestic demand. The continuation of the talks has become a key point in the search for a way out of the crisis. Also, the political circles of Europe and South America understand the difficulty of overcoming the crisis solely through trade and political expansion on their own.

Key words: Latin America; Europe; Mercosur; European Union; integration; international relations; politics.

Латиноамериканские государства, являющиеся членами крупнейшей региональной политико-экономической организации МЕРКОСУР, во многом определяют политику региона на международной арене. Полноценные участники данной региональной организации: Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла (с 2012 г.). Кроме того, Боливия, Чили, Эквадор, Колумбия и Перу имеют статус ассоциативных членов, Мексика и Новая Зеландия имеют статус официальных наблюдателей. МЕРКОСУР проводит переговоры с различными международными надгосударственными структурами, обсуждая вопросы межрегионального сотрудничества и укрепления политико-экономических связей. Одним из наиболее перспективных направлений подобного сотрудничества является взаимодействие с Европейским союзом и его институциональными структурами.

В настоящее время страны – участники МЕРКОСУР экспортируют в среднем 22 % от их общего объема товаров в ЕС, в то время как импорт из ЕС составляет практически 25 % [International Trade Statistics Yearbook]. В то же время справедливо говорить о том, что подобная модель экономических отношений, базирующихся

на обмене товарами, претерпела минимум изменений с тех пор, как был основан МЕРКОСУР. Данная модель соответствует классической концепции «центр – периферия», или «метрополия – колония». В то время как в экспорте МЕРКОСУР преобладают сырье и сельскохозяйственная продукция, 80 % импорта из ЕС – товары промышленного назначения [Trade with Mercosur countries 2012–2018]. Для ЕС данное положение вещей выглядит иначе: доля торговли ЕС с МЕРКОСУР достигает в общем соотношении 5 %, поэтому Латинскую Америку принято считать малозначимым партнером для прямых инвестиций со стороны ЕС. Осложняет ситуацию и тот факт, что многие европейские компании повели себя очень агрессивно во время этапа приватизации в латиноамериканских государствах в 1990-е гг., не оказывая никаких дополнительных финансовых вливаний, а лишь используя их для получения прибыли и вывода ее за рубеж. В то же время сегодня объем европейских прямых инвестиций в страны МЕРКОСУР больше, чем у КНР, Индии и России в совокупности [EU direct investment...]. Однако с 2013 г. товарооборот снижается, а присутствие европейцев на рынке услуг и инвестиционных услуг увеличивается [Статистические данные 2012–2016]. В этом случае можно говорить о том, что экономические взаимоотношения и культурная близость продолжают влиять на политико-экономические отношения двух регионов.

Причины такого развития событий разнообразны, тем не менее они снова сходятся к основному политико-экономическому конфликту, который оказал значительное влияние на взаимоотношение ЕС и стран – участников МЕРКОСУР. ЕС заинтересован в первую очередь в создании доступного рынка промышленных товаров и в либерализации сектора услуг и государственных закупок в Латинской Америке, а усилия МЕРКОСУР направлены на развитие рынка сельскохозяйственной продукции и протекционизм на внутренних рынках. При этом аграрная политика ЕС направлена на протекционизм в интересах европейских производителей. Одним из опасений МЕРКОСУР является перспектива оказаться в политико-экономической зависимости от Европы в сфере сельского хозяйства. Кроме того, МЕРКОСУР беспокоится, что либерализация рынка может привести к ослаблению производительных мощностей в своих странах. Им выгоднее, чтобы ЕС стал рынком

сбыта сельскохозяйственной продукции и не заключал больше никаких торговых соглашений с другими странами и интеграционными группировками Латинской Америки, кроме тех, которые разрешены и подразумеваются Соглашением о свободной торговле, заключенном между Израилем и Европейским экономическим сообществом [Договор о свободной торговле ...].

Учитывая продолжающееся столкновение интересов и переговоры, длящиеся уже более десяти лет, возникает вопрос: «Почему ЕС продолжает переговоры с МЕРКОСУР?» Можно предположить два объяснения подобному положению вещей:

1) мультилатерализм в международных переговорах (возникший в рамках ВТО, когда потенциальным странам, желающим войти в ВТО, нужно получить одобрение у всех стран-членов ВТО) дал импульс новой политике билатерализма, в результате страны вынуждены выстраивать развитые двусторонние отношения помимо коллективного переговорного процесса;

2) смещение сил в мировой политике, изменение мировой экономической конъюнктуры и растущий интерес КНР к внутреннему рынку Латинской Америки.

В этих условиях можно прогнозировать успешное завершение переговоров из-за готовности руководства ЕС к гибкости в переговорном процессе. Это обусловлено экономическим кризисом, который оказал более значительное воздействие на ЕС, чем на страны Южной Америки. Кроме того, в отличие от Латинской Америки, ЕС находится в кризисе сверхнакоплений, так как причина кризиса – избыток капитала при отсутствии возможностей прибыльного вложения в основные фонды. В этих условиях важнейшей задачей, стоящей перед любым государством, является поиск новых возможностей вложения избыточного капитала.

Видный западный исследователь Д. Харви с помощью своей теории «пространственно-временного сжатия»¹ объяснил, как это может произойти. Согласно этой теории сжатие времени и пространства происходит в связи с интенсификацией процессов глобализации и глокализации. Подобное приводит к «интенсивной фазе пространственно-временного сжатия, которая имеет дезориентирующее и разрушительное влияние на политико-экономическую

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. Е.

жизнь, баланс классовой власти, а также на культурную и социальную жизнь» [Harvey 1989, с. 293]. Пример уничтожения пространства через время дают продукты и услуги, ранее недоступные в различных регионах и странах из-за логистических проблем. Или, например, во время войны 1991 г. США с Ираком телевидение мгновенно переносило нас от воздушных ударов по Багдаду к «молниеносным» атакам Тель-Авива и военным брифингам в Эр-Рияде. Такой избыток может быть потенциально поглощен:

1) благодаря своевременным изменениям с помощью инвестиций в долгосрочные проекты или социальные проекты (в качестве расходов);

2) благодаря масштабным изменениям с помощью открытия новых рынков, новых производственных мощностей и ресурсов, а также новых рабочих мест в новых разных локациях;

3) с помощью комбинации первых двух вариантов [Harvey 2003].

Руководствуясь этими негласными принципами ЕС продолжает переговоры с МЕРКОСУР [Los Cancilleres del MERCOSUR...]. В случае успеха, мировую экономику ждет полноценная либерализация рынка, сопровождаемая ростом деловой активности, а также увеличением экспорта из Европы в два раза [Presidencia Pro T  mpore ...].

Насколько успешно у ЕС получится реализовать проект торгово-политической экспансии, зависит в первую очередь не от желания европейских стран, а от интересов их партнеров по переговорам, соотношения политических интересов. Здесь материализуется вопрос о «соотношении сил» ЕС и МЕРКОСУР.

Как и во многих других странах, находящихся на периферии капитализма, так и в странах Южной Америки, в 1990-х гг. преобладала неолиберальная политическая модель. Модель, базировавшаяся на союзе национальных элит и транснациональных компаний. Несмотря на то что она привела к увеличению деловой активности на первом этапе, в дальнейшем все вылилось в спад экономического роста, вывод активов в офшоры и в зависимость экономик латиноамериканских государств от стран Западной Европы и США. После социально-экономических кризисов в Бразилии и Аргентине интерес к либерализации начал падать. В начале 2000-х гг. новоизбранные левоцентристские партии решились на частичный отказ от политики неолиберализма [Boris, Schmalz, Tittor 2005].

Это и последующие дебаты о переходе от политики «либерального регионализма» к «постнеолиберальному» обозначили смену внешнеэкономического направления стран – участников МЕРКОСУР [Sanahuja 2012]. Таким образом, главным приоритетом МЕРКОСУР стало индустриальное развитие [Malcher 2005].

В 1960–1970-х гг. вместо улучшения взаимоотношений с традиционными торговыми партнерами в лице США и Европы началось усиление «кооперации Юг–Юг», что, например, позволило КНР выйти на южноамериканские рынки. Под сотрудничеством «Юг–Юг» понимается исторически обмен ресурсами, технологиями и знаниями между развивающимися странами. Поэтому соглашение о сотрудничестве с ЕС было бы выгодно МЕРКОСУР в том случае, если бы явные недостатки компенсировались доступом к сельскохозяйственным рынкам ЕС.

В последние годы политическая элита МЕРКОСУР видит в экономической слабости ЕС возможность добиться больших уступок. Пока европейские рынки теряют привлекательность, а европейские компании направлены на открытие новых рынков с помощью договоров о свободной торговле, соотношение сил сместилось в пользу Южной Америки, повысив ее инвестиционную привлекательность. Руководители ЕС осознают эти изменения. Например, представительница Комитета по торговле Европейской комиссии объясняет это в интервью следующим образом: «Я бы сказала, что ЕС сегодня находится в слабом положении для ведения переговоров <...>. Можно констатировать, что мы нуждаемся в новых соглашениях, чтобы найти новые источники роста <...> Раньше соглашения заключались по инициативе наших торговых партнеров <...>. Сегодня ситуация сложилась так, что европейский рынок находится в состоянии кризиса, поэтому наши партнеры могли бы аргументировать свой отказ тем, что соглашение о торговле их больше не интересует» [Stearns 2018].

Хотя среди потенциально новых политико-экономических направлений стран Латинской Америки можно выделить страны Азии, Европа остается привлекательным и важным рынком. Мнимая слабость ЕС, на самом деле, могла бы оказаться в первую очередь ошибочным восприятием ситуации партнерами по переговорам. Несмотря на то что сотрудничество Юг–Юг не сможет заменить торговые отношения с США и ЕС, КНР всегда используется

в переговорах в качестве средства давления, одновременно с этим существует боязнь перед «китайским вторжением» или «русским вторжением», возобновлением отношений «центр – периферия» под новыми условиями.

Подводя итоги, можно утверждать, что в настоящее время интересы ослабленного ЕС, который считает, что он вынужден искать новые рынки сбыта и инвестиций, и уверенного в себе МЕРКОСУР, который с нажимом продвигает свои протекционистские и наступательные интересы, противостоят друг другу. Анализ отношений ЕС и МЕРКОСУР демонстрирует то, что ЕС столкнулся с серьезными противоречиями между торгово-политическими планами и условиями их реализации. Острая нужда в торговой экспансии, которая является результатом еврокризиса и неолиберальных методов регулирования, сказывается на балансе сил двух регионов в пользу МЕРКОСУР. Кризис выступит, скорее, в форме катализатора новых действий. Дело идет к тому, что большее значение придается политическому подтексту возможного договора.

Во-первых, из-за нужды в освоении новых рынков сбыта и инвестиций ограничивается свобода действий ЕС, но в то же время ЕС предлагает планы так называемой глубокой интеграции и защиты инвесторов. Примером могут быть «введение идентичных стандартов производства, правил регулирования инвестирования, государственных закупок и политики конкурентоспособности» [Claar, Nölke 2012, с. 5].

Во-вторых, в отношении формата переговоров наблюдается движение в сторону билатерального характера. Эффективнее всего найти компромисс с ключевыми странами этого объединения, например с Бразилией, а затем совместно с ней оказывать давление на других.

В связи с развитием событий в ЕС интеграция с МЕРКОСУР может поспособствовать стабилизации кризисной ситуации и уменьшению противоречий. Таким образом, во внешней политике ЕС можно заметить черты авторитарного этатизма, вызванные внутренним кризисом в еврозоне, а также внешними факторами, которые являются составной частью растущей агрессивной торговой политики. Кроме того, речь идет о транснационализации европейских концернов и образовании новой европейской политико-экономической модели, базирующейся на институциональном

подходе и воздействию на торговые отношения в качестве инструмента внешней политики. В этой связи можно предположить, что ЕС слишком рано начал применять активные меры в отношении южноамериканского региона без ясного и однозначного объяснения своих действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Договор о свободной торговле между Израилем и ЕЭС (ст. на английском языке) // Official Journal of the European Communities. 1985. № 147. 156 p.
- Статистические данные 2012–2016 // Официальный сайт Экономической комиссии для стран Латинской Америки (СЕПАЛ). URL: estadisticas.cepal.org/cepalstat/engine/index.html
- Boris D., Schmalz S., Tittor A.* Lateinamerika: Verfall neoliberaler Hegemonie? // Deutschland, Bielefeld : Verlag der Universität Bielefeld, 2005. 125 S.
- Canciller Argentina anuncia avances en el acuerdo del MERCOSUR con Unión Europea (UE) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Аргентина. URL: www.mrecic.gov.ar/malcorra-en-bruselas-anuncio-avances-en-el-acuerdo-del-mercosur-con-la-ue
- Claar S., Nölke A.* Tiefe Integration: Konzeptuelle Grundlagen // Journal für Entwicklungspolitik. 2012. Vol. 28 S. 4–7.
- EU direct investment positions, flows and income, breakdown by partner countries // Официальный сайт Foreign Direct Investment Eurostat. URL: ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/bop_fdi6_geo
- Harvey D. W.* The Condition of Postmodernity. Massachusetts, Cambridge : Blackwell Publishers, 1989. 378 p.
- Harvey D. W.* The New Imperialism. Oxford : Oxford University Press, 2003. 253 p.
- International Trade Statistics Yearbook // Официальный сайт UN COMTRADE. URL: comtrade.un.org/pb/downloads/2016/VolII2016.pdf
- Los Cancilleres del MERCOSUR se reunieron para evaluar las negociaciones con la UE // Официальный сайт MERCOSUR. URL: www.mercosur.int/innovaportal/v/8635/2/innova.front/los-cancilleres-del-mercosur-se-reunieron-para-evaluar-las-negociaciones-con-la-ue
- Malcher I.* Freihandel, Einflusszonen und Alternativen. Das Rivalitätsverhältnis zwischen den USA und der EU in Südamerika und zum Mercosur // Badziura. Hamburg : VSA-Verlag 2005. 279 S.
- Presidencia Pro Témpore Paraguay del MERCOSUR // Официальный сайт MERCOSUR. URL: www.mercosur.int/innovaportal/v/8591/2/innova.front/presidencia-pro-tempore-paraguay-del-mercosur

Sanahuja J. A. El regionalismo “post-liberal” en América Latina y el Caribe: nuevos actores, nuevos temas, nuevos desafíos / Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Gran Caribe // Argentina, Buenos Aires: Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales (CRIES), 2012. 79 p.

Stearns J. Europe Closes In on a Latin American Trade Deal Amid Trump Protectionism // Официальный сайт “Bloomberg L.P.” URL: www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-28/europe-closes-in-on-fresh-trade-deal-as-trump-puts-up-barriers

Trade with Mercosur countries 2012–2018 // Официальный сайт Европейской комиссии Европейского Союза. URL: ec.europa.eu/info/business-economy-euro/trade-non-eu-countries_en

УДК 316.4

А. Я. Касюк

доктор исторических наук, профессор;
директор Института международных отношений и социально-политических
наук МГЛУ; e-mail: imoispn225@mail.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» И САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДА

В статье изложены основные положения концепции использования «мягкой силы» как инструмента решения внешнеполитических задач. «Мягкую силу» условно подразделяют на две составляющие: пассивную и «деятельную» «мягкую силу». «Мягкая сила» приобретает сегодня всё большую политическую привлекательность со стороны ведущих государств мира. Связи между народами из межгосударственной сферы в последнее время стали выстраиваться в формате сотрудничества негосударственных субъектов и вне властных институтов. Российская Федерация обладает значительными ресурсами «мягкой силы». Сегодня «мягкая сила» России в значительной мере связана с личностью Президента Российской Федерации В. В. Путина. Рост интереса к технологиям «мягкой силы» особенно усилился в связи с изменениями в сферах массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. Стратегия «мягкой силы» Запада в отношении постсоветских стран базируется на подпитке протестных движений в расчете на рост собственного влияния через демократизацию. Российской стороной разработана альтернативная модель использования «мягкой силы» под названием «тысяча нитей». «Мягкая сила» используется сегодня США самым широким образом в санкционной политике по отношению к России. Однако позиции ряда государств Европейского союза в определенной мере отличаются от американских в отношении санкций против России. В этих условиях США разрабатывают новые направления санкционного давления на Россию. Будущее российско-европейских отношений и санкционной политики Запада напрямую зависит от того, сколько долго лидеры европейских государств будут терпеть диктат со стороны нынешнего президента США.

Ключевые слова: «мягкая сила», технологии «мягкой силы», пассивная «мягкая сила», «деятельная» «мягкая сила», публичная политика, неправительственные организации, модель «тысяча нитей», санкционная политика.

A. Y. Kasyuk

Doctor of Historical Sciences (Dr.habil), Professor, Director of the Institute
of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: imoispn225@mail.ru

SOFT POWER AND WEST'S SANCTIONS POLICY

The article outlines basic principles of the concept of using soft power as a tool to pursue foreign policy objectives. Soft power is conventionally divided into two categories: passive and active soft power. Soft power is gaining increasing political

traction in virtually all the major world powers. Building relations between nations has recently shifted from the intergovernmental area to cooperation among non-state agents and outside governmental institutions. The Russian Federation possesses significant "soft power" resources. At present the "soft power" of Russia is strongly associated with the personality of Russian President Vladimir Putin. Changes in mass media, information technologies and public communications have spiked interest in soft power technologies. The strategy of soft power employed by the West in post-Soviet countries involves supporting protest movements in an attempt to bolster its own influence through democratization. Russia has developed an alternative model of using soft power referred to as "a thousand threads". The USA is extensively using soft power in the sanctions policy in relation to Russia. At the same time the stance of some countries of the European Union on anti-Russian sanctions differs to a degree from that taken by the USA. In light of this, the USA is seeking to open up new avenues of sanctions pressure on Russia. Future Russian-European relations and the sanctions policy of the West in general hinge on how long the leaders of European countries will submit to the dictation of the incumbent President of the United States of America.

Key words: active soft power; "a thousand threads" model; non-governmental organizations; passive soft power; public affairs; sanctions policy; soft power; soft power technologies.

Что представляет собой «мягкая сила»? Самое краткое определение термина «мягкая сила»: «The ability to attract» – способность привлекать. Другими словами, политическое применение силы, основанное на культурном воздействии и заслуживающих доверия предложениях по межгосударственному сотрудничеству. Таким образом, ключевым признаком «мягкой силы» является осуществление власти посредством влияния на цели политических субъектов без применения (экономических) поощрений или (военных) угроз.

Концепция использования «мягкой силы» не нова для России. Термин «мягкая сила» впервые был употреблен в российском официальном документе в 2010 г., в Приложении к Концепции внешней политики Российской Федерации. В июле 2012 г. президент В. В. Путин, выступая на совещании послов и постпредов Российской Федерации в Москве, призвал разработать новые технологические подходы к международной работе, основанные на «мягкой силе». 12 февраля 2013 г. «мягкая сила» была официально включена в новую Концепцию внешней политики Российской Федерации как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие

альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [Интервью с Путиным]. Целями применения «мягкой силы», как говорится в документе, является создание позитивного имиджа страны и улучшение информационной поддержки российской внешней политики.

Конкретные задачи в области применения «мягкой силы» особенно четко прописаны в мандате Россотрудничества, Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, созданном в 2008 г. и подведомственному МИД РФ. Так, среди главных направлений деятельности агентства наряду с поддержкой соотечественников, продвижением русского языка и культуры, указано содействие международному развитию и народная, или публичная, дипломатия. Для трансляции российской «мягкой силы» и культурного влияния на международное сообщество и политическую элиту, наряду с официальными каналами воздействия, в Концепции указаны и другие пути сотрудничества, среди которых заметную роль должны играть спорт, туризм, образование.

В последние два десятилетия «мягкая сила» стала более востребованным инструментом в международных отношениях, так как по разным причинам использование «жесткой силы» сегодня имеет множество ограничений. Применение «мягкой силы» носит более долгосрочный и менее оперативный характер, ею трудно управлять, и она не предназначена для решения конкретных внешнеполитических вопросов. Вместе с тем «мягкая сила» выгодно отличается от «жесткой силы» тем, что при успехе она приводит к более долговременным и надежным результатам.

Потенциал «мягкой силы» огромен. «Мягкая сила» представляет собой силу убеждения и привлекательности и прежде всего авторитет, правдоподобность и в отдельных случаях также образцовость страны. «Мягкая сила» может осуществляться совершенно по-разному: через надежную авторитетную внешнюю политику, через достойное подражания правительственное руководство, через блестящие достижения в различных социальных сферах.

«Мягкую силу» можно условно разделить на две составляющие. Первая составляющая представляет собой пассивную «мягкую силу». Пассивная «мягкая сила» характеризует привлекательность государства априори. В ситуации, когда никаких специальных

усилий для того, чтобы «понравиться» другим, предпринимать не нужно. Вторая составляющая «мягкой силы» – это «деятельная» «мягкая сила». Она проявляется, когда та или иная страна пытается донести до объекта воздействия свои преимущества и сформировать в его обществе и политической среде выгодную для себя ценностную позицию или позицию по тому или иному международному вопросу. Такого рода воздействие может содержать в себе не только реальные, но и идеальные (такие, какими их должен увидеть объект) составляющие.

Правящие круги различных стран относятся к «мягкой силе» по-разному: одни – как к возможности налаживания диалога взаимопонимания и сотрудничества, другие – как к рычагу давления и принуждения. Апелляции различных государств и политиков к «мягкой силе», ее месту и роли в современном мире, а также спекуляции на темах «прав человека», «общечеловеческих ценностей», «суверенитета», «российской угрозы» и т. п. сегодня стали одними из излюбленных приемов в политической и дипломатической риторике и практике действий ряда ведущих стран западного мира при обосновании ими тех или иных своих шагов на мировой арене.

Многие государства сегодня хотели бы обладать «мягкой силой». Соединенные Штаты, несмотря на их яркого президента, по-прежнему государство номер один по использованию «мягкой силы». Стратегии «мягкой силы» в своей внешней политике также придерживается Германия. «Мягкая сила» приобретает сегодня всё большую политическую привлекательность и пользуется всё большим спросом. В настоящее время практически ни одно событие в мировой политике не происходит без использования инструментов «мягкой силы», в значительной степени усиленных новейшими информационными технологиями.

Сегодня, к глубокому сожалению, в мире на смену упорядоченной биполярной системе вернулась анархия международной среды и новая конкуренция государств за сферы влияния. В отношениях между народами государства постепенно теряют свою монополию над внешними связями. Диалог между странами хоть и продолжает основываться на проблематике войны и мира, исключительной сфере ответственности государств, однако связи между народами всё чаще выстраиваются в формате сотрудничества негосударственных субъектов и вне властных институтов. Активно развиваются

торгово-экономические, культурные, образовательные контакты, транспорт, туризм и пр. Даже идеологические аспекты международных отношений и вопросы привлекательности той или иной модели развития уже не являются исключительной монополией государственной политики, а всё чаще переходят в компетенцию публичной политики, т. е. диалога между гражданами и неправительственными организациями. Таким образом, если изначально международные отношения характеризовались исключительно форматом межгосударственных отношений, то затем политика государств стала выбирать объектом своего воздействия, наряду с собственно государствами, зарубежные народы и элиты, отдельные группы населения внутри зарубежных обществ.

Рост интереса к теме и технологиям «мягкой силы» особенно усилился в последние десятилетия. Во многом это обусловлено теми огромными изменениями, которые в конце XX – начале XXI вв. произошли в сферах массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. Сегодня ничего не стоит вбросить в мировое информационное пространство любую фальшивку и в считанные часы раскрутить ее до вселенских масштабов, доведя созданную таким образом искусственную ситуацию до конфликта любой сложности. Это то, что называют сегодня элементами гибридной и информационной войн.

«Мягкая сила» – одна из наиболее знаковых концепций времен после «холодной войны». По мнению британского пиар-агентства «Portland», Россия вошла в тридцатку стран мира (26-е место), обладающих наибольшими ресурсами «мягкой силы» [Лукьянов 2016]. Доклад «30 ведущих стран по критерию мягкой силы» отмечает, что в настоящее время основная тенденция состоит в передаче власти от государств к негосударственным субъектам международных отношений, т. е. к корпорациям, неправительственным организациям, многосторонним институтам, группам гражданского общества и даже отдельным индивидуумам. Исследования, проведенные Джозефом Наем, доказывают, что «мягкая сила» гораздо более эффективна, если она максимально отделена от власти и, следовательно, государственной пропаганды [Кузнецов 2018].

Преимущество неправительственных организаций заключается в том, что они работают непосредственно с населением, знают их потребности, обладают особыми знаниями и навыками в своей

области и способны эффективно организовывать информационно-пропагандистские кампании по изменению поведения, законодательства, норм или государственной политики

Важнейшим условием достижения эффективности использования механизмов «мягкой силы» является ее информационное обеспечение с учетом всех возможностей интернет-технологий. Восприятие страны в массовом сознании складывается как при непосредственном взаимодействии с реальной действительностью, так и под влиянием целенаправленного информационно коммуникативного воздействия – посредством имиджа.

Российская Федерация вложила значительные средства в свой англоязычный телеканал RT («Russia Today»), а также оказывает поддержку другим средствам массовой информации, авторам официальных сценариев и комментаторам. Применяя различные методы, Россия сумела привлечь к своей культуре много молодежи из постсоветских государств (если конкретно, то к Русскому миру) и нашла еще больше готовых слушателей для своих СМИ по всему миру. Российское правительство за последнее время увеличило бюджет на телевизионный канал РТ, добавило дополнительное финансирование агентству ТАСС, запустило проект «Спутник» и информационные бюро в 34 странах. Зарубежные исследователи признают, что роль России в информационной и идеологической сфере за последние годы стала более заметной во многом благодаря более широкому охвату мировой аудитории посредством социальных сетей, канала «Russia Today» и агентства «Sputnik».

К глубокому сожалению, Россия пока не смогла предложить своим соседям сравнимого по привлекательности проекта, комплекса идей и образов желаемого будущего, который мог бы на равных конкурировать с американским и европейским. Сегодня «мягкая сила» России в значительной мере связана с одной личностью – Президентом Российской Федерации В.В. Путиным – важнейшей составляющей российской «мягкой силы». Так, во время интервью для Оливера Стоуна Президент России показался ему сильнейшим лидером современности [Интервью с Путиным]. Путин не только хорошо справляется с обязанностями президента, но и добился уважения среди народа, о чем свидетельствуют результаты президентских выборов 2018 г., на которых 76,69 % граждан Российской Федерации проголосовать

за В.В.Путина [«Мягкая сила»: ценности... 2015]. В.В.Путин играет ключевую роль в формировании современного облика России и представляет позицию страны на международной арене. Благодаря руководству страной В.В.Путиным сегодня Россия снова стала крупнейшей мировой державой. Прошли те времена, когда В. Путин довольствовался сохранением влияния России в ближнем зарубежье, в Центральной Азии, на Кавказе и в Прибалтике. Сейчас он открыто проводит гораздо более широкую внешнеполитическую программу. Начиная с заступничества в сирийском конфликте, заканчивая недавним обновлением военной мощи в Тихом океане и Балтийском море, Россия с лихвой восстановила свой статус сверхдержавы. Заслугой В.В.Путина является также то, что многие западные страны изменили отношение к России в лучшую сторону.

После распада СССР Запад выбрал в качестве стратегии «мягкой силы» в постсоветских странах подпитку протестных движений в расчете на рост собственного влияния через демократизацию. Западные специалисты по «оранжевым революциям» делают ставку на работу с гражданским обществом и оппозиционными силами с целью расшатывания политической стабильности на постсоветском пространстве. В связи с этим встает вопрос о стратегическом векторе российской «мягкой силы», соответствующих моделях политики «мягкой силы».

Альтернативой действиям Запада с российской стороны может стать модель «тысячи нитей» – укрепление взаимного доверия между странами через диалог на общественном и экспертном уровнях. Данная модель предполагает принципиально иные инструменты реализации «мягкой силы», прежде всего активный экспертный, культурный и общественный диалог с целью реализации многосторонних проектов общественной дипломатии. Такая стратегия консервативна в политическом смысле по сравнению с курсом на подпитку оппозиции. Ее можно практически полностью деполитизировать и направить на прогресс в социально-культурной, экономической и научной сферах. В этом направлении работают Россотрудничество, Фонд Горчакова, Дом Москвы в Минске и ряд других организаций.

Государство едва ли может рассчитывать на международное уважение, если не разъясняет свои интересы и ценности – и не

только на встречах дипломатов, но и в более широком, общедоступном режиме. Борьба за интерпретацию событий стала неотъемлемой характеристикой современных международных отношений. Отказ от участия в мировой полемике чреват изоляцией в информационном пространстве. Поэтому важно разъяснять свою позицию в различных государствах, опираясь на имеющиеся ресурсы. Так, например, польское правительство занимает критическую позицию в отношении России. Однако в экспертном и академическом сообществе Польши представлены самые разные взгляды. Ответственные организации и православные общины в восточных регионах страны составляют историческую часть российской культуры. Бросить их на произвол судьбы – непозволительная роскошь, тем более что Варшава активно проводит политику выдачи карт поляка, в том числе гражданам России и Белоруссии.

Ресурс политики «тысячи нитей» складывается не за счет вертикального информационного влияния сверху вниз, а путем выстраивания плотной сети взаимосвязей по горизонтали – формирования множества точек соприкосновения на экспертном, академическом, культурном и общественном уровнях. Субъектом этого процесса могут выступить не оппозиционеры, а социальные предприниматели, способные инициировать международные проекты, налаживать связи с органами власти, ресурсными центрами и партнерами из других стран Евразийского региона.

Наиболее очевидными и показательными для «обуздания» Москвы за последние годы стали введенные с подачи США после воссоединения Крыма с Россией антироссийские экономические и политические санкции и запущенная накануне и в ходе Олимпийских игр в Бразилии подконтрольными Соединенным Штатам международными околоспортивными организациями типа Всемирного антидопингового агентства (ВАДА), разного рода арбитражных судов и некоторых международных спортивных ассоциаций злобная и грязная кампания по дискредитации российского спорта и наших спортсменов. То же самое произошло и с паралимпийской командой России, полностью отстраненной от участия в Олимпийских играх в Бразилии.

В нынешних кризисных отношениях с Россией именно Соединенные Штаты являются основными «подстрекателями» со стороны Запада. Это обусловливается различными причинами. США

и Россия не поддерживают тесных торгово-экономических связей, и поэтому Вашингтон может позволить себе требовать более жестких экономических санкций со стороны Запада. Только слепой не видит, что единственная цель США – мировое экономическое господство, господство ради удовлетворения своих плотских желаний за счет других народов и стран. Поэтому мир в целом за Россию. Кто-то осознанно, кто-то интуитивно. Но именно в России нормальные люди видят спасение от надвигающегося на планету страшного зла под названием «новый глобальный порядок» под гегемонией США, «порядок», при котором есть только два мнения – одно мнение Вашингтона, а другое – неправильное.

Не стоит далеко ходить за примерами того, как европейские страны и народы, видя положительный образ России и неприглядный образ США, сами – без всякого на них давления – склоняются в пользу России, а не Запада. Так, например, премьер-министр Чехии в 2014–2017 гг. Богуслав Сobotка заявлял, что его страна не хочет, чтобы войска НАТО были расквартированы в Польше и в странах Балтии якобы в целях защиты от России.

В целом государства Европейского союза занимают более сдержанную позицию в отношении санкций против России, нежели Соединенные Штаты Америки. Страны Евросоюза экономически намного более тесно связаны с Россией. Ангела Меркель, вне всяких сомнений, хотела бы минимизировать возможный ущерб для немецкой экономики. Именно поэтому в политической коммуникации в Федеративной Республике Германии появились специальные термины «Russland-Versteher» (букв. 'понимающие Россию'), и «Putin-Versteher». На сегодняшний день Russland-Versteher в той или иной степени представлены во всех политических фракциях парламента ФРГ. Однако «Russland-Versteher» составляют не более 20 % в немецкой политике [Лангнер]. Они не настолько сильны, чтобы обладать правом вето в германской политике по отношению к Российской Федерации. Группы «Russland-Versteher» внутри коалиционных фракций движимы различными мотивами. У представителей ХДС/ХСС на первом месте стоят экономический прагматизм и коммерческие интересы. Для СДПГ и «Левой» основную роль играет осознание исторической ответственности, а также культурные и личные связи с представителями народов России. В 2016 г. согласно докладу, опубликованному европейским

комитетом по внешним связям, большинство оппозиционных партий в Европе поддерживали политику В. Путина. Если эти партии окажутся у власти, то партнерство между Россией и Европой более чем вероятно [Жукой].

В недавно вышедшем сборнике научных трудов «Евразийство и крайне правые силы Европы: изменение европейско-российских отношений» отмечалось, что «мягкая сила» России нарастает в среде европейских партий и стран, которые чувствуют себя жертвами «технократии» Европейского союза [Eurasianism and the Europe... 2015]. Ряд европейских стран, таких как Венгрия, Кипр, Словакия и Греция и др. утверждают с самого начала конфликта, что экономические санкции против Москвы наносят больший ущерб европейской экономике, которая пока так и не оправилась от финансового кризиса 2008 г., чем они вредят России. Санкции против России ежемесячно обходятся Евросоюзу в 3,2 млрд долл. Таким образом, за три года объединенная Европа потеряла более 115 млрд долл., в то время как ущерб России оценивается всего в 55 млрд. Такие данные привел в своем отчете спецдокладчик ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Идрис Джазаири [Кузнецов 2018]. «Санкции, возможно, стали причиной снижения валового внутреннего продукта (ВВП) Российской Федерации в период 2014–2016 гг. в среднем на 1 % максимум, – считает спецдокладчик. – Большой ущерб российской финансовой системе принесло падение цен на нефть, однако власти смогли приспособиться к новым реалиям, активизировав программу по диверсификации экономики и уводя ее от нефтезависимости».

В отношении санкционной политики особенно показательна более взвешенная и сдержанная позиция венгерского руководства. Так, премьер-министр Венгрии В. Орбан заявил, что о приостановке российского участия в расширении АЭС «Пакш» речи не было и, категорично добавил, что его не будет. По словам В. Орбана, нужно восстанавливать на началах прагматизма отношения с Россией, оптимально встраивая российские энергоресурсы в европейскую энергосистему [Тренин]. Не осталось не замеченным потепление российско-греческих отношений, где В. Путина одобряют как левое правительство «Сиризы», так и ультраправая партия «Независимые греки».

Негативная реакция восточно-европейских стран на санкции Запада против России, а также на повышение Вашингтоном военного градуса вокруг России обусловлена не только экономическими соображениями. Европейцев беспокоит то, что элиты США и большинства стран Европы ведут свои народы в «стойло», где попираются вековые традиционные ценности семьи и брака, где уже царит примат «законов» в пользу сексуальных извращенцев. Все законы на Западе – начиная от трудового законодательства и положений о семье и браке до законодательства в области экономических отношений – всё пронизано «заботой» об уважении прав «сексуальных меньшинств». После того, как Путин подписал законопроект по борьбе с гомосексуализмом, итальянская правая партия «Национальный фронт» на следующий день заявила: «Мы согласны с Путиным».

Позитивное отношение к России присутствует не только в Восточной Европе. Марин Ле Пен и ее ультраправый «Национальный фронт», представляющий одну из самых мощных западноевропейских партий, противостоит истеблишменту как своей страны, так и ЕС. Ле Пен заявила об «общности ценностей» с путинской Россией. «Это ценности европейской цивилизации», – подчеркнула она, призвав к «расширению стратегического альянса» с Москвой [Россия и Венгрия].

Из растущего влияния российской «мягкой силы» на Востоке и на Западе можно сделать следующие выводы:

во-первых, рассуждения о «полной изоляции» России в результате украинского кризиса, неоднократно высказываемые американской администрацией, это не более чем ложь;

во-вторых, направление работы по формированию экономических, оборонных и политических союзов нынешней России отличается от первых устремлений постсоветских лет. Президенты Ельцин и Путин интересовались членством страны в ЕС и НАТО, но были отвергнуты. Проводимая под руководством США в отношении России западная санкционная политика не оставляет другого выбора как серьезного сближения с Китаем, что и было очередной раз продемонстрировано в ходе недавнего официального визита В. В. Путина в Китай и его переговоров с Председателем КНР Си Дзиньпином [Российско-Китайские переговоры];

в-третьих, холодность в отношениях между Россией и Западом уже породила взаимную приверженность Москвы к некоторым

движениям, например, европейским ультраправым, недавно созданным Американским комитетом за согласие между Востоком и Западом, возглавляемым бывшим сенатором Биллом Брэдли. Рекомендации комитета можно разделить на две широкие категории. Первая заключается в защите и сохранении таких критически важных соглашений по контролю над вооружениями, как Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности. Вторая, и, пожалуй, наиболее решающая состоит в немедленном возобновлении каналов для диалога и общения, к которым относится, например, Совет Россия – НАТО, и активное использование новых форумов.

Американская администрация с маниакальным упорством держит и пытается наращивать экономические и политические санкции против России, по-видимому, рассчитывая на то, что Москва, в конце концов, не выдержит этого давления и запросит пощады, возвратит Крым Украине, бросит на самовывживание Донбасс и Луганск, свернет свою военно-политическую активность на Ближнем Востоке, откажется от стратегии импортозамещения и снова широко откроет свои рынки Западу и т. д. Но, как не раз заявляло высшее российское руководство, вопрос по Крыму закрыт и пересмотру не подлежит, а геноцид населения Донбасса допущен не будет. Поэтому надежды на отмену санкций и на то, что Запад действительно «простит», «проглотит Крым и Новороссию», выглядят наивными. По заявлению Министра иностранных дел Сергея Лаврова, Россия больше не намерена проводить политику умиротворения Запада в ущерб национальным интересам [Тренин]. Необходимо строить независимую экономику, искать союзников и развивать «новые полюса силы».

Вместо «Большой восьмерки» (ныне «семерки»), из которой Россию исключили, она входит в «Большую двадцатку» и БРИКС, а систему саммитов Россия – ЕС и Совет Россия – НАТО ей может заменить Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Таким образом Москва, можно сказать, обустроивается в незападном мире. Ее основными партнерами становятся Бразилия, Вьетнам, Индия, Индонезия, Иран, Куба, Пакистан и ЮАР.

Сегодня Соединенными Штатами открыты новые направления санкционного давления на Россию. Это введение ограничений в области культурных обменов и работы российских информационных структур за рубежом. Это также оказание давления на российский спорт и российскую спортивную общественность в целях их дискредитации. Активно ведется кампания по дезинформации

и искажению действий ВКС России в Сирии и в целом деятельности Вооруженных сил России в рамках их плановой боевой и оперативной подготовки. При этом американская сторона регулярно и самым бесовестным образом опускается до прямого обмана американской и мировой общественности по любым поводам, лишь бы только пострашнее представить Россию как эдакого монстра, готового моментально проглотить любого зазевавшегося европейца или американца.

Введенные США и их европейскими партнерами антироссийские санкции нанесли определенный ущерб российской финансово-экономической системе (снижение цен на нефть и оборота внешней торговли, падение курса рубля по отношению к доллару, банковские ограничения, запрет на работу в России многих западных компаний и их инвестиций в российскую экономику, запреты на передачу российской стороне современных технологий и др.). Но они всё же не смогли нанести России того разрушительного удара, на который, вероятно, рассчитывали в Вашингтоне. Более того, западные санкции сыграли в России роль того самого «жареного петуха», который заставил российских политиков и часть отечественного бизнеса задуматься над возрождением национального производства и освобождением экономики от «нефтяной удавки». Имеется уже немало примеров того, как в условиях экономических санкций ряд отраслей, направлений и секторов экономики России показывают положительные результаты своей работы. Но потребуются еще многие годы, чтобы в России осознали всю ошибочность надежд на то, что «Запад нам поможет» и стали бы действовать исключительно с позиций национальных интересов, а не с оглядкой на то, а что скажет тот же Запад.

Политика «мягкого удушения» России санкциями США будет продолжена неопределенно долго, о чем свидетельствуют принимаемые нынешними американскими властями всё новые и новые шаги по расширению перечня объектов и списков российских граждан, в отношении которых вводятся такие ограничения. Сегодня в США и Западной Европе уже проговаривают варианты расширения антироссийских санкций из-за действий России в Сирии. А в Вашингтоне идут дальше: там уже призывают ввести санкции по надуманному предлогу хакерских атак якобы со стороны правительства России на президентскую избирательную кампанию

в США. Если эта линия в политике Вашингтона будет продолжена, санкции на Россию будут вводиться только за факт нашего существования.

Россия просто обязана дипломатическими и иными средствами доводить до мировой общественности всю правду о тех угрозах, которые представляют для мира маневры американского истеблишмента и американской военной машины. Нанесение поражения международному терроризму в Сирии, гарантированное обеспечение безопасности сирийского государства, удержание контроля над развитием военно-политической обстановки на юго-востоке Украины, пресечение попыток международного терроризма развернуть свои силы на территории России – это те первоочередные задачи, которые Россия должна и обязана решать сегодня и в обозримой перспективе. Санкционная борьба в конечном счете не выгодна ни одной из сторон, а в условиях падения мировых цен на энергоносители она лишь добавляет нестабильности к уже существующим экономическим и, как следствие, социальным проблемам.

Введенные Вашингтоном антироссийские санкции вызывают всё большее недовольство со стороны европейских политических и деловых кругов. В этой связи в Европе обсуждается «модернизация» консервативного политического крыла, речь идет о новом прогрессивном консерватизме. Отвечая на запрос электората, консерваторы настраивают политическую программу на протекционистскую волну в сфере экономики, безопасности, а также культуры и национальной идентичности. Консервативный поворот в Европе действительно может предоставить новые возможности российской «мягкой силе». Однако она должна ориентироваться не на популизм, востребованный в преддверии выборов и на фоне утраты доверия к системным партиям. В политическом пространстве Запада разгорелось острое соперничество за будущее идеологическое лидерство. В самой яркой форме это проявляется сейчас в Соединенных Штатах, где победа Трампа не только не положила конец межпартийному (а в его случае – и внутрипартийному) противостоянию, но и означает эскалацию полемики. Российская «мягкая сила» должна выработать широкий и долгосрочный нарратив, способный дать конструктивные ответы на вызовы, брошенные и российскому, и западному обществу.

По иронии судьбы, за месяцы до конфликта на Украине, многие российские эксперты говорили о том, что Россия проигрывает Западу в применении «мягкой силы», в то время было мало свидетельств того, что она работает. Тогда у России было несколько проблем: во-первых, страну всё еще рассматривали как непривлекательную вследствие многих социальных и экономических проблем, во-вторых, многие российские политики считали использование «мягкой силы» второстепенным приоритетом. Для других эта концепция имела негативный оттенок из-за ассоциации с Западом и «цветных» революций. В-третьих, усилия Москвы в использовании «мягкой силы» были ослаблены недостаточной координацией работы различных ведомств и институтов, как на федеральном уровне, так и в частном секторе. Но прежде всего внутри самой российской власти было мало согласованности, какой должна быть «мягкая сила». Однако она проявила себя и доказала свою эффективность, когда была использована особенно при проведении информационных операций как внутри самой Украины, так и для ослабления ее позиций на Западе.

Будущее российско-европейских отношений напрямую зависит от решений, которые будут приниматься сторонами конфликта в ближайшее время. По словам вице-президента Европарламента Мигеля-Анхеля Мартинеса-Мартинеса, «Российская Федерация и Европейский союз являются двумя значительными акторами на мировой арене, которых можно назвать братьями и, вероятно, даже сиаемскими: можно критиковать своего сиаемского брата, но бессмысленно вводить против него санкции, так как это всё равно что ввести их против самого себя» [Martinez-Martinez: European... 2015]. При этом эксперты сходятся во мнении, что европейские инвесторы могут достаточно быстро вернуться в Россию в случае стабилизации ситуации.

Таким образом, российская экономика всё еще имеет шанс на получение финансовых вливаний, необходимых для восстановления, а европейские производители и инвесторы – на возвращение на российский рынок. Сложнее обстоят дела с США. Российско-американские отношения никогда не отличались особой теплотой. Тем не менее российский ущерб от санкций со стороны США представляется значительно меньшим, при условии стабилизации отношений со странами Евросоюза. Европейцы более чем два

года не потерпят антироссийскую санкционную политику, затеянную предыдущим американским президентом Обамой и продолженную Трампом. Они либо дождутся его переизбрания или неизбежно придут к пересмотру своих вассальских отношений с Соединенными Штатами Америки. В этом случае нашей общей задачей является скорейшее решение проблем межгосударственной коммуникации, вызванных кризисом доверия между странами. В современном мире ни одна страна не может нормально развиваться в изоляции от остальных, а это значит, что новый виток российско-европейских отношений просто неизбежен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Если Запад признает провал санкционной политики, многие функционеры лишатся должностей // РИА Новости. 13.09.2017.
- Жулой И. Российская «мягкая сила» начала борьбу с Западом. Удастся ли пошатнуть западную идеологию? URL : inosmi.ru/social/20170807/239989944.html.
- Интервью с Путиным: фарс или попытка Стоуна разговаривать с президентом? URL: www.inopressa.ru/article/15Jun2017/inopressa/stone.
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. URL : www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186.
- Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? // Газета.Ru. 15.01.2018.
- Лангнер Х. Санкционная политика Запада однозначно контрпродуктивна. URL: vestikavkaza.ru/amp/98175
- Лукьянов Ф. Не самая обаятельная и привлекательная // Газета.Ru. 16.06.2016. URL : www.globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii- chego-ne-khvataet.
- «Мягкая сила»: ценности, которые определяют внешнюю политику России. Политика, 24.08.2015.
- Результаты выборов президента России 2018. URL : vibory-rf.ru/rezultaty-vyborov-prezidenta-rossii-2018.
- Российско-китайские переговоры. URL : www.kremlin.ru/events/president/news/57696
- Россия и Венгрия в условиях санкционной политики. URL : svom.info/entry/544-rossiya-i-vengriya-v-usloviyah-sankcionnoj-politik/?page=262&collection=11.

Тренин Д. Внешняя политика России в ближайшие пять лет: цели, стимулы, ориентиры. URL : globalaffairs.ru/global-processes/Vneshnyaya-politika-Rossii-v-blizhaishie-pyat-let-tceli-stimuly-orientiry-18128

Eurasianism and the European Far Right. Reshaping the Europe-Russia Relationship. Lexington Books, 2015.

Martinez-Martinez: European Union and Russia are Siamese Brothers//Rubaltic.ru. 14.01.2015. URL : www.rubaltic.ru/articles/martinez_martinez_15012015/.

УДК 327.8

Э. Ф. Макаревич

доктор социологических наук; профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: edward.makarevich@mail.ru

АЛГОРИТМ КОММУНИКАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ

В статье рассматривается проблема коммуникационного влияния, которое понимается как изменение общественного мнения, настроения и поведения людей под воздействием массовых коммуникаций. Процесс коммуникационного влияния представлен в виде социологически-семантической модели, построенной по формуле алгоритма «доверие – сила образа – мощь информационного потока». Эффективность влияния рассматривается как единство доверия целевой аудитории источнику информации; силы образа, несущего «генеральную» идею влияния на аудиторию; мощи информационного потока, который концентрирует доверие и силу образа; а также совпадения ценностных кодов источника информации, каналов информации и «генерального» образа.

Ключевые слова: массовые коммуникации; коммуникационное влияние; доверие; образы текущие; образы сконструированные; образы «генеральные»; общественное мнение; каналы коммуникаций; СМИ; Интернет.

E. F. Makarevich

Doctor of Science (Sociology), Professor of the Department of Communication Technologies of the Moscow State Linguistic University; e-mail: edward.makarevich@mail.ru

ALGORITHM OF COMMUNICATION INFLUENCE

The article deals with the process of communication influence, built as an algorithm based on the formula "confidence – image power – power of information flow". Confidence to the source of information, as a testimony of its reputation, multiplies the power of messages. Information flow, based on the integration of communication channels, on confidence to information sources, on image power, significantly increases the possibilities of influence on the audience.

Key words: mass communications; communication influence; confidence; current images; constructed images; "general" images; public opinion; communication channels; Mass Media; The Internet.

Массовые коммуникации как инструмент влияния

Массовая коммуникация рассматривается как система создания и распространения массовой информации (смысловой, оценочной,

ценностной) среди численно больших и рассредоточенных аудиторий с целью оказания влияния на мнения, настроения, ожидания и поведение людей. Отмечу, что массовые коммуникации – это гуманитарная система, порожденная западной цивилизацией, вобравшая в себя ее ценности на протяжении столетий, генерирующая и транслирующая идеи и образы, сканирующая реакцию на них – в целях изменения общественного мнения, человека и окружающего мира. Когда эта система обрела свои значимые черты, определенный алгоритм действий, перешагнула границы государств – в развитых и развивающихся странах мира наступила эра информационного общества.

Массовые коммуникации в информационном обществе отличаются от коммуникаций прошлых десятилетий своей повышенной плотностью, мощностью информационного потока, влияющего на людей. Они буквально обволакивают человека, и ему без них – некомфортно. У среднестатистической российской городской семьи существенно расширился выбор телеканалов (с 7 в 2000 г. до 63 в 2016 г.), телевизоров в домах стало больше (в среднем – 1,7), у многих появился телевизор на кухне (30% городских семей), массовыми стали компьютерные устройства и домашний доступ в Интернет (74%). С начала 2000-х гг. современные цифровые телеприемники с поддержкой изображения высокой четкости (HD и Ultra HD), наличием USB-входов и смартфункциями постепенно вытесняют устаревающие аналоговые телевизоры, купленные в 1990 гг. Цифровые незфирные технологии доставки (IPTV, цифровое кабель-спутниковое ТВ), идущее на смену аналоговым кабельным и эфирным сетям, позволяют не только многократно расширить пакеты телеканалов, но и повысить комфортность телепросмотра за счет высокого качества «телевизионной картинки» и интерактивных сервисов, позволяющих зрителю управлять контентом: ставить эфир «на паузу», находить программу в электронном меню на телеэкране, смотреть пропущенные телепередачи «по запросу» в удобное время и т. п. [Овчинская 2017]. По данным ВЦИОМ, 7–9 % молодых людей не представляют свою жизнь без мобильного телефона, а 74 % считают, что их жизнь кардинально изменится без Интернета [Исследование... 2012].

Принцип доверия в массовых коммуникациях

Особую роль в коммуникационном процессе играет система ценностных кодов. Код – это своего рода «язык», чаще искусственный (по Ю. Лотману), это «идеология» (по У. Эко), которые создают определенную совокупность знаковых сигналов, отражающих ценности, свойственные организации-коммуникатору (источнику информации), общественным целевым аудиториям и каналам коммуникации, с входящими в них средствами коммуникации. Именно код позволяет выявить соответствие или несоответствие этих субъектов – объектов коммуникационного процесса по критерию «свой – чужой». Условие эффективности массовой коммуникации: субъект управления коммуникацией (организация-коммуникатор, она же источник информации) должен внушать доверие, иметь хорошую репутацию. Тогда послания-сообщения, исходящие от него будут восприниматься общественностью с достаточным эффектом.

Воздействие информации сопряжено с результатом оценки людьми субъекта коммуникационного процесса по критерию доверия и недоверия к нему. Эта оценка глубоко изменчива в разных исторических условиях, в разных культурах и цивилизациях, в разных целевых группах. Информация может быть лживой, фальсифицированной, неистинной, но приниматься; и может быть правдивой, но не приниматься. Все зависит от степени доверия и недоверия к источнику сообщения. Между крайними случаями лежат разные степени доверия, определяющие эффект воздействия информации. За доверие к источнику информации всегда идет борьба.

О силе доверия говорит признание бывшего члена Политбюро ЦК Компартии СССР А. Яковлева: «Я помню историю, как все демократы желали того, чтобы свалить Горбачева и поставить Ельцина (главой государства – *авт.*). И довели дело до логического конца. Прежде всего – с помощью печати и интеллигенции. Никакой заслуги народных масс не было. Но в итоге мы голосовали и избрали Ельцина» [Яковлев 1995]. Доверие у масс в данном случае было к «демократическим» СМИ и к интеллигенции. Как бы противная сторона этому не противостояла, публикуя и правдивые факты, и взывая к разуму, этой стороне массы не доверяли.

26 марта 1989 г. Б. Н. Ельцин, будущий президент России, был избран народным депутатом СССР по округу Москвы, получив 91,53 % голосов москвичей, при явке почти 90 %. Летом того же года Б. Н. Ельцин, приглашенный в США, выступал в различных аудиториях в состоянии значительного алкогольного опьянения. Перепечатка публикации об «пьяных» инцидентах российского политика из итальянской газеты «La Repubblica» в «Правде» была воспринята публикой, как провокация партийной власти против «инакомыслящего» Ельцина. Это привело к массовым протестам и отставке главного редактора газеты В. Г. Афанасьева. Газета «Правда» к тому времени перестала быть органом, которому по мнению народа можно было доверять.

В 2012 г. исследовательская компания «Synovate Comcon» замерила уровень доверия россиян к Интернету как к источнику информации. Выяснилось, что 40 % пользователей Рунета доверяют информации, которую увидели или прочли в сети (данные опросов жителей старше 10 лет на протяжении прошлого года в городах с населением больше 100 тыс. чел.) [Болецкая 2012].

Введение экономических санкций против России в связи с ее позицией в отношении политического и экономического кризиса 2014 г. на Украине, перешедшего в гражданскую войну на ее юго-востоке, имело целью прежде всего снижение доверия к руководству России и стимулирование выступлений против него.

Доверие основано на репутации – деловой, политической, нравственной, касающейся организации, лидера или СМИ. Деловая или политическая репутация подразумевает впечатление об организации, декларируемых ею смыслах, ценностях, достижениях, ее людях, это ее имиджевый, нематериальный актив, ее текущий образ, который привлекает целевые аудитории. Сегодня регулярно определяются рейтинги доверия политических лидеров, руководителей властных структур, топ-менеджеров компаний и организаций.

Образ в коммуникационном влиянии

Что такое образ в массовых коммуникациях? Здесь органично определение, основанное на суждении С. Аверинцева. Образ – это рациональное и эмоциональное впечатление о чем-либо или о ком-либо (предметах, персонажах, событиях и явлениях материального

и духовного мира) на основе обозначаемого устойчивого смысла (идеи) [Аверинцев 2006]. Образ вне смысла рассыпается. Но образы бывают стихийные (текущие) и сконструированные. И те, и другие основаны на определенных смыслах (идеях). Но только в случае текущего образа идея его – это результат анализа, комментирования впечатления об объекте (от характеристик к идее). А в случае сконструированного образа идея его определяется в соответствии с определенным замыслом его создателей (от идеи к характеристикам).

Но сконструированный образ может стать «генеральным», т. е. образом, задающим определенный коммуникационный мейнстрим, охватывающий большие целевые аудитории на долгое время. Сконструированный образ, прежде всего «генеральный», работает на развитие организации и ее общественности коммуникационными методами, объединяя и мобилизуя людей.

Конструирование образа в массовых коммуникациях

Только выявив сильные и слабые характеристики существующего образа организации и ее целевых групп, ожидания этих групп, добившись понимания миссии, видения, ценностей организации, общего тренда развития общества и отрасли, можно переходить к поиску идеи для нового образа.

Идея образа (имиджа) – это идея эффективного информационного воздействия на целевые группы, и в связи с этим идея изменения субъекта и объекта коммуникационного процесса. Идея – это несущая конструкция имиджа, в соответствии с которой отбираются характеристики. Идея определяется исходя либо из миссии, видения, ценностей организации; либо сильных сторон текущего образа; либо мнений и ожиданий целевых групп, на которые ориентирована организация; либо ведущего тренда развития общества или отрасли, в которой работает организация. Идея может рождаться и из совокупности этих факторов.

Найденная стратегическая идея образа – это «генетический» код образа, который делает образ привлекательным и эффективным средством влияния на целевые группы и на саму организацию. «Генетический» код, зафиксированный в идее образа, способствует изменению организации и ее целевых групп. «Генетический» код

становится драйвером изменений. Стратегическая идея образа как «генетический» код, как драйвер изменений (драйвер роста) определяет панель управления образом для эффективного воздействия на саму организацию (субъект) и ее целевые группы. Управление образом подразумевает процесс конструирования и его продвижения.

Идея имиджа как символа выражается в слогане (девизе), как некоем послании, способном передать аудитории идею образа, идею изменения целевой аудитории. Слоган – это резюмирующая фраза, как правило, метафоричная по форме, несущая определенную экспрессию, передающая смысл (идею) имиджа. Когда определена идея нового образа объекта, то начинается процесс насыщения этого образа характеристиками. Из текущего образа отбираются только те характеристики (сильные стороны), которые соответствуют найденной идее, работают на нее.

Отобранные и зафиксированные характеристики, отражающие идею имиджа, переводятся в символическую, вербальную, мифологическую, визуальную и событийную сферы. С учетом продвижения в СМИ, имидж должен строиться не на абстрактных характеристиках, а на убедительных историях из жизни организации или личности, соответствующих идее имиджа. Главный прием преобразования – создание мифа.

Миф здесь – это истории, повествования, сказки, притчи, легенды о чем-либо или о ком-либо, которые раскрывают сущность образов, создаются на основе образов, чтобы творить жизненную реальность. По определению А. Лосева, миф – это «реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений» [Лосев 1994, с. 36]. Творить жизненную реальность – это значит присваивать объекту характеристики и оценки со стороны целевой аудитории, впитавшей миф. Миф формирует жизненную реальность как единство идеального и реального, как единство образа-идеи и истории-легенды. Миф формирует жизнь как единство представления и действия и делает это на основе определенного смысла, идеи образа. Образ шире мифа, миф «стоит» на образе.

Аудиторию завоевывает миф, интенсивность распространения которого зависит от числа источников коммуникации и интенсивности их вещания. Когда уровень знаний о мифе достигает две трети

аудитории, то начинается процесс присвоения объекту характеристик со стороны аудитории, которые должны совпадать с характеристиками образа, лежащего в основе мифа [Дымшиц 2009].

Мощь информационного потока

Эффективность коммуникационного влияния на людей определяется мощностью информационного потока. Продвижение смыслов и образов требует точного выбора наиболее эффективных каналов коммуникации для влияния на целевые аудитории. К числу таких эффективных каналов относится прежде всего канал «публичные СМИ», который включает информагентства, печатные СМИ (пресса), электронные СМИ (радио, телевидение) имеет самый большой охват аудитории – в России 99,9 %. Важно, чтобы публичные СМИ вызывали доверие публики. Доверие вызывают те СМИ, которые авторитетны, имеют высокую репутацию, способны глубоко, честно и увлекательно писать о проблемах. Сила СМИ, а отсюда их вклад в информационный поток, определяется их способностью к конкуренции. Публичное СМИ не будет вызывать доверие, если смысл транслируемых им образов не содержит полемики со смыслами, с идеями медийного конкурента, отстаивающего другие ценности, выражающего интересы другой аудитории. В информационном потоке ведущие позиции займут те публичные СМИ, которые способны формировать свой «генеральный» образ мира и стать навигатором для своих аудиторий.

Другим, весьма эффективным каналом коммуникации, является Интернет как канал интерактивных коммуникаций. По данным «Mediascope» на март 2017 г. ежемесячная аудитория Интернета составила 87 млн чел. (71 % от всего населения страны). При этом 66 млн чел. (54 % от населения РФ) пользуются Интернетом хотя бы один раз в месяц через мобильные устройства, а 20 млн (16 % от населения страны) только с мобильных устройств.

По данным исследования ФОМ, по будням большинство россиян примерно одинаковое время тратят на просмотр телепрограмм и выход в Интернет – около одного часа. Россия отчетливо делится на партию телевизора и партию Интернета, т. е. людей, для которых основным источником политической информации является соответственно ТВ или Сеть [Макаренко 2011].

Публичные СМИ корректируют свою информационную повестку с учетом того, что появляется в Сети. Но всё же сегодня ведущие СМИ в отличие от Интернета в большей степени задают «повестку дня», которая становится предметом обсуждения в социальных сетях. Но вот какую особенность Интернета выявил Б. Дубин: в отличие от нынешней модели российского телевидения на его основных каналах, Интернет (не говоря о тематическом, «стилистическом» и тому подобном многообразии), во-первых, ориентирован не на национальное сообщество (коллективное «мы»), а на открытые сообщества «своих», близких по интересам, но не ограниченных языком. Эти сообщества живут в другом режиме времени, не привязанном ко времени суток, к суточной ТВ-программе. Во-вторых, сегодняшнее российское ТВ подразумевает пассивного зрителя, тогда как Интернет предполагает не только значительно большую возможность выбора информации, но и принципиальную интерактивность. Можно предположить, что все эти отличительные свойства Интернета и формируемых с его помощью сообществ, типов и модусов общения (разнообразие выбора, незапрограммированность, социальная и культурная открытость, интерактивность) более значимы именно для молодежи [Дубин 2009].

Многие исследователи сходятся во мнении, что Интернет более демократичен по своей природе, чем многие СМИ, а отсюда более манипулятивен по отношению к публике. Интернет выступает как «неуправляемая» стихия и как эффективное средство «цветных» революций. Но внутри себя Интернет порождает сопротивление напору глобальных тенденций и радикального индивидуализма. Интернет становится той площадкой, где открыто противостоят друг другу силы экспансии и силы сопротивления.

Но как определяется эта информационная мощь, способная повлиять на мнения и поведение целевой аудитории?

Во-первых, мощь информационного потока определяется силой полюса притяжения, который стягивает на себя каналы коммуникаций. В качестве такого полюса выступает смысл, идея «генерального» образа, на который ориентируются СМИ и интернет-ресурсы в предложении новостей и комментариев для своих аудиторий. Но чтобы на «генеральный» образ ориентировались, он должен обладать свойством конвенциональности, т. е. сплачивать участников

коммуникации на основе негласного «договора» о значении и едином восприятии этого образа. Тогда «частные» новости и комментарии не будут ему противоречить. Сила идеи, сила «генерального» образа определяется силой правды или силой лжи, точного понимания ситуации, интересов объекта и выражается силой найденного слова, экспрессией слогана. Сегодня идея «генерального» образа задается, вырабатывается центрами влияния, которыми могут быть как высшие органы руководства страной, так и аналитические центры, работающие на эти органы. В США, например, отношение к идее образа противостояния с Россией «Россия без Путина» имели Международный республиканский институт (структура Республиканской партии США) и Национальный демократический институт (структура Демократической партии США), Госдепартамент и Совет национальной безопасности. Но в каждом случае предполагается, что центр влияния – это центр доверия. Публика должна доверять творцам «генерального» образа.

Во-вторых, мощь информационного потока определяется согласно принципу А. Грамши, который гласит, что не бывает раз и навсегда «завоеванных» ценностей [Грамши 1991]. Для удержания и укрепления их в сознании и настроении масс необходимы всё новые и новые доказательства их силы. Поэтому, мощь информационного потока зависит от постоянного производства всё новых и новых доказательств силы «генерального» образа. В качестве этих новых доказательств выступают всё те же новостные информационные сообщения и комментарии к ним, которые создают и продвигают публичные СМИ и Интернет.

В-третьих, мощь информационного потока, несущего духовную продукцию, задается интеграцией каналов коммуникации, комбинированием их, что позволяет усилить идеологическое, культурное, политическое и экономическое «давление» на сознание, чувства и поведение людей. Самая эффективная комбинация – это работающие на один образ публикации и выступления в публичных СМИ, дополненные выступлениями в Интернете.

В-четвертых, мощь информационного потока связана с количеством публикаций, сообщений определенного содержания и их соотношением. Если число негативных публикаций за единицу времени превышает в пять раз число нейтральных, то мощь

информационного потока соответствует коммуникационной войне [Николайчук 2014]. За одну неделю октября 2014 г. Российским институтом стратегических исследований было отслежено по всему миру 1,5 тыс. публикаций по России, из которых половина были негативными. При этом лидировала по числу негативных публикаций в отношении России – Германия, где на одну нейтральную публикацию пришлось 70 негативных. Информационный поток по России в германской аудитории был самым мощным. Это было связано с позицией Германии по политическому и экономическому кризису на Украине, после случившегося там антиконституционного переворота в феврале 2014 г., который осудила Россия [Николайчук 2014].

В-пятых, мощь информационного потока определяется резко возросшим в течение определенного времени числом «острых» заголовков, которыми отмечены, представленные в СМИ материалы. Заголовки здесь выступают как темы ключевых сообщений-посланий, которые подчинены идее «генерального» образа, на которую ориентируются ведущие СМИ в определении «повестки дня», «повестки месяца», «повестки года». Для западных СМИ, после выборов президента России в марте 2012 г., «повесткой года» на несколько лет вперед стала идея «Россия без Путина».

В-шестых, мощь информационного потока определяется и расширением аудитории, которая становится предметом влияния. Это расширение достигается возможностью распространения Интернета, сигналов радио и телевидения на всё большей территории, что определяется прогрессом технических средств.

В марте 2018 г. в Массачусетсе (США) была привлечена к ответственности британская аналитическая компания «Cambridge Analytica», которая несанкционированно использовала личную информацию американских пользователей Facebook для предвыборной кампании Д. Трампа [В США на на Facebook... 2018]. На основании собранных сведений составлялся психологический портрет избирателей. После им рассылались «персональные» рекламные материалы политического характера. Всего за время деятельности «Cambridge Analytica» собрала данные о 50 млн пользователей этой социальной сети. Этот метод, основанный на управлении большими базами данных, является весьма эффективным инструментом непрозрачного влияния на общественность, инструментом сужения

ее свободы. Здесь работает принцип: этим людям, имеющим такие интересы, такую сферу деятельности подходит вот этот кандидат в президенты страны. Ему можно доверять или не доверять, но по расчетам он для этой аудитории.

Но почему так податливо западное общественное мнение в отношении тех концепций, образов, той интерпретации событий, которые предлагают западные средства коммуникации?

Потому что западная публика руководствуется верой, т. е. тем, что не требует доказательств. Потому, что средства коммуникаций ориентируются не столько на сознание людей, сколько на их основополагающие эмоции: страх, ужас, переживания. Эти эмоции возбуждаются более от формы подачи материала, нежели от содержания. Поэтому военные столкновения, жертвы, результаты применения оружия – запрещенного и незапрещенного, массовые смерти – парализуют мышление людей, но возбуждают эмоции. Масса не хочет и не может проверять, оценивать, сравнивать, анализировать. Масса, погруженная в свои повседневные заботы, удовлетворена тем объяснением событий, которые дают «авторитетные» средства коммуникации из «авторитетных» стран. Масса считает, что в своей интерпретации событий они не могут ошибаться.

Особенность современной медийной сферы в том, что глубокий анализ событий требует долгого информационного поиска, обращения ко многим порталам через многие ссылки в поисковиках. Это требует значительной работы от человека, который максимально погружен в свои заботы. На такой поиск отваживаются единицы. Мощь информационного потока, несущего безальтернативную интерпретацию событий, захватывает значительную часть мира. Массы лишены альтернативной точки зрения, которая возбуждает мысль. Когда нет выбора, мысль спит. А тот, кто всё же сомневается, тот молчит, ибо, как отмечает в своем исследовании «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман, молчащий не хочет оказаться в моральной изоляции.

Алгоритмическая формула коммуникационного влияния

В целом эффективность коммуникационного воздействия позволяет определить так называемый треугольник эффективности: *доверие – сила образа – мощь информационного потока*, в котором основанием является мощь информационного потока. Этот

«треугольник» и есть формула социологическо-семантической модели коммуникационного воздействия.

Эффективность этого воздействия зависит от степени доверия целевой аудитории источнику информации, будь то персона или организация; от силы образа, несущего стратегическую идею влияния на людей из целевой аудитории; от мощи информационного потока и от совпадения ценностных кодов.

Доверие к источнику информации определяется социологическими опросами. Например, степень доверия президенту России после вхождения Крыма в состав России в марте 2014 г. составила более 80 %.

Сила образа, несущего стратегическую идею, измеряется его энергетикой, которая проявляется в экспрессивности слогана, выражающего смысл образа, смысл, который может быть рожден критическим или инструментально-рациональным знанием. Слоган и выраженный им образ должен обладать как семантической, так и прагматической силой, что достигается применением метафор, аллегорий, фразеологизмов, метонимий, которые обращены более к чувствам, нежели к логическому мышлению. Здесь работает внушающая сила слова, которая стимулирует действия. Слоган, выражающий идею образа, ориентирован на чувства, на внушение, а характеристики образа более обращены к сознанию, к мышлению. Слоган цепляет, возбуждает, а характерологическая часть образа убеждает. Хотя создаются и образы целиком экспрессивные. Энергетика слогана дополняется энергетикой знака графического, изобразительного, музыкального. Если доверие к источнику информации и силу образа умножить на мощь информационного потока, которая определяется комбинированием каналов коммуникаций, то получим значительную, эффективную силу влияния на людей. При этом ценностные коды не должны разрушить этот органический синтез: коды, которые есть у источника информации, у рожденных образов, у каналов коммуникаций – должны совпадать. Влияние ценностных кодов на эффективность воздействия определяется степенью их совпадения.

Коммуникационное влияние на людей по модели *доверие – сила образа – мощь информационного потока* эффективно в следующих случаях:

во-первых, если в качестве источника информации выступают человек или организация, пользующиеся безусловным доверием;

во-вторых, если послание-информация соответствует идее «генерального» образа, ценностям, потребностям и интересам тех людей, кому предназначена информация;

в-третьих, если послание-информация многократно повторяется, при этом демонстрируя всё новые доказательства (факты, аргументы, логику) силы «генерального» образа;

в-четвертых, если процесс убеждения и внушения людей сопровождается заражающими примерами и визуальными образами.

Одновременное следование этим правилам делает процесс коммуникационного влияния по модели *доверие – сила образа – мощь информационного потока* весьма эффективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С. С.* Собрание сочинений. София-Логос. Словарь. Киев: Дух і літера, 2006. 912 с.
- Беседа с Александром Яковлевым. Пора идти к человеку // Аргументы и факты. 1995. № 11.
- Болецкая К.* Уровень доверия россиян к телевидению упал до исторического минимума // Ведомости. 24.07.2012.
- В США на Facebook подали в суд в связи со скандалом вокруг Cambridge Analytica // Известия. 21.03.2018.
- Грашши А.* Тюремные тетради. Ч. 1. URL: www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetrad.pdf [Архивировано в WebCite].
- Дубин Б.* Российское телевидение и молодежь // Левада-Центр. URL: www.Levada.ru/2009/08/09/ (Архивировано в WebCite).
- Дымишиц М.* Условия и этапы социализации мифа. URL: www.vevivi.ru/best/Usloviya-i/
- Исследование: 74 % пользователей Рунета считают, что без Интернета их жизнь кардинально изменится. Cazeta.SPb.ru /2012/02/08/ (Архивировано в WebCite).
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Миф, число, сущность. М. : Мысль, 1994. 920 с.
- Макаренко Б.* Политическая воля ушла в Интернет // Известия. 05.04.2011.
- Николайчук И.* (Российский институт стратегических исследований.) Индекс агрессивности // Литературная газета. 22–28.10.2014.
- Овчинская Е. В.* Практики телепотребления россиян в условиях социокультурных изменений: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2017. 22 с.

УДК 32.019.51

Е. В. Мартынов

кандидат филологических наук; доцент кафедры социальной работы, факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ); e-mal: martynov@mirmolodezhi.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНДИКАТОР ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

В статье анализируется актуальная социальная реклама Германии и Австрии. Социальная реклама рассматривается в контексте внутривнутриполитических тенденций и проблем. На основе наиболее ярких образцов делается вывод о наличии элементов манипуляции политическим сознанием граждан при помощи социальной рекламы. В перспективе это может привести к утрате социальной устойчивости и культурной идентичности, разрушению обществ, правительства которых при помощи социальной рекламы отвлекают внимание граждан от острых проблем путем актуализации второстепенных вопросов и легализации социально-деструктивных явлений.

Ключевые слова: социальная реклама; внутренняя политика; массовое сознание; политическая манипуляция.

E. V. Martynov

PhD (Philology), Assistant Professor of the Department of Social Work of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University (Moscow); e-mal: martynov@mirmolodezhi.ru

SOCIAL ADVERTISING AS AN INDICATOR OF DOMESTIC POLICY: THE MODERN EXPERIENCE OF GERMANY AND AUSTRIA

The article is devoted to the analysis of actual social advertising in Germany and Austria. Social advertising is considered in the context of domestic political trends and problems. On the basis of the most striking examples, it is concluded that there are elements of manipulation of the political consciousness of citizens by means of social advertising. In the long term, this can lead to the loss of social stability and cultural identity, the destruction of societies, whose governments with the help of social advertising distract citizens' attention from acute problems by updating minor issues and legalizing socially destructive phenomena.

Key words: social advertising; internal politics; mass consciousness; political manipulation.

Рассматривая социальную рекламу как актуализацию значимых ценностей и эталонных поведенческих моделей в социально-политическом пространстве посредством массовых коммуникаций, нельзя забывать о контексте, в котором осуществляется такая трансляция. Очевидно, что социальная реклама, в отличие от коммерческой, не имеет целью программировать экономическое / потребительское поведение индивидуума, а значит, она не окупается получаемой прибылью. Между тем она требует не меньших расходов. Следовательно, систематическое вложение ресурсов в социальную рекламу должно оправдываться ожидаемыми эффектами внеэкономического порядка в будущем. Государство, поощряя производство социальной рекламы, преследует иные, нежели монетизированная прибыль, цели. Учитывая традиции высокой упорядоченности социального пространства и государственного управления в германских государствах, мы вправе предполагать, что социальная реклама должна быть достаточно четко вписана в общий контекст политических стратегий Германии и Австрии. Это тем более обоснованно, что в настоящий момент страны Западной Европы переживают достаточно сложные социальные проблемы, что, в свою очередь, требует повышения уровня контроля над социальными процессами, снижения рисков социальной аномии и политической энтропии [Германия. Вызовы... 2009].

В то же время, изучая совокупный контент социальной рекламы, можно сделать и обратный вывод – о проблемах, которые федеральные и муниципальные власти, различные социальные акторы считают наиболее значимыми и требующими как привлечения общественного внимания, так и систематических мер для своего решения. Также при анализе социальной рекламы необходимо принимать во внимание разницу в занимаемых Австрией и Германией территориях, численности их населения, что автоматически порождает разницу в характере стоящих перед обществом и государством проблем, требующих программирования социального поведения посредством трансляции идеальных образов и эталонных образцов поведения. Однако существует и высокая степень гомогенности: по мнению некоторых авторов, в западноевропейских странах можно наблюдать значительное совпадение тематики социальной рекламы, поскольку многие проблемы развития

общества в Западной Европе носят трансграничный характер [Западноевропейский опыт...].

В течение последнего десятилетия высокую актуальность для европейских стран приобрела проблема регулирования миграции и возникающих вследствие высокой интенсивности миграционных потоков социальных, культурных и экономических проблем. При этом Германия является безусловным лидером в Европе и занимает второе место в мире после США по численности принятых мигрантов. Из 80 млн чел. населения около 20 % (16 млн чел.) являются мигрантами или потомками мигрантов. В течение последних 4–5 лет, по мере углубления политического кризиса на Ближнем и Среднем Востоке, численность мигрантов из этих регионов резко возросла и только по официальным данным, составила свыше 3 млн чел., включая выходцев из Африки. Проблемы аккультурации прибывающих мигрантов, их социализации и интеграции в германскую социальную, экономическую и правовую среду, рост столкновений между приезжими и местным населением превратились в вызов, который невозможно игнорировать [Рязанцев 2016].

Результатом стала социальная реклама, направленная против расизма и ксенофобии. В частности, в Германии получил распространение видеоролик «Поставьте расиста на место» (2010) [Поставьте расиста...]. В 35-секундном постановочном сюжете показан конфликт в самолете, где пожилая белая дама требует определить ей другое место, поскольку не желает «лететь рядом с негром». Стюардесса возвращается и просит пересесть чернокожего пассажира на другое место (из эконом- в бизнес-класс), поскольку не следует «находиться рядом с такой жалкой личностью». С одной стороны, желание капризной пассажирки выполнено, с другой – она выставлена в смешном и отталкивающем свете. У зрителя формируется образ расиста как смешного, нелепого и, что особенно важно, обреченного попасть в глупое положение человека. Последнее представляется особенно важным – люди могут не бояться общественного осуждения, но крайне болезненно относятся к своему самолюбию.

В Австрии, учитывая высокую динамику роста мусульманской миграции (более 600 тыс. чел., или 6 % населения), проблема профилактики межконфессиональных конфликтов приобрела высокую актуальность и выразилась, в частности, в размещении

своеобразных текстовых плакатов на остановках общественного транспорта. Текст представляет собой цитату из хадисов (высказываний пророка Мухаммада): «Ваша улыбка – хорошее дело!» Инициаторами социальной рекламы стали мэрия города и Исламская федерация Вены (IFW). Авторы рекламной кампании вдохновили многочисленные мусульманские хадисы, рассказы о поступках пророка Мухаммада. По словам руководства IFW в первую очередь эта реклама должна напомнить жителям австрийской столицы о важности улыбки в повседневной жизни. Другая цель социальной рекламы такого рода – призвать общественность к толерантности, взаимоуважению, социальной солидарности [Социальная реклама...].

Некоторые образцы социальной рекламы при непредвзятом подходе могут показаться очевидным курьезом. Так, в ряде немецких городов на стенах зданий размещена серия плакатов «типичный немец» («Typisch Deutsch»). В черно-белом формате представлены фотопортреты людей семитской, арабской, негритянской внешности со стереотипной надписью – «типичный немец» [Социальная реклама в Германии] Исторически обусловленная немецкая этнокультурная идентичность подменяется мультикультуральной идентичностью на основе принадлежности к определенной государственной территории. Скрытый подтекст таких сообщений – расширение понятия «свой» в немецком национальном сознании.

Но есть и другая сторона проблемы, связанной с распространением социальной рекламы такого типа, которую можно обозначить как смещение вектора общественного негодования в связи с теми социальными напряжениями, которые порождают в немецком обществе усилившиеся миграционные потоки. Если обратиться к официальной статистике, то можно увидеть, в частности, что доля мигрантов составляет существенную часть в показателях немецкой преступности, например в 2015 г. в Германии в общей сложности было совершено 6,3 млн преступлений, из которых свыше 200 тыс. приходятся на долю мигрантов, т. е. около 3 % всех преступлений в Германии совершается мигрантами, причем имеется тенденция к их росту [Число преступлений...].

Учитывая тот факт, что практически все мигранты, прибывающие в Германию, получают достаточно высокий уровень социальной помощи, поведение многих из них выглядит парадоксально.

Они в буквальном смысле слова «кусают руку, их кормящую». Странно было бы, если бы рядовые немецкие граждане этого не замечали и не осознавали. Как известно, периодически в различных германских городах происходят акции протеста по поводу нынешней миграционной политики Ангелы Меркель [Трудовая миграция...]. На этом фоне в германском обществе распространяются рекламные материалы, которые, во-первых, отвлекают граждан от действительной актуальной проблемы превентивно-деструктивного поведения многих мигрантов; во-вторых, перекладывают ответственность за это на самих немцев, которые будто бы недостаточно терпимо и доброжелательно относятся к представителям иных рас, национальностей, религий. Любая попытка опротестовать политику миграции на основе мультикультурализма в результате ведет к обвинениям протестующих в расизме, откуда всего один шаг до обвинения в нацизме и фашизме.

Высокую актуальность имеет в общественном восприятии проблема борьбы с ВИЧ-инфекцией. Свидетельством этого служат многочисленные плакаты с призывами к использованию презервативов. С точки зрения российской традиционной нравственности такие плакаты находятся явно за пределами допустимых вольностей. Например, некоторые плакаты показывают полуобнаженную парочку с похотливыми выражениями лиц на фоне звездного неба и надписью, в переводе звучащей следующим образом: «Если звезды шепчут, воспользуйся презервативом!» [Социальная реклама...]. Социальная реклама аналогичного содержания имеет распространение и в Австрии.

Откровенно шокирующим выглядит фотоколлаж Оливера Лассена, также посвященный борьбе со СПИДом. На фоне надгробия(!) в виде совокупляющейся молодой парочки помещена табличка с надписью красными буквами об опасности для жизни незащищенного секса [Дневники: асоциальная...].

Количество социальной рекламы, посвященной профилактике ВИЧ-инфекции, ощутимо возрастает в германоязычных странах. Что свидетельствует о высокой значимости данной проблемы именно в глазах федеральных и муниципальных властей. 75 % социальной рекламы в Германии инициируется и финансируется государством и подконтрольными ему структурами. В качестве приоритетных ориентиров устанавливается оказание помощи лицам,

находящимся в затруднительном положении, трудной жизненной ситуации, предотвращение от попадания в бедственное положение. Эти целевые установки вытекают из общей концепции послевоенной германской государственности как социального и демократического государства, где в гармоничной пропорции синтезированы идеи государственного патернализма и инициативной социальной ответственности граждан на индивидуальном и коллективном уровнях [Супрыгина 2013].

Концепция сбережения населения при активном участии самого населения нашла свое воплощение в широком распространении социальной рекламы на тему дорожной безопасности. В частности, целая серия плакатов пропагандирует внимательность при нажатии водителями педали газа, необходимости заботиться о спокойствии своих близких. В качестве демотиватора использованы архетипические страхи человека перед смертью и вечной разлукой с родственниками. На каждом плакате в центре – девушки, дети и матери с младенцами, держащие фотографии любимых мужчин (отцов, женихов, мужей) с надписью на траурной ленте «Runter vom Gas!» – «Долой газ!» [Социальная реклама на автобанах...]. На этом усилия заказчиков и авторов рекламы не остановились. Вторая серия с той же надписью – это фотографии разбитых в ДТП автомобилей; третья серия – мартирологические списки погибших в автокатастрофах с крестом и такой же надписью. В Австрии существует похожая социальная реклама, также размещаемая на автострадах – изображение жены, держащей фотографию мужа с траурной черной лентой и надписью: «Почему ты не пристегнул ремень безопасности, я же просила!» [Социальная реклама в Австрии].

Сходство социальной рекламы, посвященной борьбе со СПИДом и проблемам безопасности на транспорте лежит в области скрытого подтекста, тех смыслов, которые присутствуют в подсознании. В данном случае таким смыслом является именно страх перед преждевременной и весьма неприглядной смертью. Между тем обратимся к статистике. Число ВИЧ-инфицированных в Германии неуклонно растет, несмотря на все применяемые меры [Отчет Института...]. Основные цифры прироста дают группы с девиантно-искаженным сексуальным поведением, т. е. в основе роста заболеваемости СПИДом и связанной с этим смертности лежит упадок нравственности и разрушение семейных традиций

в немецком обществе. И вот вместо попытки врачевать социальные проблемы в корне, обществу предлагается бороться со СПИДом посредством дальнейшего поощрения греха, распада общественной морали. Отсюда можно предположить, что власти Германии, поощряя такую направленность социальной рекламы и используя страх смерти в качестве универсального мотиватора для конструирования желаемой линии поведения, которая заключается в данном случае в принятии норм релятивистской морали, освобождающей государственную власть от моральной ответственности, оставляя простор для принятия любых решений независимо от их соотносительности с нравственными принципами.

Кроме того, страх смерти можно считать мощным манипулятором человеческого поведения и мышления [Кастельс 2017]. С одной стороны, люди, наблюдая подобную рекламу, видят воочию «заботу» государства о своем здоровье и жизни. С другой стороны, подсознательно активируемый страх отключает рациональные эмоции и блокирует прочие каналы и источники поступления информации, на основе которых возможно критическое осмысление действительности и формирование картины мира, альтернативной общепринятой. Понятие же ответственности переводится из сферы нравственности в сферу психофизиологии как стремление сохранить свою неповторимую жизнь любым путем даже при ведении откровенно аморального образа жизни.

Однако в единой теме безопасности и заботы о сбережении человеческой жизни присутствует элемент серьезного диссонанса. Суть его заключается в пренебрежении к фундаментальной идее продолжения жизни социальной общности. Эта идея оказывается буквально подавленной идеей максимального продления своего физического существования «здесь и сейчас» при получении максимума безопасного и безответственного удовольствия.

Между тем демографическая статистика Германии с 2003 г. демонстрирует устойчивую регрессию, которую не могут исправить даже усиленные миграционные потоки. Если же убрать вопрос о мигрантах, то выясняется, что коренное немецкое население, которое создало и построило «социальный рай» и «немецкое экономическое чудо», стремительно сокращается в численности и не менее стремительно теряет в качестве. В последнем тезисе легко убедиться, посмотрев на статистическую прогрессию

изъятия детей из немецких семей за последние 20 лет [«Достижения» ювенальной юстиции...]. Рост социального пакета немецкого сообщества (один из наиболее объемных в мире) находится в отрицательной корреляции с показателями коренного германского населения (одни из худших в мире показателей рождаемости) [Багдасарян 2006]. Фактически, подрастают поколения, которые не знают нормальной семьи с балансом базовых поведенческих регуляторов «надо – нельзя – хочу». Аналогичная картина наблюдается и в Австрии. Получается, что государство посредством социальной рекламы специфического содержания выполняет задачу не решения проблем стратегического характера, а отвлечения общественного внимания с одновременным разрушением базового для исторической репродукции страны института традиционной семьи. Будущее приносится в жертву гедонистическому настоящему. Социальная реклама выполняет роль опиатов в онкологическом хосписе – приносит облегчение, но не исцеление с отсроченным, но неотвратимым летальным исходом. Населению же внушается не противиться смертельным инъекциям, наслаждаясь удовольствием в быстротекущем настоящем.

В немецкоязычной социальной рекламе нашла свое отражение и тема ювенальной юстиции, которая весьма неоднозначно воспринимается даже в тех странах, где ее существование и деятельность имеют юридические основания. Поскольку прямая реклама изъятия детей из родных семей была бы воспринята однозначно отрицательно большинством населения, постольку применяют обходные маневры и завуалированные технологии пропаганды. Примером служит плакат Берлинского совета по опеке детей. Изображены радостные мальчик и девочка, над которыми помещена надпись: «Приемные дети принесут оживленность в семью». На плакате поясняется, для кого усыновленный ребенок может принести «оживленность»: «для лесбиянок и гомосексуалистов», «для холостяков, женатых и живущих в гражданском браке», «и даже для тех, кому уже 45» [Жиленков, Зет].

Несложный, на первый взгляд, по своей смысловой и иллюстративной структуре плакат, в действительности, содержит в себе несколько пластов, которые в своей совокупности ни много ни мало формируют новую социальную реальность. Во-первых, происходит психологическая легитимация института ювенальной юстиции,

так называемая *Jugendamt*, на который и возложена деятельность по опеке детей, соблюдением их прав, зафиксированных во Всеобщей декларации прав ребенка. Эта легитимация происходит, как было сказано выше, весьма латентно – посредством эксплуатации фрейма милосердия. Ведь сам концепт приемных детей ассоциируется именно с милосердием как одной из ключевых христианских добродетелей. Одновременно купируется в зародыше возможное сопротивление противников института ювенальной юстиции – тот, кто протестует, оказывается априори в проигрышном положении, он как бы представляет себя немилосердным человеком. Люди словно забывают о том, что появлению приемных детей должен почти всегда предшествовать факт их принудительного изъятия у биологических родителей. Столь же показательны те адресаты, которым предлагается усыновлять/удочерять детей. Среди них не упомянута только одна категория – это собственно нормальная традиционная семья. На первом же месте стоят представители сексуальных субкультур, резко конфликтующих с традиционными семейными и нравственными ценностями. В пространстве плаката они представлены как потенциальные усыновители – следовательно, в общественном сознании происходит их маркировка как положительных, милосердных и полезных социальных ячеек. На этом основании можно с достаточной уверенностью утверждать, что основным, хотя и неназываемым адресатом данной социальной рекламы, являются не столько поименованные на рекламной баннере группы, а те, кого там не называют – это большинство граждан Германии, в сознании которых происходит связывание в единый положительный контекст понятий «ювенальная юстиция», «сексуальные меньшинства», «изъятие детей», «приемные дети». Аутсайдером, как отмечалось, оказывается традиционная семья, которой не оказывается места в радостном оживленном социальном пространстве плаката. Вероятные социальные протесты против насаждения половых извращений и разрушения института традиционной семьи искусно и заранее блокируются. Именно это следует считать скрытой политической целью такого типа социальной рекламы.

Важное место в массиве социальной рекламы европейских стран, включая германоязычные, занимают проблемы экологии [Бабашина 2013]. В частности, на улицах Германии можно увидеть

плакаты, посвященные загрязнению морей и морских побережий промышленным и бытовым мусором. Об этом говорит серия плакатов и постеров, разработанных агентством «Springer&Jacoby». На морском берегу выложены фигуры рыб, птиц и тюленей из мусора, которые сопровождают надписи: «Они больше не оставляют свой мусор» [Загрязнение окружающей среды...]. Такого рода призывы выглядят как безусловно положительные, но за кадром остается вопрос об их реальной эффективности. Поскольку сообщения в экологической социальной рекламе, во-первых, не имеют адресата, во-вторых, необязательны к исполнению. Едва ли этого не понимают те, кто заказывает, разрабатывает и оплачивает такую социальную рекламу. В этом случае вновь уместно задаться вопросом об истинных целях ее размещения в социально-коммуникативном пространстве. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что здесь также присутствуют элементы манипуляции.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие обобщающие выводы: в качестве наиболее распространенных тем германоязычной социальной рекламы в настоящее время выступают следующие: меры по безопасности на транспорте; безопасность интимных отношений; пропаганда мультикультурализма с одновременным осуждением нетерпимости к мигрантам иных рас и национальностей; ювенальная юстиция; укрепление легитимности сексуальных извращений; экологическая тематика.

В результате образуется весьма специфическое идейно-политическое пространство, которое формируется при прямом государственном воздействии, если вспомнить о том, что 75 % контента социальной рекламы непосредственно инициированы и финансированы государственными органами власти. Налицо прямая заинтересованность государства в насаждении именно тех идей и поведенческих эталонов, которые оказывают демпферами социального недовольства по поводу постепенной утраты Германией и в несколько меньшей мере Австрией, собственной национальной, этической, цивилизационной идентичности. Взамен формируется общество, которое лояльно либо индифферентно относится к сокращению собственного витального потенциала, распаду морали и семьи, больше уделяет внимание экологии, нежели деторождению, а физическое существование ради максимума удовольствия ценит больше, чем любые метафизические идеалы, о которых

ненавязчиво предлагается забыть по умолчанию. Учитывая тот факт, что во многих образцах социальной рекламы активно используется технология «окна Овертона», не приходится сомневаться в том, что политическая манипуляция в Германии и Австрии является доминантным мотивом большей части социальной рекламы [Жиленков, Зет].

В заключение позволим себе элемент компаративного подхода. Слабость развития социальной рекламы в России по сравнению с Германией, которую нередко представляют в качестве эталона социального государства, свидетельствует, как ни парадоксально это звучит, о большей степени нравственности и честности Российского государства, какие бы нарекания ни вызывали конкретные действия отдельных его представителей. Однако это является темой для отдельной публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабашина М. Г.* Особенности экологической культуры студенческой молодежи (сравнительный анализ России и Германии) // Вестник МГЛУ. Вып. 24. 2013. С. 19–30.
- Багдасарян В. Э.* Управляема ли демография // Власть. 2006. № 10. С. 10–19.
- Германия. Вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. М. : Весь мир, 2009. 792 с.
- Дневники: асоциальная сеть. URL: www.diary.ru/~grabschonheiten/?order=frombegin&from=200
- «Достижения» ювенальной юстиции в Германии. URL: rossaprimavera.ru/static/files/4006480b.png
- Жиленков М., Зет Т.* Современная Германия: постмодерн снимает маску. URL: www.sdelanounih.ru/sovremennaya-germaniya-postmodern-snimaet-masku/
- Загрязнение окружающей среды. URL: ecoteco.ru/index.php?id=666
- Западноевропейский опыт социальной работы и социальной рекламы. URL: bukvi.ru/реклама/западноевропейский-опыт-социальной.html
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Высшая школа экономики, 2017. 592 с.
- Отчет Института Роберта Коха о распространенности СПИДа. URL: politrussia.com/society/tolko-skrep-y-pobedyat-348/
- Поставьте расиста на место! URL: www.youtube.com/watch?v=-30VBr4dFQI
- Рязанцев С. В.* Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия. М. : ФГБУ НИСПИ РАН, 2016. 28 с.

- Социальная реклама в Австрии. URL: blogturista.net/socialnaya-reklama-v-avstrii.html ; URL: minbar.kz/article/show/id/1218.html
- Социальная реклама в Германии URL: pikabu.ru/story/sotsialnaya-reklama_v_germanii_5161454 ; URL: lilasbleu.livejournal.com/1087081.html
- Социальная реклама на автобанах Германии. URL: ekabu.ru/28803-socialnaya-reklama-na-avtobanax-germanii_raznoe.html
- Супрыгина Г. Г.* Обзор немецкого «социального государства» и его трансформаций // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 3. 2013. № 2. С. 140–146.
- Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / ред., сост. М. С. Розанова. СПб. : Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ» : Скифия-принт, 2016. 192 с.
- Число преступлений, совершенных мигрантами в ФРГ, почти удвоилось URL: ria.ru/world/20160217/1376054327.html

УДК 327.51

Ю. А. Михалёв

кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии МГЛУ;
e-mail: mihalevyri@yandex.ru

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИКЕ США

В статье анализируется роль «Исламского государства» в политике США. По мнению автора, ИГИЛ является одним из инструментов внешней политики США. Основной задачей США является внесение хаоса и «безвластия» на Ближнем Востоке с целью получения возможности установления своего контроля над территорией САР, следовательно, и над установлением очередного «марионеточного» политического режима и доступа к углеводородным ресурсам. При условии возможности управления «Исламским государством», США могут получить неограниченный доступ к материальным ресурсам стран региона.

Ключевые слова: «Исламское государство»; инструмент политики; вооруженный конфликт; терроризм.

Mikhalev Yu. A.

PhD. (Political Sciences), Assistant Professor, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

«ISLAMIC STATE» IN US POLICY

The article examines the role of the Islamic state in US policy. In the author's opinion, ISIS is a tool of United States foreign policy. The main task of the United States, according to the author, is to bring chaos and "powerlessness" in the middle East in order to obtain the possibility of establishing its control over the territory of ATS, therefore, over the establishment of another "puppet" political regime, and of course access to hydrocarbon resources. Provided the ability to manage the "Islamic State", the United States can get unlimited access to material resources of the countries of the region.

Key words: Islamic state; political instrument; armed conflict; terrorism.

Военные успехи террористической группировки ИГ на территории Ирака и Сирии начиная с 2014 г. несли угрозу мировому сообществу. 30 августа 2014 Государственный секретарь США Джон Керри заявил о необходимости создания глобальной коалиции, противостоящей ИГ. Керри определял ИГ, по сути, как глобальную угрозу, давая ей характеристики «закаленной боевой силы убежденных джихадистов с глобальными амбициями», способных не только захватывать и удерживать значительные территории

в стратегически важном регионе Ближнего Востока, но и несущими угрозу везде, куда они могут добраться незамеченными, включая Америку. Именно всеобщая, «объединяющая», как она буквально названа, угроза и диктует неизбежность «совместного ответа возглавляемой Соединенными Штатами максимально широкой коалиции наций», которая не позволит распространиться исходящим от ИГ «метастазам зла» на другие страны [Kerry 2014].

Джон Керри делает акцент на опасность группировки для мирового сообщества, подчеркивает, что «джихадисты» «Исламского государства» – это религиозные фанатики, выросшие на экстремистском опыте «Аль-Каиды» (по-сути возвращенные самой же Америкой), которые реализуют свой разрушительный проект: «Если не поставить им барьер, они не остановятся в Сирии и Ираке» [Kerry 2014]. Госсекретарь США также подчеркнул, что угроза, исходящая от «Исламского государства» не имеет аналогов в современном мире, именно поэтому следует создать многосоставную коалицию. Всеобщая заинтересованность в нейтрализации вышеупомянутой террористической организации позволяла Америке рассчитывать на создание универсальной коалиции как инструмента влияния на ситуацию на Ближнем Востоке.

Главной военной силой, непосредственно противостоящей ИГ, были объявлены вооруженные силы Ирака, формирования курдов и умеренной сирийской оппозиции. Создаваемая глобальная коалиция была призвана оказывать помощь этой уже де-факто действующей военной силе, и, по сути, важнейшей ее миссией виделась поддержка и придание устойчивости новому правительству Ирака, как предполагалось, с широким представительством основных общественных сил во главе с Хайдером аль-Абади.

«С августа 2014 г. начались удары коалиции по позициям ИГ на территории Ирака. Авиаудары были нанесены по таким иракским городам, как Мосул, Киркук, Фаллуджа, Рамади и другим. Данные действия проводились в соответствии с разрешением, полученным от правительства Ирака. 20 сентября 2014 г. правительство Ирака уведомило Совет Безопасности ООН о том, что Ирак попросил США возглавить международную коалицию против ИГИЛ (*dag.un.org*). Таким образом, действия «антитеррористической коалиции» на территории Ирака являются формально правомерными. С юридической точки зрения, операция по нанесению коалицией

авиаударов по объектам ИГИЛ, находящимся на территории Сирии, выглядит иначе: Соединенные Штаты Америки, недоброжелательно настроенные по отношению к президенту Сирии Башару Асаду, фактически резюмировали согласие сирийского правительства, которое, в отличие от согласия правительства Ирака, так и не было получено. Представители американского командования еще в сентябре 2014 г. однозначно заявили, что победа над ИГИЛ без ударов по сирийской территории не представляется возможной [Lamothe 2014]. Очевидно, что в данном случае авиаудары США по территории Сирии, в частности, по городам Хасеке и Кобани, без согласия действующего правительства и без санкции Совета Безопасности, представляют собой нарушение норм международного права и территориальной целостности сирийского государства, какими бы благими целями эти действия не оправдывались» [Холиков, Сазонова 2015].

Аргумент Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна о том, что авиаудары США осуществлялись «в регионах, над которыми власть не осуществляет эффективного контроля» (www.un.org/ru), представляется весьма сомнительным. Показательно, что американские юристы всячески поддерживают данный тезис, отмечая, что действующее правительство Сирии не может представлять сирийское государство на международной арене, поскольку правительство может представлять государство, пока оно полностью не вытеснено в результате народного восстания или вооруженного оппозиционного движения, пока оно не потеряло контроль над территорией [Weller 2015].

Заявления американских специалистов о том, что авиаудары по территории Сирии осуществляются в соответствии с принципом коллективной самообороны, на основании согласия, полученного от правительства Ирака [Sanchez 2014], также не являются обоснованными, поскольку без непосредственной агрессии, осуществленной со стороны Сирии по отношению к странам-участницам антитеррористической коалиции, подобный аргумент не является правомерным. Кроме того, периодически без согласия действующей власти Сирии США посылают в сирийское воздушное пространство беспилотные разведывательные аппараты (www.asil.org), что также нарушает суверенитет Сирии. Таким образом, можно констатировать, что «по всей видимости, под прикрытием

ударов авиации США и их союзников осуществляется консолидация и перегруппировка сил антисирийской оппозиции, в которую впоследствии могут влиться “разгромленные” отряды ИГИЛ, для последующего свержения режима Б. Асада» [Яковлев 2015, с. 65].

Во время своей речи по поводу формирования коалиции Барак Обама (на тот момент действующий президент США) создавал образ международной коалиции по борьбе с ИГ не как международной, в которой США могут восприниматься как навязывающая свою волю сверхдержава. При этом Обама акцентировал осуществляемую Америкой миссию по мобилизации мирового сообщества и четко определил тезис об исключительном характере американского лидерства: «...Американское лидерство – это единственная константа в неопределенном мире. И именно Америка обладает возможностями и волей мобилизовать мир против террористов» [Obama's 2014]. Исходя из заявлений Б. Обамы, международная коалиция по борьбе с «Исламским государством» – это специфическая военная коалиция, которая должна сражаться не столько с военным противником, сколько с экстремистской идеологией, управлять материальными и информационными потоками помощи и содействовать консолидации иракского государства, подрывать ресурсную базу ИГ, т. е. изначально США видело задачу коалиции в нормализации политического процесса в Ираке и примирении шиитов и суннитов в этой стране.

На встрече в формате круглого стола в Париже, госсекретарь США не применял слово «угроза» по отношению к «Исламскому государству», Джон Керри говорил о задаче установления и нормализации политического режима в странах, где разворачивает свои действия вышеозначенная террористическая организация.

Таким образом, стратегическая ориентация США на мирную политическую трансформацию в Ираке и в Сирии (где речь шла о возможной передаче власти на основе переговорного процесса переходному правительству как главному способу прекращения гражданской войны), отказ от силовой «смены режимов» и при этом изоляция непримиримых и недоговороспособных (т. е. экстремистских) сил обеспечивали США, как предполагалось, гораздо большую свободу и эффективность действий в пространстве между двумя важнейшими государствами региона – Саудовской Аравией и Ираном. Это могло бы создать перспективу хотя бы

относительной стабилизации политической ситуации в регионе. Однако дальнейшее развитие событий показало, что реализация задуманных планов осложнена наличием серьезных противоречий: неопределенность и двусмысленность американского лидерства, которое ставилось, например, в прямую зависимость от усилий относительно слабого и нестабильного Ирака и осуществляется «дистанцированно»; притязания США на глобальное лидерство и в то же время проблемы с реализацией своего лидерства в ключевых для деятельности коалиции странах – Ираке и Сирии (где всё более явно нарастало присутствие и влияние Ирана и России); «символический глобализм» коалиции и в то же время ее направленность на принятие прежде всего региональных решений.

С приходом к власти Дональда Трампа, позиция по действиям США на Ближнем Востоке в рамках коалиции, обрела более четкие задачи. Так Дональд Трамп допускал некое сотрудничество с Россией для борьбы с ИГ. Однако данное в ходе своей избирательной кампании обещание о совместной разработке плана по борьбе с мировой угрозой не претворено в жизнь. По сообщениям информационных агентств, сторонники президента убеждают Трампа в том, что соглашение с Россией по борьбе с терроризмом несет большие риски, мотивируя это тем, что, идя на уступки Москве, Вашингтону будет сложнее реализовать президентский курс на восстановление лидирующей роли США в мире.

Активные авиаудары, наносимые США и их союзниками, с 2014 г. на словах направлены были на уничтожение инфраструктуры боевиков, содействие умеренной оппозиции Сирии, которая действует в интересах США. Деятельность США в борьбе с терроризмом чаще приводит лишь к потерям среди мирных граждан и внесения неразберихи в зоне конфликта.

Цель США в регионе сегодня очевидна и заключается в укреплении своей позиции на Ближнем Востоке, овладение нефтяными ресурсами региона и в повышении авторитета США в мировом масштабе. ИГ является подходящим инструментом, так как напрямую не финансировалось США, не связано со Штатами, кроме того США проводит антитеррористическую кампанию, т. е. действия против террористической организации ИГ, что дает право США заявлять о непричастности к возникновению «Исламского государства», создавать видимость борьбы с угрозой мировому сообществу [Синчук, Ковригина 2016].

Основной задачей США является внесение хаоса и «безвластия» на Ближнем Востоке с целью получения возможности установления своего контроля над территорией САР и, следовательно, над установлением очередного «марионеточного» политического режима и доступа к углеводородным ресурсам. При условии возможности управления ИГ, США могут получить неограниченный доступ к материальным ресурсам стран региона.

Для реализации этой цели террористическая организация является идеальным инструментом, способным с минимальными расходами со стороны США достичь поставленной задачи. Так, теневое финансирование, поступающее из США под видом пожертвований в благотворительные организации, предназначается для финансирования террористической организации ИГ, основой вооружения террористов служат поставки США для «умеренной оппозиции», в том числе и для организаций, поддерживающих деятельность ИГ.

Доказательством использования ИГ в интересах США может служить, *во-первых*, то, что США за время своей контртеррористической деятельности в регионе не смогли достичь хоть немного заметных результатов в борьбе с терроризмом. *Во-вторых*, США до сих пор не могут определиться, что называть «умеренной» оппозицией, т. е. против кого бороться, при этом не перестают призывать весь мир к свержению законно избранного правительства САР во главе с Башаром Асадом [Манохин, Синчук 2016].

Опасная обстановка, сложившаяся на современном этапе в мире [Емельянов 2015], обусловливается нестабильностью в регионах, расслоением общества, а также открытой враждой между государствами и религиозными течениями. Данная напряженность и вражда не являются случайными и стихийными. По мнению Е. С. Тесленко и Н. Н. Пеструиловой, ведущую роль в эскалации конфликтов в «нестабильных» политических регионах, а также в финансировании религиозных радикальных течений являются Соединенные Штаты Америки [Тесленко, Пеструилова 2015]. Причины поддержки США террористической группировки ИГ изложены администрацией США и Пентагоном в рамках концепции ведения «гибридной войны», а также стратегии глобального доминирования. Можно сделать вывод, что США является организатором «Исламского государства», активно поддерживают в финансовом плане и управляют действиями группировки.

Очевидно, что «Исламское государство» вытеснило «Аль-Каиду», державшую в страхе всё население земного шара с конца 1980 по 2011 гг. Прибегая к более жестоким, решительным мерам для достижения своей цели – установления Халифата, ИГ является угрозой международному сообществу. При наличии четко выработанного плана действий по мирному урегулированию конфликта в САР, а также скооперированных действиях стран-участниц инициированной США коалиции, можно успешно провести операцию, направленную на борьбу с террористической угрозой. Однако совместная политика США и России, которая могла бы ускорить операцию, до сегодняшнего момента так и не представлена Америкой.

Хаотичные удары США по ключевым, по мнению США объектам, несогласованность действий стран-участниц коалиции, в то же время с оказываемой помощью «сирийской оппозиции», всё это позволяет сделать вывод о том, что ИГ является определенно удобным инструментом, которое может изменить расстановку сил в регионе в сторону, необходимую для США.

На пути к достижению господства в регионе США встала Российская Федерация, оказавшая успешную поддержку законному правительству Сирийской Арабской Республики в конкретной борьбе с терроризмом на территории Сирии [Манохин, Михалев 2016]. Американская правящая верхушка, увидев в этом угрозу исполнению своих гегемонистских планов, начала предпринимать активные попытки выставить Россию агрессором в глазах мирового сообщества, что еще раз доказывает выгоду США от «сотрудничества» с террористами ИГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Емельянов А. И. Институционализация интеграционных процессов в Латинской Америке в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 26 (737). С. 66–74. (Общественные науки.)
- Манохин И. В., Синчук Ю. В. К вопросу об обеспечении военной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 742. С. 152–156. (Общественные науки.)
- Манохин И. В., Михалев Ю. А. Терроризм как глобальная угроза человечеству. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 756. С. 146–151. (Общественные науки.)

- Письмо постоянного представителя Ирака Председателю Совета Безопасности ООН. 20 сентября 2014 г. URL: dag.un.org/bitstream/handle/11176/89303/S_2014_691-RU.pdf?sequence=21.
- Синчук Ю. В., Ковригина Д. М. «Исламское государство» как глобальная террористическая угроза // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 749. С. 212–217. (Общественные науки.)
- Тесленко Е. С., Пеструилова Н. Н. Феномен «ИГИЛ» // Виктимология. 2015. № 1 (3). С. 34–39.
- Холиков И. В., Сазонова К. Л. Международно-правовые последствия включения «войны с международным терроризмом» в перечень правомерных оснований индивидуальной и коллективной самообороны (на примере борьбы с «Исламским государством» Ирака и Леванта) // Военное право. 2015. № 3 (35). С. 321–339.
- Яковлев Д. Операция США и их союзников «Непоколебимая решимость» // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 1. С. 65.
- Kerry J. To Defeat Terror, We Need the World's Help // The New York Times. 2014. Aug. 30.
- Lamothe D., DeYoung K. Islamic State can't be beat without addressing Syrian side of border, top general says // The Washington Post. 21 August 2014.
- Sanchez E. J. What Does International Law Say about Bombing ISIL in Syria? // The National Interest. September 10, 2014. URL: nationalinterest.org/feature/what-does-international-law-about-bombing-isil-syria-11240?page=2
- Secretary-General Ban Ki-moon, Secretary-General of the U. N., Remarks at the Climate Summit Press Conference (Including Comments on Syria). URL: www.un.org/ru/sg/statements2014.shtml.
- Syria claims shooting down of US drone over Latakia // BBC News. 18 March 2015. URL: www.bbc.com/news/world-middle-east-31932233
- Transcript of Obama's Remarks on the Fight Against ISIS. URL: www.nytimes.com/2014/09/11/world/middleeast/obamas-remarks-on-the-fight-against-isis.html?partner=rss&emc=rss&smid=tw-nytimesworld&_r=0
- Weller M. Striking ISIL: Aspects of the Law on the Use of Force // Insights. American Society of International Law. Issue 5 Vol. 19. 2015. URL: www.asil.org/insights/volume/19/issue/5/striking-isil-aspects-law-use-force#_edn7

УДК 327

А. С. Равняго

аспирант кафедры политологии Института международных отношений
и социально-политических МГЛУ;
e-mail: gal_sid@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ США В ОТНОШЕНИИ АФРИКИ

В статье рассматривается политика США в отношении Африки, начиная со времен правления Р. Рейгана до сегодняшнего дня; анализируется внешне-политическая стратегия каждого из президентов США – от Р. Рейгана до Д. Трампа; исследуются причины стратегического интереса США в Африке в различные временные периоды; приводятся оценки экспертов. Особое внимание уделяется военным операциям США в Африканском регионе, а также миротворческим миссиям СБ ООН; делается вывод о неослабевающем интересе США к африканскому континенту как основному поставщику энергетических ресурсов; рассматривается появление новых игроков-конкурентов на африканской арене, таких как Китай, Бразилия, Индия.

Ключевые слова: Африка; США; Китай; Индия; Бразилия; внешняя политика; стратегический интерес; военная операция; интервенция; терроризм; гуманитарная помощь; торгово-экономическое сотрудничество; инвестиции; энергетические ресурсы.

A. S. Ravnyago

Post-graduate student of the Department of Political Science of the Institute
of International Relations and Social-Political Sciences of MSLU;
e-mail: gal_sid@mail.ru.

US CONCEPTUAL APPROACHES TOWARDS AFRICA

The article deals with the US policy towards Africa, since the reign of R. Reyhan to the present day. The author analyzes the foreign policy strategies of each of the US presidents, from R. Reagan to D. Trump, examines the reasons of the US strategic interest in Africa during different time periods, and presents the assessments of experts. Particular attention is paid to US military operations in Africa, as well as to the UNSC peacekeeping missions. The author concludes that the US has a continuing interest in the African continent as the main supplier of energy resources. Moreover in recent time emerge new competitors in the African arena, such as China, Brazil, India.

Key words: Africa; USA; China; India; Brazil; foreign policy; strategic interest; military operation; intervention; terrorism; humanitarian assistance; trade and economic cooperation; investments; energetic resources.

В условиях глобальной нехватки ресурсов, в первую очередь энергетических, страны Африки выступают тем партнером,

сотрудничество с которым является стратегически необходимым. В связи с этим, интерес мировых держав, в том числе и США, к странам африканского континента не ослабевает. Африканская политика США претерпевала изменения в зависимости от исторического периода, однако Африка всегда занимала одну из ключевых позиций в интересах США.

Во времена холодной войны 40-м американским президентом Р. Рейганом была выдвинута доктрина неоглобализма, подразумевающая поддержку движений, выступающих за свержение прокоммунистических и просоветских сил в странах третьего мира, в том числе и в Африке [Stephen, Rosenfeld 1986]. В октябре 1986 г. в Рейкьявике состоялся саммит, ставший второй встречей Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева и президента США Р. Рейгана. Не смотря на то что встреча была прервана без заключения каких-либо договоров, именно ее принято считать первым шагом к завершению эпохи холодной войны. Позднее, на основе соглашений, достигнутых в Рейкьявике, был заключен ряд договоров, позволивших сверхдержавам совместно решить проблему достижения независимости Намибии, способствовать стабилизации обстановки в Анголе, Мозамбике и Эфиопии, активно содействовать началу переговорного процесса в Южно-Африканской Республике, который привел к ликвидации системы апартеида и созданию многорасового государства [A review of Reagan at Reykjavik...].

Приход к власти Дж. Буша-старшего в 1988 г. совпал с периодом значительных изменений на мировой арене: падение Берлинской стены, перестройка и близящийся распад СССР. Будучи вице-президентом в кабинете Р. Рейгана, Дж. Буш-старший считался его преемником, однако политика 41-го президента США все же отличалась от предшественника. Администрацией Дж. Буша-старшего была разработана стратегия национальной безопасности, получившая название «новый мировой порядок» [Журбей]. Госсекретарь США в администрации Дж. Буша-старшего Дж. Бейкер внешнеполитическим приоритетом США назвал американское участие в урегулировании региональных конфликтов в качестве составной части создания безопасных военно-политических условий для развития демократии и рыночной экономики [Baker 1991].

Были предприняты меры по улучшению отношений с СССР: в 1989 г. состоялся Мальтийский саммит, в 1990 г. – встреча

М. Горбачева и Дж. Буша-старшего в Хельсинки, в 1991 г. был подписан Договор о сокращении стратегических и наступательных вооружений СССР и США (СНВ-I).

В то же время правление Дж. Буша-старшего ознаменовалось и значительными военными интервенциями США, крупнейшей из которых стала операция «Буря в пустыне», вызванная вторжением иракских войск в Кувейт. В результате операции иракские войска потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены освободить территорию Кувейта.

В конце 1992 г. в Сомали была развернута миротворческая операция Совета Безопасности ООН под названием «Возрождение надежды», возглавляемая США. В 1993 г. операция была признана успешной и прекращена, на смену ей была развернута операция «Продолжение надежды» [Security Council Resolution 1992].

Также США оказывали поддержку проамериканским кандидатам на выборах в Зимбабве, Эритрее, Судане, Анголе и Намибии. По мнению экспертов, в начале 1990-х г. США потеряли стратегический интерес к Африке, поскольку с распадом СССР и падением коммунистического лагеря в целом исчезла угроза перехода стран Африки под влияние враждебного социалистического блока [Белевцева 2011].

Новая страница в истории политики США в Африке связана с приходом к власти в 1993 г. администрации Б. Клинтона. В 1991 г., с распадом СССР, мир стал фактически «однополярным». США, с одной стороны, становились единственной военной сверхдержавой, не имеющей равных по силе противников, но в то же время возникла проблема преодоления конкуренции на мировом торгово-экономическом рынке. В связи с этим, вопросы внешней политики были далеко не главными на президентских дебатах на выборах 1993 г. Однако администрация Б. Клинтона не могла полностью вычеркнуть вопрос внешней политики из повестки дня: нарастающий кризис на Балканах, ситуация на Гаити и в Сомали, смена власти в России требовали реакции со стороны Соединенных Штатов [Сидорова 2010].

В результате в 1990-е г. США применяли военную силу в шести крупных военных операциях, в том числе в Афганистане, Ираке, Сомали и др. Операция в Сомали оказалась неудачной для США, испортив при этом отношения США с ООН, которую Америка

обвинила в провале операции. Кроме того, провал США в Сомали вызвал на мировой арене дебаты о вмешательстве во внутренние дела других государств под предлогом «гуманитарных целей» [Сучков].

Весной 1998 г. Б. Клинтон совершил ряд визитов в африканские государства, в ходе которых была конкретизирована новая африканская политика США. Ее основные положения можно свести к следующему [Торкунов, Мальгин 2012]:

1) события на континенте затрагивают национальные интересы США;

2) необходимо предотвращать распад африканских государств, который может привести к распространению по всему миру терроризма, наркотиков, незаконной миграции, повлияет на ухудшение экологической ситуации и потребует более значительных объемов гуманитарной помощи;

3) интересы укрепления американских позиций в ООН и других международных организациях требуют установления более дружеских и прочных отношений с африканскими странами.

Хотя США в тот период были наиболее активным игроком в Африке, выбор был сделан, главным образом, на сотрудничество с Нигерией (крупным экспортером нефти), Южной Африкой, Анголой (богатой минералами) и государствами, окружающими Судан, т.е. преследовались цели соблюдения собственных экономических интересов и поддержания стабильности на континенте [Сучков].

В 2000 г. геополитические и экономические приоритеты США в Африке были оформлены в принятом законе «Об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки» («African Growth and Opportunity Act», AGOA). Данный закон, срок действия которого в июне 2015 г. был продлен еще на 10 лет, является одним из ключевых документов, определяющих торгово-экономический вектор политики США в регионе. В рамках реализации AGOA США создали в Африке три центра поддержки конкурентоспособности американских товаров; был учрежден специальный «Форум торгово-экономического сотрудничества США со странами Африки южнее Сахары»; Корпоративный совет по Африке, расположенный в Вашингтоне, координирует деятельность частного американского бизнеса на континенте [Алимов, Нестерова 2017].

Через полгода после прихода к власти Дж. Буша-младшего, 11 сентября 2001 г., в США произошел крупнейший террористический акт, который вынес на повестку дня вопрос борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков. Африка вновь приобрела стратегическое значение для США по двум направлениям: борьбы с распространением терроризма и возникшей конкуренцией с Китаем за доступ к нефти и другим минеральным ресурсам. В 2002 г. в Джибути была создана военная база США в «Кэмп-Лемоньер», на которой разместились Объединенная оперативная группа Африканского Рога с задачей вести борьбу против ячеек «Аль-Каиды» и ее сторонников в Сомали, Судане и других странах Восточной Африки [Урнов 2010].

В 2008 г. Дж. Буш заявил: «Африка становится жизненно важной для наших стратегических интересов» [Вишневский 2011]. Осенью того же года в Африке было образовано региональное командование американских вооруженных сил АФРИКОМ. Задача АФРИКОМ определялась в следующем: «оказании помощи африканским государствам и региональным организациям в укреплении их обороноспособности, с тем, чтобы они могли лучше противостоять угрозам собственной безопасности и ослаблять угрозы интересам США» [Fact Sheet...].

Администрация Дж. Буша-младшего продолжила создавать более благоприятную конкурентную среду для деятельности американских компаний на африканском континенте. При 43-м президенте США размер финансовой помощи странам Африки вырос в четыре раза [СМИ: Трамп сведет к минимуму... 2017].

Пришедшая к власти в 2009 г. администрация Б. Обамы в целом продолжила курс своих предшественников в африканском направлении. Несмотря на свое кенийское происхождение, первый темнокожий президент США не ставил Африку на первое место внешнеполитической повестки, а был более сосредоточен на внутренних экономических проблемах Соединенных Штатов, что объясняется грянувшим в 2008 г. всемирным экономическим кризисом. Однако на втором сроке своего правления Б. Обама вынужден был вновь обратиться к проблемам Африки. Это было вызвано резким ростом позиций потенциальных конкурентов США в регионе – Китая, Индии и Бразилии, что представляло угрозу для экономических и геополитических интересов США в Африке. При

Б.Обаме были сокращены программы финансирования Африки, созданные при его предшественнике, Дж. Буше-младшем, Чрезвычайный план президента по борьбе со СПИДом (PEPFAR) и корпорация «Вызовы тысячелетия» [Nicolas van de Valle 2015...].

Представляется интересным, что воинский контингент ВС США в Африке в годы правления Б. Обамы был увеличен, в то время как дипломатическое присутствие, напротив, было сокращено. К примеру, около двух лет у США не было посла в Нигерии, а также они не имели представительства в северной части страны, в 2012 г. в Центрально-Африканской Республике было закрыто посольство США [Nicolas van de Valle 2015...].

Продолжая линию борьбы с терроризмом своего предшественника, Б.Обама направлял усилия США на борьбу с радикальным исламизмом в Африке, в частности с сомалийской группировкой Аль-Шабаб, нигерийской террористической организацией Боко Харам [22].

США оказывали гуманитарную помощь южносуданскому Дарфуру, Демократической Республике Конго, участвовали в борьбе с Господней армией сопротивления в Уганде. Администрация США ежегодно выделяла около 2 млрд долл. на преодоление кризиса в Южном Судане [Nicolas van de Valle 2015...].

В марте 2011 г. при участии США и под командованием генерала ВС США К. Хэма была развернута операция миротворческого контингента СБ ООН «Odyssey Dawn» в Ливии, направленная на свержение джамахирии под руководством М. Каддафи. В октябре 2011 г., после убийства М. Каддафи, операция была названа успешной и завершена [Security Council Resolution 2011].

Что касается экономического участия США в жизни африканского континента, то здесь администрацией Б.Обамы в качестве приоритета ставилось скорее развитие взаимовыгодного торгового партнерства, нежели увеличение односторонних инвестиций. В частности, в 2012 г. американским правительством была провозглашена «Стратегия США к Югу от Сахары», направленная на углубление коммерческих связей с регионом и установление эффективного партнерства с африканскими странами для ответа на наиболее сложные вызовы безопасности. Стратегия реализуется через такие ключевые инициативы, как «Энергия Африки» / «Power Africa», «Накорми Будущее» / «Feed the Future»,

«Инициатива глобального здоровья» / «Global health initiative» и «Инициатива молодых африканских лидеров» / «Young African Leaders Initiative» [Толстухина]. В ходе своего визита в Южную Африку летом 2013 г. Б. Обама обнародовал программу «Сильная Африка», направленную на увеличение электрогенерирующих мощностей в регионе; в 2014 г. эта программа была расширена [Nicolas van de Valle 2015].

В 2015 г. Б. Обама совершил турне по Восточной Африке, посетив Кению и Эфиопию. В ходе визитов были заключены договоренности по вопросам обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом и коррупцией. Президент США также выступил в штаб-квартире Африканского союза, сделав акцент в своей речи на вопросах демократии и соблюдении прав человека в Африке. Кроме того, Б. Обама призвал африканских лидеров к проведению экономических реформ в государствах континента с целью развития бизнеса, международной торговли и увеличения инвестиций [Толстухина].

После избрания на пост президента США в 2017 г. Д. Трамп заявил, что намерен свести к минимуму программы оказания гуманитарной помощи странам Африки и сделать упор на конкуренции американского бизнеса с китайским в данном регионе.

Еще на этапе предвыборной гонки команду Д. Трампа в Африке прежде всего интересовали ход конкурентной борьбы с Китаем, уровень коррупции и размер хищений гуманитарной помощи из США, а также целесообразность объемов ассигнований Вашингтона на эти цели. В плане борьбы с терроризмом помощников избранного президента волновало, почему радикальная группировка «Бoko харам» до сих пор не разгромлена и почему связные террористической сети «Аль-Каида» (запрещена в РФ) из африканских стран беспрепятственно проникают и живут в Соединенных Штатах [СМИ: Трамп сведет к минимуму... 2017].

В ноябре 2017 г. во время своего визита в Японию президент США Д. Трамп провел совещание с премьер-министром Японии Синдзо Абэ по поводу проекта открытой и свободной зоны в Тихом и Индийском океанах. Изначально идея создания такой зоны была предложена японским премьером в 2016 г. Тогда, выступая в Кении на конференции по вопросам развития Африки, С. Абэ предложил

сделать область от Тихого океана до Персидского залива «зоной свободы, верховенства права и рыночной экономики». Основное внимание при создании такой зоны было предложено сосредоточить на торговле, инвестициях, развитии инфраструктуры и обеспечении безопасности судоходства. Предполагается, что проект будет включать «два континента и два океана». Имеются в виду Азия и Африка, Индийский и Тихий океаны [Волков 2017].

Представляется очевидным, что подобные проекты являются инструментом сдерживания Китая и Индии, имеющих наиболее растущее влияние в Африке. Политика так называемой азиатской «мягкой силы» является более конкурентоспособной по сравнению с «Soft Power» США и стран ЕС, так как азиатские партнеры предлагают странам Африки крупные проекты, не требуя взамен исполнения каких-либо жестких политических условий и предпочитают не вмешиваться во внутренние дела государств [Алимов, Нестерова 2017].

В январе 2018 г. произошел скандал, спровоцированный тем, что президент США Д. Трамп в ходе совещания по вопросам эмиграции в Овальном кабинете якобы назвал страны третьего мира, в том числе и Африки, «грязными дырами». Однако вскоре в официальном письме, адресованном лидерам стран Африканского союза, Д. Трамп подчеркнул, что «с глубоким уважением» относится к африканским народам и намерен в ближайшем будущем направить на континент госсекретаря Р. Тиллерсона «с продолжительным визитом» [AP: Трамп заявил... 2018].

В апреле 2018 г. Белый дом с официальным визитом посетил президент Нигерии М. Бухари, ставший, таким образом, первым африканским президентом, посетившим Вашингтон после избрания Д. Трампа. В ходе встречи обсуждалась угроза терроризма и проблемы экономического роста в Нигерии. В ходе совместной пресс-конференции Д. Трамп также заявил, что США предоставят Нигерии помощь в размере 1 млрд долл. [Трамп обсудил с лидером Нигерии... 2018].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что интерес США к африканскому континенту не ослабевает с течением времени, невзирая на экономические трудности внутри страны. Число игроков на африканской арене возрастает, свое «место» в регионе

хотят завоевать такие глобальные конкуренты США, как Китай, Индия, Бразилия. Африка представляет собой основного поставщика энергетических и минеральных ресурсов для США, в связи с чем обеспечение стабильности на континенте и укрепление роли Соединенных Штатов в регионе остается на повестке дня американских лидеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов А. А., Нестерова И. Е. Интересы США в современных африканских государствах. // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 29–33.
- Associated Press: Трамп заявил, что с глубоким уважением относится к народам Африки. Международная панорама, 27.01.2018. URL: htass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4908507
- Белевцева С. Н. Подходы администрации Дж. Буша-старшего к решению региональных конфликтов // Курский государственный университет, 2011. URL: cyberleninka.ru/article/v/podhody-administratsii-dzh-busha-starshego-k-resheniyu-regionalnyh-konfliktov
- Вишневский М. Л. Реакция африканских стран на современную политику США на континенте // Африка в современных международных отношениях. М. : ИАФР РАН, 2011. С. 190–201.
- Волков К. Трамп и Абэ обсудят создание новой супер-зоны развития. Российская газета, 03.11.2017. URL: rg.ru/2017/11/03/tramp-i-abe-obsudiat-sozdanie-novoj-super-zony-razvitiia.html
- Журбей Е. В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего. URL: ojkum.ru/arc/lib/2011_01_16.pdf
- Сидорова Г. М. Африканская действительность в контексте нового мирового порядка. Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 10. С. 898–904.
- Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в практике внешнеполитических отношений государств Великих африканских озер: дис. ... д-ра политических наук. М. : 2016. 450 с.
- СМИ: Трамп сведет к минимуму оказание гуманитарной помощи странам Африки. Международная панорама. 15. 01. 2017. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3941704
- Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М. : Аспект Пресс, 2012. 688 с.
- Сучков М. А. Внешняя политика США при Б. Клинтоне. URL: docplayer.ru/39729883-M-a-suchkov-vneshnyaya-politika-ssha-pri-b-klintone.html
- Толстухина А. Африка: последний шанс для Обамы. Российский совет по международным делам. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrika-posledniy-shans-dlya-obamy/?sphrase_id=3111568#1

- Трамп обсудил с лидером Нигерии проблемы экономики и борьбы с терроризмом. Служба новостей «Голоса Америки», 30. 04. 2018. URL: www.golos-ameriki.ru/a/cn-us-nigeria/4370851.html
- Урнов А. Ю. Политика США в Африке на фоне президентских выборов 2012 года. URL: inafran.ru/sites/default/files/page_file/urnov_-_politika_ssha.pdf
- A review of Reagan at Reykjavik: Forty-Eight Hours That Ended the Cold War. The Reagan Vision. URL: www.thereaganvision.org/a-review-of-reagan-at-reykjavik-forty-eight-hours-that-ended-the-cold-war/
- Baker J. U.S. Foreign Policy Priorities and Fiscal Year 1991 Budget Request. Statement by Secretary of State. 1 Febr. 1990 // American Foreign Policy. Current Documents. 1990. U.S. By Ariel Cohen, Ph.D. and Helle C. Dale Russian Anti-Americanism: A Priority Target for U.S. Public Diplomacy. Fact Sheet: United States Africa Command. U.S. Africom Public Affairs Office. URL: www.africom.mil/getArticle.asp?art=1644&blog=all.
- Nicolas van de Valle. Obama and Africa. Foreign Affairs. September / October 2015. URL: www.foreignaffairs.com/articles/africa/obama-and-africa
- Security Council Resolution 794. О создании контингента ООН Unified Task Force (UNITAF) в Сомали (1992).
- Security Council Resolution 1973. О санкционировании военного вмешательства иностранных государств в гражданскую войну в Ливии (2011).
- Rosenfeld S. The Reagan Doctrine: The Guns of July. Foreign Affairs, Spring 1986. URL: www.foreignaffairs.org/19860301faessay7785/stephen-s-rosenfeld/the-reagan-doctrine-the-guns-of-july.html

ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ПО ВОПРОСАМ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РФ

В статье рассматриваются партнерские отношения России с зарубежными странами по вопросам Арктического региона РФ, которые выстраиваются на дружественной основе. Арктический регион имеет исключительно важное стратегическое значение для решения задач обороноспособности и безопасности государства. Проблема обеспечения устойчивости арктического развития, потребует решения широкого спектра вопросов, касающихся развития пространства доверительных отношений в Арктике, стимулирования государственно-частного партнерства, согласования направлений развития технологического обеспечения. Международное сотрудничество России с зарубежными странами в Арктике осуществляет по основным экономическо-технологическим направлениям.

Ключевые слова: Россия; Арктика; партнерские отношения; приоритетные задачи; Арктический регион; стратегические интересы; безопасность государства.

Yu. V. Sinchuk

Doctor of political Sciences, Professor Head of the Department of theory and history of international relations, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

RUSSIA'S PARTNERSHIP WITH FOREIGN COUNTRIES ON THE ARCTIC REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article looks at Russia's partnership relations with foreign countries on the issues of the Arctic region of the Russian Federation, which stand out on a friendly basis. They stand on a friendly basis. The Arctic region has an exceptionally important strategic importance for resolving the tasks of defense capability and state security. The problem of ensuring the sustainability of Arctic development will undoubtedly require resolving a wide range of issues related to the development of a space for trusting relations in the Arctic, stimulating public-private partnership, and coordinating the development of technological support. International cooperation of the Arctic region of Russia with foreign countries in the Arctic is carried out in the main economic and technological areas.

Key words: Russia; the Arctic; partnerships; priority tasks; the Arctic region; strategic interests; state security.

Арктика и прилегающие к ней территории на современном этапе являются одним из центров соприкосновения стратегических интересов крупнейших мировых держав. Усиливающееся внимание к арктическому макрорегиону обусловлено перспективностью разработки северных углеводородных месторождений, добычей морепродуктов, а также растущей потребностью в развитии международных морских перевозок. Арктика становится катализатором общегосударственного развития.

В современном мире Арктика как перспективный регион, у которого не определены точные границы, территория разделена на так называемые сектора ответственности, один из которых закреплён за РФ, является источником споров и конфликтов и объектом, объединяющим мировые державы, имеющие свои интересы в Арктическом регионе [Синчук, Слободчиков 2005]. Решение общих или спорных вопросов создает условия для сотрудничества и взаимопризнания. При этом Россия всегда открыта для переговоров и плодотворного сотрудничества по вопросам данного региона, что подтверждает факт ее участия в подобных конференциях.

В силу капиталоемкости и наукоемкости арктических проектов ни один из политических мировых игроков в этом регионе не в состоянии в полной мере осуществлять их самостоятельно. Масштабность возникающих задач, продиктованных спецификой Арктики, подчеркивает необходимость самого широкого международного сотрудничества.

Международное сотрудничество в Арктическом регионе развивается неравномерно, разнонаправлено, многоаспектно, пространство международного взаимодействия в Арктике существенно видоизменяется: реформируется состав участников Арктического совета, наиболее крупной организации арктической кооперации; создаются новые платформы для сотрудничества; продолжается сложная дипломатическая и политическая работа. Результатом стало создание в сентябре 2014 г. новой международной организации для развития экономической кооперации – Арктического экономического совета (Arctic Economic Council).

Участники Арктического экономического совета и арктические предприниматели и их ассоциации провозгласили главную задачу – создание платформы конструктивного диалога между правительствами стран-членов Арктического совета

и бизнес-сообществом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития арктического макрорегиона [Arctic Economic Council...]. Проблема обеспечения устойчивости арктического развития, безусловно, потребует решения широкого спектра вопросов, касающихся развития пространства доверительных отношений в Арктике, стимулирования государственно-частного партнерства, согласования направлений развития технологического обеспечения деятельности в Арктике.

Территория Арктики как объект взаимодействия политических, экономических и геополитических интересов развитых и развивающихся стран насыщен высокой интенсивностью кооперационных процессов в арктическом макрорегионе и весьма значительной конфликтогенностью [Синчук, Слободчиков 2005].

Международное сотрудничество России с зарубежными странами в Арктике осуществляется по основным экономическо-технологическим направлениям: разведка и разработка арктических углеводородных месторождений и минеральных ресурсов; транспортный потенциал Арктики и Северного Ледовитого океана; судостроение; осуществление проектов по развитию арктической инфраструктуры; добыча возобновляемых ресурсов (рыболовство, скотоводство); биоэкономика и биотехнологии; создание наукоемкого производства, развитие «умного» (интеллектуального) бизнеса (knowledge-based business), коммерциализация научных исследований Арктики; арктический туризм [Журавель, Синчук 2017].

Интенсивному экономическому развитию Арктики препятствуют: высокая капиталоемкость и невысокая инвестиционная привлекательность (абсолютное большинство проектов имеют длительный период окупаемости); неразвитость инфраструктуры; высокие риски различного характера; трудности правового регулирования экономической и иной деятельности в Арктике из-за особенностей национальных законодательств; дороговизна разведочных скважин (в 4–5 раза выше, чем в обычных условиях); хрупкость арктической экологии и, следовательно, высокие экологические стандарты; сложность политической обстановки в регионе [Медведев 2015].

Для преодоления сдерживающих факторов необходима комплексная работа по интеграции потенциала арктической науки, бизнеса и некоммерческого сектора регионов [Иванов 2017].

Международное сотрудничество арктических кластеров должно приводить к новой «умной специализации» регионов с учетом их конкурентных преимуществ. На Ямале сложился добывающий кластер; на Дальнем Востоке, в Ленинградской и Мурманской областях складывается судостроительный кластер; в Архангельске, помимо развития судостроения, планируется трансграничный туристический кластер [Синчук, Журавель 2017].

Приоритетные задачи Российской Федерации в Арктике заключаются в следующем: сохранение Арктики как территории диалога, недопущение политизации сотрудничества, обеспечение стабильности в регионе [Танайлов 2011].

Россия выступает против привнесения в Арктику элементов политики конфронтации и в дальнейшем намерена решительно противопоставлять таким попыткам линию на развитие в регионе широкого международного взаимодействия и диалога. Россия стремится к сохранению мира, стабильности и конструктивного сотрудничества в Арктическом регионе.

Практическая деятельность РФ в Арктике включает: вопросы укрепления международного взаимодействия в природоохранной сфере; развитие ответственной хозяйственной деятельности для обеспечения устойчивого развития Арктики; повышения качества жизни населения Крайнего Севера, в том числе и его коренных народов. В своей деятельности Россия заинтересована в росте экономической активности в регионе и реализации совместных с зарубежными партнерами проектов на территории Арктической зоны Российской Федерации.

Введение Западом санкций в отношении Российской Федерации внесло коррективы в российские планы по реализации совместных проектов, в том числе по освоению крупных арктических нефтегазовых месторождений. Однако в этих условиях открылись и дополнительные возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества в Арктике с нашими азиатскими партнерами, прежде всего с Китаем, Индией, Вьетнамом.

При этом, занимаясь развитием Арктики, освоением ее ресурсов, Россия не полагается исключительно на иностранное содействие. Использование и совершенствование отечественного потенциала, ускоренное развитие импортозамещения применительно к российским арктическим проектам.

Заинтересованность и решающая роль России в обеспечении стабильности развития Арктики в современных условиях может изменить ситуацию – возможна переориентация России на поиск иных партнеров (в связи со снижением доверия к Западу).

Российские аналитики считают, что у России есть возможность восстановления в полном объеме партнерства по линии Россия – Запад, связывая ситуацию с перспективой снижения рисков, усиления влияния новых геополитических игроков в Арктике. Но ряд исследователей акцентируют внимание на том, что у российско-китайского стратегического партнерства есть основания для сотрудничества на арктическом направлении. Китай не демонстрирует открыто свою заинтересованность в энергоресурсах Арктики и придерживается позиции, в рамках которой официальный акцент сконцентрирован на научных интересах. Интересы Китая в Арктическом регионе и сближение его в этих вопросах с Россией рассматриваются в качестве потенциально значимой точки роста геополитической конкуренции, прежде всего для стран Северной Европы.

Стратегические интересы Китая и России в построении многополярного мира в принципе совпадают или близки по геоэкономическому, геополитическому, ресурсно-экономическому и культурно-цивилизационному аспектам. В условиях, когда КНР, как и Россия, выступает за равноправное и многополярное мироустройство, в котором бы доминировал баланс сил и интересов, Россия может использовать конструктивный потенциал российско-китайского стратегического партнерства на арктическом направлении.

Арктический бассейн и, прежде всего, Северный морской путь представляет собой кратчайшую коммуникацию как связующее звено, соединяющее Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, значимость которого всё более возрастает.

Арктика – зона общей ответственности приарктических государств. Сотрудничество между государствами в сфере экологии, судоходства, рыболовства является неизбежной необходимостью. Морские транспортные пути в Арктике, в частности Северный морской путь, проходящий вдоль северного побережья России, и Северо-Западный проход, который находится к северу от американского континента, пролегая через ряд канадских островов, связывают несколько стран. Самой значительной протяженностью береговой линии в Арктике обладают Россия и Канада.

Канадский вектор арктической геополитики России предполагает нейтрализацию конфликтогенного потенциала в российско-канадских отношениях, укрепление механизмов двустороннего и многостороннего, внеблокового сотрудничества в Арктике [Нурьшев 2014].

Объективно сближает позиции России и Канады в Арктическом регионе то, что арктическая стратегия обеих стран сохраняет в большей мере скорее внутреннюю, чем внешнюю направленность. Арктическая политика Канады ориентирована на комплексное освоение региона, ее ключевые приоритеты определяются сферой обеспечения устойчивого социально-экономического и экологического развития своих северных территорий, которые в этом отношении освоены в относительно меньшей степени, чем Арктическая зона Российской Федерации.

Вместе с тем угрозы международного терроризма, в частности, морского терроризма, связанные с рисками транспортировки оружия массового поражения, различных взрывчатых веществ и оружия путем морских перевозок, вынуждают США оценивать транспортную систему Арктики не только через призму традиционного подхода об исключительности американских национальных интересов [Синчук 2005].

В этом контексте окончательное признание США суверенитета Канады над Северо-Западным проходом представляется с точки зрения обеспечения безопасности взаимовыгодным обоим государствам, так как Канада смогла бы более жестко отслеживать перемещение грузов и людей в регионе.

В отношении Северного морского пути и России ситуация идентична. Интернационализация российского арктического морского пути также приведет к росту угроз безопасности и рисков, что невыгодно ни США, ни России.

Соответственно, несмотря на заявления о поддержке международного режима северных проходов, в действительности США занимают несколько более сдержанную позицию, поддерживая скорее региональный режим координации в отношении Северного морского пути и Северо-Западного прохода.

Партнерские отношения России с зарубежными странами по вопросам Арктического региона РФ выстраиваются на дружественной основе. У России нет территориальных споров в Арктике. Практически все разведанные морские запасы углеводородов

Арктики расположены в пределах исключительных экономических зон и континентального шельфа прибрежных арктических государств, которые в соответствии со своим национальным законодательством и определяют порядок их освоения. Их суверенные права на разработку этих месторождений никем в мире не оспариваются [Барбин 2015], отметил Президент РФ В. В. Путин, отвечая на вопросы журналистов.

Морские пространства с соседями – Норвегией и США – разграничены на основе двусторонних соглашений, и линия разграничения на межгосударственном уровне не оспаривается. Эффективным являются двустороннее и региональное сотрудничество по управлению морскими биологическими ресурсами Арктики.

Вопрос о перспективах рыболовства в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана обсуждался в июле 2015 г. в Осло в формате арктической «пятерки» (Россия, США, Канада, Дания и Норвегия). Подписана Декларация о предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана. К этим договоренностям могут присоединиться и другие заинтересованные государства.

В современных условиях существуют заявки прибрежных арктических государств на расширение внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, поэтому имеются частичные «наложения» друг на друга. В случае подтверждения Комиссией по границам континентального шельфа обоснованности поданных заявок «накладывающиеся» участки континентального шельфа в Арктике разграничиваются в двустороннем порядке путем переговоров и на основе международного права. Алгоритм действий подтвержден в 2008 г. в ходе встречи министров иностранных дел арктической «пятерки» в г. Илулиссате (Гренландия, Дания) и зафиксирован в Илулиссатской декларации. Актуальность положений этого документа и в настоящее время подтверждается всеми его участниками [Барбин 2015].

Международное право в Арктике обеспечивает Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., которая ясно определяет права как прибрежных арктических, так и других государств. Это исключает возможность конфликта из-за доступа к минеральным или водным биологическим ресурсам.

Но при этом остается актуальной тот факт, что в последние годы, ведущие страны НАТО, и прежде всего США, заметно активизировали усилия по наращиванию своего политического, военного и экономического присутствия в российском секторе Арктики; мощные промышленные международные корпорации мечтают взять под свой контроль сырьевые ресурсы России в арктических районах. По оценкам экспертов Запада и ООН, стоимость всех запасов основных видов полезных ископаемых России составляет 28 трлн дол. (в США, к примеру, только 8 трлн), из них на Север приходится около 80 %, а также почти 100 % разведанных у нас запасов никеля, кобальта, олова и редкоземельных элементов.

США и ведущие страны НАТО для усиления своего влияния в Арктике основной упор делают на увеличение полномочий уже имеющихся международных арктических организаций и комитетов и создание новых, проведение широкомасштабных фундаментальных и военно-прикладных исследований в Арктике, расширение изучаемых районов с включением в них исключительной экономической зоны России [Синчук, Синчук 2016]. Всё это – следствие изменившейся не в пользу России геополитической обстановки, расширения НАТО на Восток, формирования однополюсного мира с новой системой международных отношений.

По мнению западных экспертов, господство в Арктике – необходимое условие обеспечения глобальных стратегических интересов Запада. Поэтому настойчиво и методично пытаются вытеснить Россию не только из Арктики, но и из исторически принадлежащего ей сектора. Проблема Арктики – не просто проблема территориальная. Она имеет военно-политический, экономический, правовой аспекты и в целом является проблемой государственной и национальной безопасности РФ.

Рост внимания к Арктике позволяет активизировать деятельность в Арктической зоне РФ, обеспечивать эффективную реализацию задач по ее развитию, расширять арктическое партнерское сотрудничество.

Государственная политика Российской Федерации в Арктике отличается целенаправленными и скоординированными действиями. Федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций

в соответствии с их полномочиями и сферами деятельности на принципах государственно-частного партнерства, а также в рамках сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями обеспечивают и активизируют государственную арктическую политику в России.

Стратегия развития Арктического региона РФ требует формирования и активизации единой целостной государственной арктической политики в России, направленной на создание условий для устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны РФ, выравнивание региональных и отраслевых диспропорций, создание системы государственной поддержки арктических регионов, формирование новых, адаптированных к современным реалиям институтов и механизмов развития российской Арктики. Государственная арктическая политика, учитывающая особенности развития арктических территорий, направлена на обеспечение устойчивого развития этого макрорегиона, на реализацию национальных интересов России в Арктике. Устойчивый рост социально-экономического развития Арктической зоны РФ зависит от уровня развития человеческого потенциала и интеллектуального капитала.

Северный морской путь из Европы в Азию – один из ключевых торговых маршрутов глобального значения и масштаба, развитие которого взаимосвязано с комплексным развитием Арктического региона РФ в целом. Северный морской путь – инструмент сохранения территориальной целостности России и обеспечения единства экономического пространства и экономической и военной безопасности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барбин В.* Арктика требует серьезного отношения и межгосударственного взаимодействия. 25. 11. 2015. URL: www.arctic-info.ru.
- Журавель В. П., Синчук Ю. В.* Силовые структуры России в Арктике: состояние и перспективы развития // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сб. избран. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Архангельск : КИРА, 2017. С. 33–37.
- Иванов Г. В.* Геополитическое значение Северного морского пути в эпоху глобального развития // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сб. избран. тр. по материалам

- Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Архангельск : КИРА, 2017. С. 9–13.
- Медведев Д. А. Международное экономическое сотрудничество в Арктике // Арктический экономический совет. Сер. «Проблемы безопасности в Арктике». М. : Наука, 2015. URL: csef.ru.
- Нуршиев Г. Н. Арктическая геополитика России и Канады // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 2 (6). С. 4–8.
- Политические учения XX–XXI вв. / В. Г. Егоров [и др.]. М. : ИИУ МГОУ, 2015. 284 с.
- Синчук Ю. В. Национальная безопасность Российской Федерации: аксиологический подход // Глобализация и национальные интересы России: сб. научн. стат. Уфа : Восточный университет, 2005. С. 276–282.
- Синчук Ю. В., Журавель В. П. Арктика: НАТО contra Россия // Геополитика и безопасность. 2017. № 3 (39). С. 113–121.
- Синчук Ю. В., Потапов А. С., Белозёров В. К. Конфликтология: теория и практика. Ч. 1. Научно-теоретическая база конфликтологии. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 55–61.
- Синчук Ю. В., Синчук И. Ю. К вопросу об укреплении национальной безопасности государства в контексте «мягкой силы» // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 245–270.
- Синчук Ю. В., Слоботчиков О. Н. Политология: учеб. пособие. Н-Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2005. 505 с.
- Танайлов С. В. Геополитика и энергетическая безопасность // Вестник МГОУ. 2011. № 2. С. 182–190. (Сер. История и политические науки.)
- Arctic Economic Council established // Press release. 10.09.2014. The Norway Embassy in Canada Arctic Economic Council established // Press release. 10.09.2014. The Norway Embassy in Canada (URL www.emb-norway.ca/norway) and Canada–News–Arctic-Economic Council-established. VSGS–Hd6Sp.

УДК 327.8

Джамель Бен Аммар

аспирант, Российский университет дружбы народов;
e-mail: djomaman87@gmail.com

РОЛЬ АЛЖИРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В статье анализируется региональная политика Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР), направленная на стабилизацию и обеспечение безопасности Северной Африки. Имея общие границы с нестабильными странами мира – Ливией, Мали, Нигером и Чадом, Алжир находится под прямой угрозой проникновения боевиков и эскалации ситуации. Алжир является крупнейшей страной Магриба и обладает выгодным географическим положением, благоприятными демографическими показателями, нефтяными богатствами и современным опытом обеспечения безопасности. Явным преимуществом данной арабской страны являются также энергетические ресурсы, так как Алжир – один из ключевых поставщиков нефти и газа в страны Западной Европы. Алжир позиционирует себя в качестве потенциального регионально-го лидера в урегулировании конфликтов и в устранении угроз, существующих в Северной Африке. В последние годы данный регион находится в эпицентре революционных событий, борьбы с терроризмом, вооруженных конфликтов. Соседние страны, и прежде всего Ливия, становятся убежищем для террористических групп, они осуществляют свою деятельность также в периферийных приграничных районах, таких как Синайский полуостров в Египте и Сахель. На возможность Алжира стать неоспоримым региональным лидером и гарантом безопасности бросает тень неопределенность в собственной внутренней политике. Состояние здоровья президента Абдельазиза Бутефлика наводит на сомнения по поводу стабильного будущего Алжира. Вопрос преемственности может привести к расколу в правящей элите и среди населения. Автор приходит к выводу, что Алжир имеет в будущем шансы стать региональным лидером, если ему удастся преодолеть существующие в регионе угрозы и справиться с внутренними вызовами.

Ключевые слова: Алжир; Северная Африка; террористическая угроза; международное сотрудничество; региональное лидерство; экстремизм; безопасность.

Djamel Ben Ammar

postgraduate student, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: djomaman87@gmail.com

THE ROLE OF ALGERIA IN ENSURING THE SECURITY OF NORTH AFRICA

The article examines the regional policy of the Algerian people's Democratic Republic (ALGERIA), aimed at stabilizing and ensuring the security of North Africa. With common borders with some of the world's most unstable countries – Libya, Mali, Niger and Chad-Algeria is under direct threat of infiltration and escalation. Algeria is the largest country in the Arab Maghreb and has such resources as a geographically advantageous position, favourable demographic indicators, oil wealth and a modern and experienced security sector. A clear advantage of this Arab country is also energy resources, as Algeria is one of the key suppliers of oil and gas to Western Europe. Algeria has positioned itself as a potential regional leader in the resolution of conflicts and in addressing the threats that exist in North Africa. In recent years, the region has been at the epicenter of revolutionary events, the struggle against terrorism and armed conflicts. Neighbouring countries, especially Libya, are becoming a haven for terrorist groups, and they are also operating in peripheral border areas, such as the Sinai Peninsula in Egypt and the Sahel. The possibility of Algeria to become the indisputable regional leader and a guarantor of security casts a shadow of uncertainty in their own internal politics. The health of President Abdelaziz Bouteflika raises doubts about Algeria's stable future. The issue of continuity can lead to a split in the ruling elite and in the ranks of the people. The author comes to the conclusion that Algeria has a chance to become a regional leader in the future, if it manages to overcome the existing threats in the region and cope with internal challenges.

Key words: Algeria; North Africa; terrorist threat; international cooperation; regional leadership; extremism; security.

На протяжении последних лет политические волнения, охватившие весь регион Ближнего Востока и Северной Африки выдвинули на первый план вопрос обеспечения безопасности и стабильности стран данного региона. Сложные и взаимосвязанные причины дестабилизации ситуации в соседних странах выводят локальные проблемы каждой страны на региональный, а часто и на глобальный уровень. Следовательно, борьба за устранение возникающих угроз становится общей для всего региона.

Исследуя проблему стабильности в Северной Африке, стоит отметить, что безопасность состоит не только из военного аспекта, но включает в себя также культурную, социальную, экономическую безопасность стран региона. Однако в связи с эскалацией вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке за последние годы террористические атаки, насилие, похищение людей, торговля оружием и нелегальный оборот наркотиков стали

основными проблемами, которые имеют также негативное влияние на культурные, социальные и экономические аспекты безопасности.

В связи с этим Алжир, который является крупнейшей страной Магриба и обладает такими ресурсами, как географически выгодное положение, благоприятные демографические показатели, нефтяные богатства и современный опыт обеспечения безопасности рассматривается в качестве потенциального лидера в урегулировании конфликтов и в устранении угроз, существующих в регионе. Страна располагается в самом сердце Магриба, она также находится в географической близости со странами Европейского союза, что во многом влияет на внешнеполитические и экономические связи. С другой стороны, население Алжира состоит преимущественно из молодежи, возраст которой менее 30 лет (67 %) [Население Алжира... 2018]. Явным преимуществом данной арабской страны являются также энергетические ресурсы, так как Алжир – один из ключевых поставщиков нефти и газа в страны Западной Европы. Доходы от энергоресурсов позволили стране закрыть весь внешний долг, а также обеспечить дальнейшее экономическое развитие. Следующим преимуществом Алжира по сравнению с остальными странами Северной Африки является сильная и современная армия. Опираясь на поддержку СССР, в 1980-х гг. руководству Алжира удалось создать одну из самых мощных и боеспособных армий региона. Однако за последние годы Алжир стал тесно сотрудничать также с Западом в целях модернизации своих вооруженных сил.

Согласно отчету SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute) за 2014 г., Алжир стал первой страной на континенте, военные расходы которой превысили 10 млрд долл. США. По сравнению с 2004 г. этот показатель увеличился на 176 % [Жерлицына 2015]. Алжир активно развивает оборонное производство в сотрудничестве с иностранными компаниями, прикладывает значительные усилия для повышения уровня подготовки военных кадров. Многолетний опыт борьбы с терроризмом позволил руководству страны провести работу над ошибками и усовершенствовать вооруженные силы [Dalia Ghanem-Yazbeck 2015].

По ряду причин Северная Африка стала плодородной средой для деятельности террористических движений. Сложная сетевая

структура экстремистских объединений и групп создает серьезные проблемы в борьбе с ними. Попытки некоторых стран искоренить террористические движения только на своих территориях не приносят желаемого результата, так как географические особенности региона играют на руку экстремистам. Дело в том, что многокилометровые границы и огромные свободно управляемые или неуправляемые пустынные пространства становятся убежищем для террористических групп, прежде всего в раздираемой конфликтами Ливии, а также в периферийных приграничных районах, таких как Синайский полуостров в Египте и Сахель [Жерлицына 2018]. Социально-экономические претензии к властям и обостренное восприятие социальной несправедливости подталкивают местную молодежь на вступление в экстремистские группировки. Многие молодые люди, которые надеялись на перемены после восстаний «арабской весны» 2011 г., столкнулись с разочарованием, что еще больше углубило молодежное негодование и гнев. Соединение этих факторов приводит к дестабилизации в регионе Северной Африки, которая требует внимания всех региональных сил [Security in the Maghreb 2017].

Хотя правительства стран Магриба в значительной степени полагаются на силовые подходы к борьбе с терроризмом, они также применяют невоенные средства борьбы с экстремизмом. «Алжирский устав за мир и национальное примирение» является важным примером тому. В соответствии с уставом, власти предложили амнистию членам боевых группировок при условии сложения оружия. Хотя многие радикальные деятели приняли условие и были освобождены, были также те, кто отказался прекращать экстремистскую деятельность. Речь идет о «Салафистской группе призыва и борьбы» [Algeria: The Charter... 2006].

В своем внешнеполитическом курсе по отношению к остальным странам региона Алжир за последние годы активно способствует диалогу, как лучшему средству для разрешения кризисных ситуаций в соседних странах. Этот курс, в свою очередь, имеет положительное влияние на внутреннюю стабильность Алжира. Имея общие границы с некоторыми из самых нестабильных стран мира – Ливией, Мали, Нигером и Чадом, Алжир находится под прямой угрозой проникновения боевиков и обострения ситуации.

В 1990-х гг. Алжир пережил гражданскую войну, которая известна под названием «черное десятилетие» – период войны против

экстремизма. В связи с этим страна выпала из участия в региональной политике, занимаясь решением внутренних проблем. После продолжительной борьбы с терроризмом и, в частности, событий 11 сентября 2001 г. в США, Алжир стал позиционировать себя в качестве активного и авторитетного регионального игрока в борьбе против экстремизма. Так, по инициативе алжирской стороны были созданы проекты контртеррористического сотрудничества на дипломатическом и военном уровне. Алжир разработал план координации действий с Тунисом. Комитет военного сотрудничества, который был создан в рамках данного проекта, стал инструментом передачи информации и данных разведки о передвижениях экстремистских вооруженных группировок и преступных объединений. Также Комитет по координации сотрудничества (СЕМОС) согласовывает операции по борьбе с терроризмом между Алжиром, Мавританией, Мали и Нигером, поскольку озабоченность по поводу деятельности джихадистов в регионе обострилась в конце 2000 г. С другой стороны, негативно повлияла на действия Алжира политическая нестабильность в Ливии, которая оставила алжирские и тунисские антитеррористические институты без жизнеспособных партнеров в области безопасности в Триполи, поскольку прежде были проведены работы по координированию усилий по обеспечению безопасности границ между этими тремя странами. Кризис с захватом террористами заложников в алжирском городе Аменасе в 2013 г. стал поворотным моментом и быстро привел к смещению акцентов в алжирской политике безопасности. Алжирские лидеры сосредоточили свое внимание на укреплении режима внутренней безопасности страны и на совершенствовании двусторонних мер безопасности с соседними странами, например, такими как Тунис, чтобы остановить рост трансграничной деятельности экстремистских групп.

Начиная с 2011 г., в связи с потрясениями охватившими регион в ходе «арабской весны», Алжир играет важнейшую роль в стабилизации в трех соседних странах. Что касается кризиса в Ливии, то Алжир активно поддержал переговоры и все инициативы ООН, он также предпринял свои шаги для примирения воюющих группировок. В случае Туниса Алжир занял позицию сторонника консенсуса между исламистами и секуляристами, что положило начало стабильности в этой стране, начиная с 2014 г. Что касается

ситуации в Мали, то Алжир провел и поддержал переговоры между правительством и северными повстанцами для установления мира и предотвращения сепаратизма [Algeria and Its Neighbours... 2015]. Особо стоит остановиться на отношениях Алжира с Марокко. Конкуренция за региональное лидерство, а также противоречия между странами в связи с их позицией по вопросу Западной Сахары стали основными причинами, по которым отношения между ними на сегодняшний день находятся в фактически замороженном состоянии. С 2010 по 2017 гг. не состоялось ни одной двухсторонней встречи между странами [Nasser Bourita 2017].

Тем не менее на возможность Алжира стать неоспоримым региональным лидером и гарантом безопасности негативно влияет неопределенность в собственной внутренней политике. Так, состояние здоровья президента Абдельазиза Бутефлика наводит на сомнения по поводу стабильного будущего Алжира. Вопрос преемственности может привести к расколу в правящей элите и среди населения.

Таким образом, Алжир обладает большим потенциалом в регионе. Однако внутренняя конкуренция за лидерство среди государств Северной Африки, нерешенные территориальные претензии между Алжиром и Марокко, с одной стороны, и слабые политические режимы Туниса и Ливии – с другой, не позволяют объединить силы вокруг Алжира и проводить эффективное сотрудничество по устранению угроз безопасности данного региона. Учитывая ограниченное число игроков, желающих и способных взять на себя роль конструктивного игрока в регионе Северной Африки, стоит отметить, что усилия Алжира имеют позитивные перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М.* Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 273 с.
- Жерлицына Н. А.* Стратегическое партнерство России и Алжира в условиях кризиса: потенциал и вызовы // Вестник университета (Государственный университет управления). М.: ФГБОУ «Государственный университет управления», 2015. № 8. С. 24–32.
- Население Алжира в 2018 г. Население мира. URL: www.countrymeters.info/ru/ALGERIA

- Algeria and Its Neighbours. Report 164 / Middle East & North Africa 13 October 2015. URL: www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/algeria/algeria-and-its-neighbours
- Algeria: The Charter for Peace and National Reconciliation and the evolution of the violence in Algeria // The UN refugee agency UNHCR. 24 October 2006. URL: www.refworld.org/docid/46fb72f6a.html
- Dalia Ghanem-Yazbeck*. Algeria, the Sleeping Giant of North Africa // Carnegie Middle East Center, November 04, 2015 URL: www.carnegie-mec.org/2015/11/04/algeria-sleeping-giant-of-north-africa-pub-61875
- Nasser Bourita*. Les relations entre le Maroc et l'Algérie sont « au point mort à tous les niveaux » // Jeune Afrique. 28 août 2017. URL: www.bladi.net/nasser-bourita-relations-maroc-algerie,49367.html
- Security in the Maghreb: Identifying Threats, Assessing Strategies, and Defining Success // CSIS Headquarters Conference Report . December 4, 2017. URL: www.csis.org/events/security-maghreb-identifying-threats-assessing-strategies-and-defining-success

УДК 93.94

В. В. Корнеев

кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой исторических наук МГЛУ; e-mail: vvkorni86@bk.ru

**ПРОДАЖА АЛЯСКИ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ ИМПЕРИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

В статье рассматривается факт продажи Аляски с позиции результативности российской политики на национальных окраинах. Анализируются последствия присоединения к Российской империи Финляндии, Польши, Бессарабии, Закавказья, Казахстана и Средней Азии. На основе статистических данных, характеризующих итоги управления российской администрацией Туркестанского края, обосновывается вывод о прагматичном решении царской власти об уступке Русской Америки США в 1867 г.

Ключевые слова: национальные окраины; Туркестанский край; присоединение Средней Азии; продажа Аляски.

V. V. Korneev

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Head of the Department of Historical Sciences in Moscow State Linguistic University (MSLU); e-mail: vvkorni86@bk.ru

**THE ALASKA PURCHASE FROM THE RETROSPECTIVE
OF RUSSIAN POLITICS ON NATIONAL EMPIRE OUTSKIRTS
in XIX – early XX cent.**

The article shows the fact of the Alaska purchase from the standpoint of Russian politics effectiveness on national outskirts. The author analyzes consequences of the adherence of Finland, Poland, Bessarabia, South Caucasus, Kazakhstan and Central Asia to the Russian Empire. Based on statistics, characterizing the result of Turkestan control by Russian administration, the conclusion about the throne's pragmatic decision about transfer Russian America to United States in 1867 are substantiating.

Key words: national outskirts; Turkestan; Central Asia nationalization; The Alaska Purchase.

Научные исследования в области изучения Русской Америки пробудили определенный интерес общественности к территориям, некогда принадлежавших Российской империи. При этом осложнение отношений Москвы и Вашингтона стало поводом

для некоторых СМИ будировать перед общественностью в теле- и радиопередачах тему возвращения Аляски России. Как следствие, появились утверждения о «незаконности» и «ошибочности» решения царского правительства в отношении Русской Америки. Подобные взгляды нашли отражение и в исторической литературе [Болховитинов 1998; Булатов 2017].

В настоящей статье предпринята попытка осмыслить факт продажи русских территорий в Северной Америке в контексте национальных и стратегических интересов России. Главным, на наш взгляд, является вопрос о степени соответствия национальным интересам России решения Александра II о продаже данной «заморской территории».

Как известно, с начала XIX в. произошла активизация российской внешней политики на ряде направлений: западном, южном и восточном. В результате, в состав России вошли Финляндия, Польша, Бессарабия. Чуть позже начинается завоевание Северного Кавказа, следствием чего является продвижение России в Закавказье. Крымская война отодвинула на некоторое время экспансионистские планы царского правительства, но в 1840–1850-х гг. началось постепенное движение России в Казахстан и Среднюю Азию, которые окончательно вошли в состав империи во второй половине XIX столетия.

Все вышеперечисленные территории граничили с землями России и их завоевание обуславливалось геополитическим соперничеством России с Швецией и Францией, Англией, Турцией и Персией. Присоединение Финляндии, Польши, Бессарабии, Закавказья, Казахстана и Средней Азии к России мотивировалось прежде всего военно-политическими причинами, а также экономической и конфессиональной политикой Петербурга. Возникает, однако, вопрос: насколько удалось решить поставленные внешнеполитические задачи включением данных территорий в состав Российской империи?

Присоединение Польши и Финляндии лишило потенциальных агрессоров с Запада удобного плацдарма нападения на Россию. В большей степени это касалось Польши; территория бывшего герцогства Варшавского стала в свое время удобной базой для подготовки нападения Наполеона Бонапарта на Россию. В тоже время с включением данных земель в состав России в империи усилилось

социальное брожение в первую очередь в среде формирующейся интеллигенции, ибо, например, польское население не смирилось с потерей государственности и в лице своих революционных элементов повело борьбу за освобождение страны. Как известно, восстания в Царстве Польском (1830, 1861, 1863) были весьма болезненными для России, вызвали необходимость использования там вооруженных сил. Относительная же стабилизация внутреннего положения в Финляндии обеспечивалась до поры до времени широкой автономией данного княжества. Тем не менее в конце XIX в. Николай II ликвидировал автономию Финляндии, что, в свою очередь, вызвало взрыв протестных настроений в этом крае.

Очевидно, что присоединение Закавказья, затем Казахстана и Средней Азии обусловило длительное противоборство России и Турции, России и Британской империи. Только в начале XX в. из-за нарастания противоречий между Англией и Германией началось сближение Петербурга и Лондона. В то же время Османская империя оставалась главным соперником России на Ближнем Востоке. В целом непредвзятый исторический анализ показывает, что все территориальные приобретения России в XIX столетии вряд ли укрепили безопасность империи. Напротив, они способствовали периодическому нарастанию напряженности в отношениях Российского государства с ведущими западными и восточными державами, а также обострению внутри империи так называемого национального вопроса.

Среди других, осязаемых доводов в пользу включения той или иной территории в состав России, чаще назывались экономические причины. Царские сановники обуславливали присоединение той или иной территории потенциальной торговой либо промышленной выгодой для империи. К примеру, в отношении Закавказья подобного взгляда придерживался министр финансов Е. Ф. Канкрин. В записке от 8 апреля 1827 г. Канкрин прямо называл Закавказский край колонией России, которая, на его взгляд, «...должна приносить государству весьма важные выгоды произведений южных климатов» [цит. по: Киняпина 1983, с. 39]. Аналогично рассуждали царские сановники и в отношении других земель, и, в частности, оренбургские генерал-губернаторы П. П. Сухтелен и В. А. Перовский, в чье ведение входили территории, населенные казахами [Костенко 1871, с. 164]. Русские владения в Америке

прямо именовались представителями власти «колониальными»¹ и оценивались по той выгоде, которую они приносят казне и акционерам Российско-американской компании (РАК). Однако на деле финансовая сторона завоеваний оставалась одним из самых уязвимых мест российской политики на окраинах. В частности, не являлось благополучным финансовое положение РАК и это при условии монопольных прав и привилегий на производство пушнины и ведение торговли в крае, а также постоянных государственных субсидий. К моменту ликвидации долги РАК, подлежащие немедленной уплате, составляли 1 127 670 руб., а убытки – более 1 млн руб. серебром [История Русской Америки 1999, с. 434, 475]. Академик Н. Н. Болховитинов в заключение своего фундаментального труда характеризовал положение РАК в 1860-е гг. «трудным, но не критическим», здесь же упомянув об очередном решении правительства о субсидии компании [История Русской Америки 1999, с. 490]. На наш взгляд, при общем положении дел в самодержавной России подобные «трудности» приобрели перманентный характер и жилились в первую очередь на плечи подданных империи.

Сказанное можно проиллюстрировать результатами управления российской администрацией такой национальной окраиной как Средняя Азия. В 1867 г. на завоеванных у Кокандского и Бухарского ханств землях указом Александра II было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Предполагалось, что Туркестанский край сможет удовлетворить потребности российской текстильной промышленности прежде всего в хлопке и шелке. В свою очередь, среднеазиатский рынок станет местом сбыта изделий русской фабричной промышленности. Всё это, по мнению местных военных начальников, впоследствии компенсирует затраты империи на присоединение края. Поначалу, так вроде и получалось. Во всяком случае, первый генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман в конце декабря 1868 г., через полтора года после присоединения

¹ Речь идет о территориях Российской империи, имеющих иной правовой статус, по сравнению с основной территорией страны, а не отдельных поселений колонистов. Несмотря на некий моветон в использовании данного слова в официальной лексике, данное понятие широко использовалось в записках, донесениях царствующих особ и правительствующих чиновников России в XIX в.

края, представил записку, в которой привел государственные доходы и расходы России при присоединении края. По смете на 1868 г. расходы на управление составили 634 тыс. руб., а доходы – свыше 1 млн рублей. Правда, военные экспедиции с 1864 по 1868 гг. потребовали 924 тыс. руб., из которых, по мнению генерал-губернатора, 500 тыс. руб. спишутся за счет контрибуции с ханств¹. Из записки К. П. Кауфмана выходило, что государственная казна не понесет убытков, и даже более того, может получить значительный доход в связи с присоединениями новых территорий. Однако с 1870-х гг., в период либерализации общественного строя, в российской прессе стали появляться публикации, в которых авторы констатировали убыточность для России Туркестанского края. Вероятно, именно поэтому Военное министерство обратило внимание на финансовую сторону завоеваний. В 1879 г. Начальник Азиатской части Главного штаба А. Н. Куропаткин представил руководству смету доходов и расходов по азиатским военным округам (Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Туркестанский) за 1878 г. Исчисления производились по 27 сметам министерств и ведомств, в том числе военного, внутренних дел, путей сообщения, почтово-телеграфного, Священного синода, Государственного контроля, Гражданского управления Закавказского края и т. п. Практически по всем ведомствам расходы превзошли доходную часть бюджета. К примеру, отнюдь не «бестелесными», а вполне осязаемыми, материальными, оказались финансовые расходы Священного синода на общую сумму 1 387 536 руб., при доходах в размере 22 510 руб.² В целом же выяснилось, что из пяти азиатских военных округов не имеют бюджетного дефицита Оренбургский (профицит 2 886 961 руб.) и Западно-Сибирский (профицит 3 639 109 руб.) военные округа. В то же время Кавказский, Восточно-Сибирский и Туркестанский военные округа имеют в совокупности дефицит в размере 32 733 682 рубл.³, что в пять раз (!) превышало доходы других азиатских округов. Как видно, убыточными для казны

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 154, оп. 1, д. 112, л. 1–8.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 165, оп. 1, д. 247, лл. 1–43.

³ Там же.

стали именно «новые территории», которые, как предполагалось ранее, должны были приносить России несметные богатства.

Проецируя данную ситуацию на владения России в Русской Америке, нельзя не заметить сходства между собой всех азиатских окраин России. В первую очередь это значительно низкий, по сравнению с центром, уровень развития экономики и культурная отсталость коренных народов. Во-вторых, малочисленность находящегося там русского населения, не способного по этой причине стать основой для тесной интеграции азиатских окраин с Россией. В-третьих, значительная удаленность присоединенных земель от основных транспортных потоков и центральных регионов империи. Положение Аляски, в данном отношении, было наиболее характерным. Местное коренное население (тлинкиты, алеуты) в формационном плане находилось на стадии родоплеменного строя, с соответствующим данной стадии культурного развития хозяйственно-экономическим укладом. В процессе исторического «жития» в составе Российской империи они стали, по сути, крепостными Российско-американской компании. Русское население американских колоний не превышало в разное время 600–800 чел. [История Русской Америки 1999], говорить об их серьезном влиянии на местное население вряд ли возможно. Показательно заключение исследователя А. В. Гринева, что тлинкиты, в частности, не считали себя подданными Российской империи, рассматривая русских как «пришельцев», а не соотечественников, и «тем более как хозяев земли» [История Русской Америки 1999, с. 405]. Что касается удаленности данных владений, то даже до дальневосточных рубежей России добраться тогда было сложно, если учесть, что строительство Транссибирской магистрали началось только в 1890-х гг. Что касается русских поселений Аляски, то они фактически существовали в полуавтономном режиме, отделенные от метрополии океаном.

В целом, данные обстоятельства обусловили большую затратность для России ее азиатских владений. Содержание администрации, войск, почтово-телеграфной связи и путей сообщения, необходимость подъема экономического и культурного уровня народов завоеванных территорий – всё вышеперечисленное легло на бюджет Российского государства. Например, по данным Туркестанской Контрольной палаты, с 1869 по 1905 гг. расходы

генерал-губернаторства превысили доходы края на астрономическую сумму в 160 218 993 рубля [Подсчитано по: Записка главноуправляющего..., с. 85–87]. Иначе говоря, Туркестанский край оставался дотационным и убыточным для России регионом целых 36 лет после его присоединения! Конечно, не все историки разделяют подобную точку зрения. Т. В. Котюкова, один из ведущих современных исследователей региона в «царский» период, полагает, что если посчитать в денежном выражении все выгоды от присоединения Средней Азии, то окажется, что край принес империи даже некоторый доход [Котюкова 2011]. Однако и она не отрицает некоторой проблемности данного явления. Управление краем и его освоение потребовало значительных финансовых, материальных и людских затрат, которые с пользой могли быть затрачены на повышение благосостояния народов коренной России.

Поэтому, нам представляется, что мнение об ошибочности и незаконности передачи США в 1867 г. Аляски имеет под собой вес только в том случае, если не принимать во внимание итогов российской политики на других окраинах [Булатов 2017]. При всей секретности акта продажи Аляски, чего не могло не быть в условиях самодержавного строя, а также дешевизне «товара», «странностях» поведения российского посланника в Вашингтоне Э. А. Стекля и др., решение об уступке владений США имело прагматический характер. Уступка Аляски предотвратила возможные в будущем политические осложнения Петербурга с Вашингтоном, прекратила изъятие из российского бюджета многочисленных ассигнований в пользу РАК и даже способствовала развитию железнодорожного строительства в стране [Петров, Савельев 2017]. Представляется, что подобное решение отвечало национальным и стратегическим интересам России, на которое в немалой степени, видимо, повлияли неутешительные итоги управления другими окраинами империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болховитинов Н. Н.* Еще раз о продаже Аляски // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 10. С. 94–103.
- Булатов Ю. А.* Беседы о русской национальной политике. 2-е изд., доп. М. : Молодая гвардия, 2017. 312 с.

- Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Полтава, 1912. 87 с.
- История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. III. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1999. 560 с., ил.
- Киняпина Н. С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.
- Костенко Л. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1871. [4], XIV, 358, [39] с., 1 л. карт.
- Котюкова Т. В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 98–126.
- Петров А., Савельев И.* Как продавали Аляску // Родина. 2017. № 4. С. 104–107.

УДК 327

Э. Кулаи, М. Тишейар

Элахе Кулаи, профессор региональных исследований
Тегеранского университета; e-mail: ekolaee@ut.ac.ir

Мандана Тишейар, член научного совета Высшей школы Эко;
Университет им. Алламе Табатабаи; e-mail: mandana.tishehyar@gmail.com

ОБЗОР ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ИРАНОМ И РОССИЕЙ В ЕВРАЗИИ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ НЕОРЕГИОНАЛИЗМА

Создается впечатление, что в эпоху глобализации, в самом сердце региональной конвергенции заложено противоречие. Вместе с тем факт, что в прошлые десятилетия политические акторы одновременно с принятием некоторых образцов глобализации и способов существования на международной арене сделали попытку переопределения своих интересов и идентификации в региональных рамках.

В данной работе мы постараемся рассмотреть некоторые особенности теорий неорегионализма и одновременно на отдельных примерах проанализировать их роль в создании соответствующих аналитических рамок для нового регионального сотрудничества между Ираном и Россией в Евразийском регионе. Таким образом, в статье будет предпринята попытка ответить на вопрос: каким образом Иран и Россия, несмотря на расхождения в определении совместных интересов на уровне двусторонних отношений, смогли прийти к идентификационной и нормативной конвергенции в рамках своего региона и начать сотрудничество.

Ключевые слова: неорегионализм; Иран; Россия; Евразия; сотрудничество; конкуренция.

Elaheh Koolaee

Professor, Department of Regional Studies, University of Tehran;
e-mail: ekolaee@ut.ac.ir

Mandana Tishehya

Faculty Member, ECO College, Allameh Tabataba'i University;
e-mail: mandana.tishehyar@gmail.com

A REVIEW OF IRAN-RUSSIA COOPERATION IN THE EURASIAN REGION BASED ON NEW-REGIONALISM THEORY

The authors argue that Iran and Russia could have achieved a shared definition of identities and norms governing the patterns of their foreign relations with taking advantage of regional convergent capabilities. Based on this framework, the

two countries have tried to cooperate closer together in order to resolve regional problems and have easily arrived at shared interests on a regional level. This policy has become possible since the level of analyzing the relations between the two countries changed from a micro- level bilateral relation into a more macro-level one within a regional and international context.

Key words: New Regionalism; Eurasia; Iran; Russia; Cooperation; Competition.

Детальный анализ теорий неорегионализма наталкивает на мысль о том, что в эпоху глобализации в самом сердце региональной конвергенции заложено противоречие. Вместе с тем в прошлые десятилетия политические акторы сделали попытку пересмотреть свои интересы и идентификации их в региональных рамках. Именно поэтому теории неорегионализма, которые возникли в 1960–1970 гг. в рамках теорий международных отношений, с 1990-х гг. уже после распада СССР, начали быстро развиваться и выходить за рамки базовых понятий. В настоящее время формирование структур и организаций в рамках неорегионализма создало благоприятную почву для того, чтобы страны не отставали от стремительного процесса глобализации и даже были бы способны задавать темп происходящим в мире процессам в различных сферах, включая политическую, экономическую, военную и культурную.

На практике мы видим отсутствие гармонии между действиями отдельных региональных исполнителей и звучанием общего «хора» глобализации. На самом деле, в некоторых регионах можно наблюдать как региональные и трансрегиональные державы не слишком стремятся «идти в ногу» с процессами глобализации, а лишь приспосабливаются к новым условиям миростроительства. Неорегионализм опирается на два элемента – предметную открытость и географическую гибкость, создает условия для формирования различных слоев регионального сотрудничества в рамках независимости и свободы от мировых процессов.

В данной работе предпринята попытка рассмотрения отношений между двумя крупными державами Евразийского региона – Ираном и Россией, а также остановиться на роли неорегионализма в сближении сфер сотрудничества между ними. При этом дается анализ особенностей неорегионализма на современном этапе. Основной вопрос данного исследования состоит в том, каким образом Иран и Россия, несмотря на расхождения в понимании национальных интересов и нестабильности двусторонних связей,

остаются друг для друга важными партнерами на Евразийском пространстве. Ответ на этот вопрос, который также является предметом данного исследования, состоит в том, что Иран и Россия, смогли воспользоваться потенциалом региональной конвергенции в рамках теорий неорегионализма и достигнуть общего согласия в вопросах идентификации и норм в области отношений с зарубежным партнером, а также начать в этих рамках более тесное сотрудничество для решения региональных проблем и достигнуть интеграции своих интересов на региональном уровне. А это может быть свойственно только высокому уровню двусторонних отношений.

«Регионализм» – не новое понятие в литературе и международных отношениях. По крайней мере, в современном мире оно существует уже более пяти десятилетий. В различные исторические периоды были разные толкования этого понятия, каждое из которых отражало действительность структуры международной системы своего времени. Несомненно, разные взгляды на взаимодействие между политическими акторами одно из существенных препятствий к сотрудничеству и конвергенции. Кроме того, государства – это не бильярдные шары, которые могут занимать различные позиции вне географического региона, под влиянием которого они сформировались. У них нет права выбора присоединиться или нет к различным региональным образованиям. Эта действительность является существенным фактором, тормозящим регионализацию. Ведь не просто так большинство войн и конфликтов на протяжении истории случалось именно между странами-соседями [Buzan & Waever 2003; Miller 2005]. Но не только с помощью войн разрешались конфликты. История знает также случаи, когда страны прибегали к помощи других могущественных держав, чтобы уберечься от нападков со стороны какой-либо соседней крупной державы.

Споры между странами-соседями урегулировались также посредством создания союзов и объединений с целью плодотворного взаимодействия для удовлетворения. В этом случае войны и другие формы кровопролитий отходят на задний план, поскольку цена урегулирования конфликтов таким способом слишком высока. Прагматический взгляд на сотрудничество ради достижения общей безопасности и обеспечения интересов региональных игроков

путем конвергенции создает почву для формирования регионализма, помогает повысить региональную безопасность. Такое понимание регионализма дает странам своеобразную независимость от глобализации и растворения в ней, а также обеспечивает им спасительную гавань [Kelly 2007].

Несмотря на это, сам регионализм имеет различные подходы и формы проявления. Иногда государства с целью столкновения с внешней угрозой прибегали к конвергенции, иногда в знак протеста против несправедливого распределения власти и богатства между Севером и Югом использовали регионализм в качестве инструмента защиты своих прав. Известны случаи, когда страны в рамках политической и идеологической поляризации проникали внутрь какой-либо региональной структуры или объединения с целью недопущения проникновения противника в «зону своих интересов».

Иногда создание региональных образований основывалось на логике расширения рынка, который требовал, чтобы политические и экономические игроки выходили за национальные границы. Однако с вхождением на мировую торговую арену новых игроков, таких как многонациональные компании, находящихся под контролем нескольких отдельных государств, появилась потребность в новом подходе к регионализму, который вместо принципа монополизма стал бы приветствовать конкуренцию [Spindler 2002]. Особенно ярко это проявилось в начале 1990-х гг. после распада СССР. Тогда в рамках понятия «неорегионализм» и возникли новые объединения [Fawcett 1995; Hurrell 1995; Lake and Morgan 1997; Hettne Bjo'rn, Andra's Inotai and Osvaldo Sunkel 2000; Mansfield & Milner 1999].

Особенности нового подхода к регионализму стали проявляться в определении понятия региона и его многозначности. Страны стали не только менее зависимы от идеологических ограничений, но и их география перестала играть определяющую роль. Можно наблюдать, как во многие региональные организации вступают страны, не входящие в данный регион. Определение понятия «регион» также стало более гибким. Теперь в одном географическом регионе можно встретить различные формы регионализма, различные региональные формирования и организации на основе интересов стран-участниц.

Даже такие процессы, как глобализация и стремление к однополярности не могли помешать регионализму (а иногда даже помогли ему). На самом деле, в возникшем мировом порядке прослеживается, что мир не столько стремится к однополярности или многополярности, сколько к региональному формированию. При этом, традиционные политические силы, хотя и сохранили свою роль и функции, в то же время региональные игроки нашли возможность показать и себя.

На основе системных теорий, только крупные мировые державы могут оказывать влияние на различные регионы. Однако региональный подход делает акцент на роли более малых стран и регионов в политике сверхдержав. Это видно на примере малых и средних государств Западной Азии с точки зрения определения политического курса США в данном регионе. Регионализм может также противостоять существовавшему прежде колониальному и империалистическому взгляду и показывает, что небольшие страны и регионы также достойны играть существенную роль в мировых процессах [Pugh & Sidhu 2003].

Кроме того, опыт войн США во Вьетнаме и СССР в Афганистане наглядно показал, что могучая держава не всегда может «сломить» малое государство. С этой точки зрения, сегодня, когда формируются новые объединения для борьбы с терроризмом, можно наблюдать, как, например, крупные державы не могут обойтись без сотрудничества с малыми евразийскими странами для осуществления своих планов. Именно поэтому для лучшего понимания региональной динамики необходим пересмотр обобщающих международных теорий.

Так, новый регионализм, представляющий собой разновидность осознанного построения идентификаций и норм в рамках создания новых объединений, считается новым политическим дискурсом на мировой арене. В этом новом дискурсе иногда определяются и наслаиваются друг на друга по несколько региональных идентификаций в рамках одной географической сферы. Одновременно регионализм может сформировать различные уровни взаимодействия с различными функциями, и в этом случае каждая страна, согласно своим интересам и потребностям, определяет свои региональные отношения по тому или иному вопросу на соответствующем

уровне. Таким образом, регион – это то, что мы под ним понимаем, а не то, что определено на географической карте или на основе только стратегических соображений. Из этого следует, что хотя география и является важным фактором, этот элемент приобрел большую гибкость и в любой момент его можно «переначертать» согласно потребностям идентификации и интересам стран.

Новые регионы не будут представлять собой только свободные экономические зоны или объединенные структуры, такие как Европейский союз, как это определялось прежними теориями международных отношений. При новом регионализме страны будут стремиться к решению внутренних проблем и повышению значимости своего места и уровня в мировой системе путем определения своих региональных отношений. Это обеспечивается путем формирования открытых и гибких регионов, объединенных по прагматическому принципу обеспечения интересов стран, направленных на региональную конвергенцию с политической, экономической, культурной или любой другой точки зрения.

Конечно, в мире не произойдет коренной революции, при которой регионы противостояли бы мировому порядку. Можно ожидать, что произойдет расконцентрация силы на международном уровне, и это произойдет не путем столкновений, а путем региональной конвергенции с окружающим миром [Acharya 1997]. При этом международные организации и структуры сыграют роль промоторов мировой региональной конвергенции.

Далее рассмотрим вопросы двустороннего сотрудничества между Ираном и Россией в области неорегионализма в эпоху глобализации.

Взаимоотношения между двумя странами – Ираном и Россией – насчитывают минимум пять столетий. Это взаимодействие претерпевало многочисленные взлеты и падения. Войны и вражда между соседями в различные исторические периоды приводили к частому недоверию друг к другу, конкуренции на региональном и на международном уровнях. Изучение двусторонних отношений между государствами со времен русских царей и Сефевидской и Каджарской династий вплоть до большевистского правления и династии Пехвели, а затем во времена установления исламской системы власти в Иране, способствуют лучшему пониманию добрососедских отношений между Ираном и Россией.

Тем не менее распад Советского Союза в начале 1990-х гг. и создание Российской Федерации стали почвой для формирования нового периода отношений между Ираном и Россией, имеющих огромный потенциал для дальнейшего взаимодействия. За последние десятилетия отношения Ирана и России в сфере политики носили в целом дружественный характер. Традиционными являются встречи лидеров внешнеполитических ведомств двух стран для обсуждения круга вопросов по международной тематике. Так, 6 июля 2018 г. «на полях» министерской встречи Совместной комиссии по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) по иранской ядерной программе Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров провел встречу с Министром иностранных дел Исламской Республики Иран М.Д. Зарифом. Тематика СВПД находилась в центре внимания. Министры также обсудили вопросы двустороннего взаимодействия с упором на реализацию договоренностей на высшем уровне об активизации торгово-экономического сотрудничества. Рассмотрены некоторые актуальные международные вопросы, в частности, продолжен обмен мнениями по сирийской проблематике, подготовке Пятого каспийского саммита (www.mid.ru).

Успешно развиваются торгово-экономические отношения между двумя странами. У Ирана и России есть ряд крупных проектов. Это и вторая, и третья очереди АЭС «Бушер», сооружение четырех энергоблоков ТЭС «Сирик» в провинции Хормозган и электрификация железнодорожного участка Гермсар–Инче-Бурун. На сегодняшний день, несмотря на угрозы со стороны США, нет очевидных препятствий для реализации этих проектов. Работа над ними продолжается в штатном режиме.

Чувствительной темой для обеих стран является вопрос о санкциях. Ослабление санкционного режима со стороны США позволило иранцам наладить более активные экономические связи, прежде всего со странами Европы. Однако сейчас, когда американцы вышли из СВПД и давят на своих союзников и не только, естественно, что позиции оппонентов СВПД в Иране заметно укрепились. Никаких претензий к Ирану со стороны России в плане соблюдения СВПД до сих пор не было – это фиксировалось МАГАТЭ. Об этом говорил в своем интервью 20 июля 2018 г. Посол России в Иране Л. С. Джагарян информационному агентству «Интерфакс»

(www.mid.ru). В этой связи российский посол заявил, что в России никогда не признавали законными односторонние санкции. Это общеизвестный факт, всем это хорошо известно. «Естественно, мы с озабоченностью наблюдаем за процессом постепенной имплементации этих санкций. Мы наблюдаем с озабоченностью за тем, как крупные европейские компании покидают Иран, потому что они боятся попасть под рестрикции... сейчас мы тоже должны внимательно продумать, как эти санкции могут сказаться на тех российских экономических операторах, которые осуществляют или будут осуществлять свою экономическую деятельность в Иране. Причем это взаимовыгодное сотрудничество. Имеется в виду «Росатом», который давно и очень успешно работает на иранском рынке – мы сейчас полным ходом ведем работу по сооружению второй очереди Бушерской атомной электростанции. Это и «Технопромэкспорт», у которого проект по сооружению ТЭС «Сирик» в провинции Хормозган, и РЖД, которая ведет проект по электрификации железной дороги Гармсар – Инче Бурун, и российские нефтегазовые компании, которые имеют свой интерес. В первую очередь речь идет о компании «Зарубежнефть», которая подписала контракт с иранской стороной. Естественно, нас это заботит, беспокоит, но мы полны решимости, продумать пути, которые каким-то образом обезопасят интересы наших компаний», – подчеркнул посол России в Иране (www.mid.ru).

После распада СССР предполагалось, что на Евразийском пространстве начнется новая большая игра, в которой не только крупные мировые державы, но и сильные соседи данного региона, такие как Китай, Иран, Турция, Россия и Индия, начнут тесно соревноваться за повышение своего культурного, экономического, военного и политического влияния на новые независимые государства. Хотя это и случилось, но не в таких крупных масштабах. На самом деле, соседние страны попытались не столько конкурировать друг с другом, сколько добиться стабильности в новоиспеченных странах и таким путем предотвратить распространение опасности внутри своих границ. Они занялись образованием структур по обеспечении стабильности и поиском путей для мирного сожительства в регионе, чтобы таким образом обеспечить и свои интересы.

С началом 2000-х гг. Иран и Россия более прежнего дают понять, что с учетом совместных интересов и следуя прагматическому

внешнеполитическому курсу они отдают предпочтение региональному сотрудничеству в различных сферах. Россия с точки зрения Ирана все также остается могущественным стратегическим игроком, не сдающим свои позиции среди сверхдержав, заседающих в ООН и имеющих право вето. Эта страна по-прежнему обеспечивает часть вооружения, необходимого Ирану, а также реализует иранскую ядерную программу в Бушуре и других городах. Иран для России также является сильной региональной державой, имеющей «сильные карты в руке». Поэтому как для использования потенциала Ирана в продвижении региональных интересов, так и для сдерживания этой страны с целью предотвращения угрозы интересам России на региональном уровне, необходимо, чтобы отношения Ирана и России развивались в рамках региональных структур.

Таким образом, региональная взаимозависимость, возникшая в этом уголке мира в рамках региональных структур и организаций, отлично иллюстрирует дружественный подход сильных стран евразийского региона с целью продвижения общих интересов и безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Acharya Amitav*. Regional Military-Security Cooperation in the Third World: A Conceptual Analysis of the Relevance and Limitations of ASEAN // *Journal of Peace Research*. 1997. Vol. 29. P. 7–21.
- Buzan Barry, and Waever Ole*. Regions and Powers; The Structure of International Society, Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Fawcett Louise*. Regionalism in Historical Perspective // *Regionalism in World Politics*, edited by Louise Fawcett, and Andrew Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Hettne Bjo`rn, Andra`sInotai, & Osvaldo Sunkel*, eds. The New Regionalism and the Future of Security and Development, N. Y. : St. Martin's Press, 2000.
- Hurrell Andrew*. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. P. 331–358.
- Kelly Robert E*. Security Theory in the “New Regionalism” // *International Studies Review*. 2007. Vol. 9. P. 197–229.
- Lake David & Patrick Morgan*. The New Regionalism in Security Affairs // *Regional Orders: Building Security in a New World*, edited by David Lake, and Patrick Morgan, University Park: Pennsylvania State University Press. 1997.

- Mansfield Edward & Helen Milner.* The New Wave of Regionalism // International Organization. 1999. Vol. 53. P. 589–627.
- Miller Benjamin.* When and How Regions Become Peaceful: Potential Theoretical Pathways to Peace // International Studies Review. 2005. Vol. 7. P. 229–267.
- Pugh Michael, and Waheguru Sidhu,* eds. The United Nations and Regional Security: Europe and Beyond, Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003.
- Spindler Manuela.* New Regionalism and the Construction of Global Order. CSGR Working. March 2002. Paper No. 93/02.

УДК 138.2

С. С. Оганесян

доктор педагогических наук, профессор; главный научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России; государственный советник РФ 1 класса

ОБ ИСТОКАХ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается основная, по мнению автора, причина, которая порождает религиозный экстремизм и терроризм в современном мире. Автор усматривает ее в очередной смене цивилизационной ментальности населения. В частности, в переходе от отживающей себя религиозной ментальности (язычества и единобожия), которая была свойственна человечеству на протяжении тысячелетий, к научному ее мировосприятию. Как и во все периоды перехода этносов и народов к новой цивилизационной ментальности, молодежь оказывается на переднем крае борьбы отживающей ментальности с нарождающейся цивилизационной ментальностью. Показывается, что важнейшей задачей профилактики религиозного экстремизма и терроризма в молодежной среде является не отвращение молодежи от Бога для формирования атеистической личности, напротив, использование сведений Священных Писаний о неизбежности перехода человечества от религиозных норм и правил жизни к тем, которые основаны на их собственном интеллектуальном творчестве.

Ключевые слова: религии; радикализм; молодежь; Священные Писания; экстремизм; терроризм.

S. S. Oganessian

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Research Fellow, Scientific-Research Institute
of the Federal Penal Service, State Councilor 1st Class

ABOUT THE ORIGINS OF RELIGIOUS EXTREMISM AND TERRORISM OF MODERN YOUTH

The article is devoted to the main reason, in the author's opinion, which generates religious extremism and terrorism in the modern world. The author sees it in another change in the civilizational mentality of people. In particular, in the transition from the obsolete religious mentality (paganism and monotheism), which was characteristic of mankind for millennia, to a scientific worldview with the corresponding vital activities. As in all periods of the transition of ethnic groups and peoples to a new civilization mentality, young people are at the forefront of the struggle of an obsolete mentality with a nascent civilizational mentality. It is shown that the most important task of preventing religious extremism and terrorism in the youth environment is not disgust of youth from God for the formation of an atheistic person, but, on the contrary, the use of the information of

the scriptures about the inevitability of the transition of mankind from religious norms and rules of life to those based on their own intellectual creativity

Key words: religious extremism; terrorism; civilizational mentality; young people.

Цель, поставленная перед работой, раскрыть истоки религиозного экстремизма и терроризма, которые свойственны части современной молодежи, а также наметить основные пути профилактики и противодействия этому крайне деструктивному явлению, ставящему под угрозу не только спокойствие, но и жизнь людей, а также национальную безопасность и целостность подавляющего большинства государств мира.

Если обратиться к статистике, то, по данным Национального антитеррористического комитета (НАК), рост по экстремистским и террористическим составам преступлений за 2017 г. по сравнению с 2016 г. превысил 50 %. В 2017 г. было предотвращено 18 терактов, а по террористическим статьям были арестованы 1018 человек. При этом 78 человек погибли при задержании. Всего за последние пять лет число осужденных, по данным ФСБ России, по экстремистским статьям (280 и 282 УК РФ) выросло в 2,5 раза [Статистика 2018].

По данным «Института экономики и мира» (Сидней), опубликованным в ноябре 2017 г., в результате действий террористов в 2016 г. в 77 странах мира погибли 25 тыс. 673 чел., что на 50 % больше, чем в 2015 г. Примечательно, что за гибель более 9,1 тыс. человек ответственность на себя взяла запрещенная в России и во многих других государствах террористическая группировка «Исламское государство» (ИГ) [Глобальный индекс терроризма].

Казалось бы, какие религиозные проблемы могут существовать у современной молодежи в начале XXI в., когда конституции подавляющего большинства стран мира гарантируют всем и каждому право на «свободу совести и вероисповедания»? Например, в ст. 28 Конституции РФ более чем ясно сказано: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [Конституция 2006].

Но, во-первых, именно от этой конституционной нормы возникают проблемы и нередко исходят угрозы безопасности граждан многих стран мира, а также угроза их целостности. Поскольку конституционное право «действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями» дает правовое основание отдельным мусульманским религиозным общинам Норвегии, Дании, Бельгии требовать создания для себя отдельных суверенных государств с тем, чтобы жить в них по нормам коранического права (шариата)¹.

Во-вторых, вся история религиозного существования людей – это непрерывная и ожесточенная борьба или во имя своих «родных богов-предков» при язычестве, или за «правильное» понимание сущностной природы Единого Бога, или за «правильное» толкование предписанных Единым Богом норм и правил поведения, или обрядов поклонения Ему.

В-третьих, молодежь в силу своей психологической природы ищет принципиально новые пути своего существования и развития. Проблема взаимоотношения «отцов и детей», как известно, была не менее актуальна во все времена, чем религиозное существование этносов и народов. Фраза «O tempora, O mores!» («о времена, о нравы») со времен великого Цицерона всегда звучала в качестве нравственного упрека именно молодому поколению. Причем не только в странах с множеством социально-экономических проблем, но и в государствах вполне благополучных. В качестве примера можно привести роковые для Ливии события 2014 г., когда процессы по изменению общественного устройства страны возглавила именно «европейски образованная» ливийская молодежь, а противниками выступили те, кто являлся апологетом традиционного уклада жизни, ориентированного на нормы и правила ислама. Хотя уровень жизни граждан Ливии даже по европейским меркам на тот период был весьма высоким. Гражданская же война откинула страну в пучину хаоса и беззакония².

¹ Мусульмане Норвегии требуют отдельного государства URL: www.translarium.info/.../muslims-in-norway-now-demand-a-separate-state_greece-will...

² Война в Ливии: Ход событий и их анализ: участники, мотивы... URL: expert.ru/dossier/story/vojna-v-livii/

Не секрет, что многочисленные экстремистские националистические и антиправительственные группировки постоянно возникают и в странах «экономически благополучной» современной Западной Европы, которые считает себя оплотом демократического правопорядка и социальной защищенности граждан. Причем националистические группировки молодежи появляются как со стороны этнического большинства (титulyных наций государств), так и со стороны этнического меньшинства (как правило, мигрантов)¹.

Пытаясь систематизировать самые разнообразные радикальные организации современного мира Европол, например, разделяет их по деятельности на следующие типы: религиозные, левые, правые, сепаратисты. Особняком стоят одиночки и люди с нарушенной психикой, у которых нет четких мотивов.

Наша страна не является исключением. В ней представлены все названные Европолом типы радикалов. Например, в восточных регионах страны набирает силу движение АУЕ («Арестантский уклад един», или «Арестантско-уркаганское единство»), деятельность которой уже зафиксирована во Владимире, который расположен всего лишь в 180 км от Москвы. В Санкт-Петербурге действует организация «АСАВ», которая замешана на праворадикальной идеологии и ненависти к полицейским. Повсеместно возникают и самые разнообразные организации скинхедов и так называемых нациков (националистов). Так, в частности, в 2015 г. городским судом Санкт-Петербурга была признана экстремисткой «Национальная социалистическая инициатива» (НСИ). Под предлогом пропаганды здорового образа жизни, борьбы с наркоманией и пьянством эта молодежная организация пропагандировала идеи межнациональной ненависти и вражды.

¹ Антисемитизм становится в США модным – раввин Джозеф. URL: www.pravda.ru/news/world/northamerica/.../20.../1249385-anyosemitizm-0/
«Монополия» на террор: устрашающий PR-проект или реальная URL: politobzor.net/show-163499-monopoliya-na-terror-ustrashayuschiy-pr-proekt-i...

Генпрокуратура связала рост экстремизма с «нежелательными». URL: www.rbc.ru/society/27/07/2017

В США растёт число нацистов/КПУ. URL: www.kpu.ua/ru/89291/v_ssha_rastet_chyslo_natsystov

Однако не без основания особую тревогу вызывает не только в нашей стране, но и во всем мире распространение в молодежной среде именно религиозного радикализма. Ибо и по числу лиц, вовлеченных в религиозные радикальные организации, и по степени их распространенности в разных странах мира, и по активности в совершении противоправных деяний, включающих теракты, религиозные фундаменталисты несравнимы со всеми остальными [Оганесян 2018].

С чем связана привлекательность идей религиозного радикализма и фундаментализма для части современной молодежи? Обычно называют множество причин. Начиная от тяжелых социально-экономических условий, существующих в обществе, которые не позволяют молодежи занять в нем достойное своим интеллектуальным и деловым качествам место, и заканчивая особенностями молодых людей, которые в силу имманентно присущей им психологической природы стремятся найти новые наиболее перспективные пути и способы мироустройства.

Нельзя не упомянуть и весьма распространенного в экспертном сообществе мнения, что религиозный экстремизм и терроризм, как и все иные виды радикализма, преднамеренно стимулируются и используется определенными политическими силами и государствами как орудие для формирования новых очагов нестабильности и достижения посредством этого геополитических выгод [Оганесян 2018]. Можно ли согласиться с этим мнением? Разумеется, можно. Однако, с нашей точки зрения, религиозный экстремизм и терроризм следует воспринимать прежде всего в качестве исторически обусловленного явления, не связанного с тем, кто и в каких целях пользуется им.

Дело в том, что современное человечество находится на очередном переломном этапе своего ментального существования. В частности, многие этносы и народы под влиянием различных причин, в том числе и мощнейших общемировых интеграционных и миграционных процессов, интенсивно переходят к принципиально новой для себя ментальности, связанной с научным мировосприятием и соответствующей ей жизни. Не мировоззрение, нормы и правила Священных Писаний единобожия, и не традиции и обычаи предков, изложенные в Священных Преданиях язычников, а собственный интеллект (разум) и познавательные способности человека

(человечества) с определенного исторического периода начинают играть решающую роль в организации его самостоятельной жизни. И этот «исторический период», связанный с попытками регулирования человеком (человечеством) собственной жизнью посредством своего интеллекта, как было показано во многих наших работах, наступил в так называемые эпохи Возрождения, Просвещения и Реформации в странах Европы, а затем стал распространяться и во все иные государства на всех континентах мира [Оганесян 2011].

Хорошо известно, что именно религии на протяжении тысячелетий выполняли не только мировоззренческие и правовые функции в социумах, но и служили основным идейно-идеологическим средством (инструментом) для построения этносами и народами собственных независимых (суверенных) государств, когда они ментально, политически, социально и экономически созревали для этого. Не менее известно и то, что практически все этносы и народы в своем историческом развитии проходили и проходят ныне ряд цивилизационных этапов (стадий) своего ментального существования. Это стадии язычества, единобожия (монотеизма) и «научного мировосприятия» с соответствующей ей жизнью. Название последнего по времени этапа было предложено нами в качестве рабочего термина в 2010 г. [там же].

Данная типизация цивилизационной ментальности людей совпадает со сведениями, изложенными в Торе, Новом Завете и Коране, о трех ментальных типах людей с характерным для каждого из них мировосприятием и поведением (жизнью). Это язычники (идолопоклонники), которые жили в эпоху «неведения» и «невежества». Следом с помощью Торы, Нового Завета и Корана, употребляя богословские понятия, «пришел истинный свет и истинные знания» от Единого Бога, которого стали чтить и заветам которого следили люди праведные [Тора 1993; Библия 1992; Коран 2008]. Это, в частности, последователи иудаизма, христианства и ислама. А затем, согласно названным Писаниям, следует тип людей «с образом и подобием» Самого «Господа Небес». На это более чем ясно указал апостол Павел словами: «Первый человек – из земли, перстный, второй человек – Господь с неба» [Библия 1992, с. 217]. (В нашей терминологии, как отмечалось, это этап «научного мировосприятия».)

Нетрудно увидеть, что подавляющая часть той молодежи, которая встает под знамена религиозного фундаментализма, обладает

ярко выраженными ментальными качествами людей, которые свойственны лицам именно религиозных стадий развития человечества, т. е. язычества (многобожия) и единобожия (монотеизма).

Отсюда вполне понятно, почему список наиболее опасных стран, с точки зрения экстремизма и террористической угрозы, в настоящее время возглавляют Ирак, Афганистан, Нигерия, Сирия, Пакистан и Йемен. А Сомали, Индия, Турция и Ливия замыкают десятку рейтинга [Глобальный индекс терроризма... ; «Монополия» на террор...]. Ибо именно эти страны сегодня подходят к пику перехода от единобожия к научному мировосприятию. И именно в них, с нашей точки зрения, следует ожидать серьезного противостояния (с неизбежными актами насилия) антиклерикальных молодежных организаций с апологетами и беззаветными защитниками религиозного мироустройства, с так называемыми традиционными для народа ценностями. Поясним, что под «цивилизационной ментальностью» мы понимаем интеллектуально-духовные качества людей, где духовность — это специфика мировосприятия, которая влияет как на психологическую (душевную) реакцию человека на явления и события окружающего мира, так и на его устойчивое поведение в самых различных ситуациях бытия [Оганесян 2011].

И отсюда, с нашей точки зрения, основной задачей профилактики и противодействия религиозному экстремизму и терроризму в молодежной среде является «изменение» ментальности тех, кто избрал путь религиозного радикализма как ответную меру (защитную реакцию) от наступающей принципиально новой цивилизационной ментальности людей.

Причем оснований для отрицания и неприятия новой цивилизационной ментальности для так называемой религиозной молодежи более чем достаточно, поскольку они смотрят на происходящие, например, в «продвинутых странах мира» Европы и США сквозь призму своих представлений о цели и смысле жизни, о добре и зле, о братстве и дружбе и т. д.

Нарождающаяся новая цивилизационная ментальность людей со всеми ее издержками, перехлестами, перегибами, воспринимается «религиозными» людьми как явления, несвойственное человеческой природе, человеческой «душе» и человеческому предназначению, которые были даны и указаны Всевышним в ниспосланных людям Священных Писаниях.

Так, например, во всех трех Священных Писаниях единобожия (Торе, Новом Завете и Коране) ясно сказано, что человек не только создан по образу и подобию Всевышнего (Бога), но и то, что исключительно человеку Бог вдунул в ноздри его Свое дыхание жизни, т. е. передал человеку Свою способность «наблюдать, познавать, думать, ставить цель, принимать решения, творить».

В частности, в Торе сказано: «И создадим человека по образу Нашему, по подобию Нашему, и да властвуют они над рыбою морскою и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле» [Тора 1993, с. 17]. Более того, Тора указывает: «И образовал Бог всесильный человека из праха земного и вдунул в ноздри его дыхание жизни, и стал человек существом живым» [там же, с. 19].

Иисус напоминает иудеям, которые хотят побить Его камнями за то, что Он богохульствует, «делая Себя Богом», слова Писания, обращенные к людям: «Я сказал: вы боги» [Библия 1992, с. 115]. Может ли быть более ясное указание на то, что именно человек обладает принципиально отличными от всех живых существ нашей планеты свойствами и качествами?! Коран, подтверждая истинность всех сведений, изложенных в Торе и Новом Завете, передает, что Сам Бог не только сотворил человека из «глины», но и, что особенно важно, от «Духа Своего вдохнул» в него жизнь: «из глины начал сотворенье человека, потом продлил его потомство из капли жидкости презренной, потом Он выровнял его и соразмерил, от Духа Своего вдохнул, дал зрение, и слух, и сердце, – и все ж как мало благодарны вы!» [Коран 2008, с. 444]. Поэтому, например, такие явления, как наркомания, проституция, гомосексуализм, тотальная коррупция властных структур, которые, как правило, сопровождают переломные цивилизационные эпохи, приписываются «фундаменталистами» грядущей цивилизационной ментальности. Все эти явления не только подвергаются резкому осуждению, но и сопровождаются призывами непримиримой борьбы с новой цивилизационной ментальностью, которой якобы свойственны все перечисленные и многие другие пороки, осуждаемые Священными Писаниями. Но, с другой стороны, радикально настроенная религиозная молодежь под воздействием своих «духовных наставников» не обращает внимания на строки Корана, которые говорят: «Он – Тот, Кто Книгу ниспослал тебе, – одни аяты в ней несут

открытый смысл, собой являя как бы Матерь Книги; другие – *скрыты в толковании* своем. Но те, (чье сердце по земле) в грехах (блуждает), *желая смуты, следует тому, что отвечает их угоде*, – выискивая скрытое значение, которые известно лишь Аллаху и открываются лишь тем, которые *глубоким знанием владеют* <...> И весть ее способен охватить лишь тот, *чей разум светел!*»¹ [Коран 2008, с. 79].

Они не принимают во внимание слова апостола Иоанна сообщаящего, что по истечении определенного исторического периода человечество достигнет того уровня подобия своему Творцу, которое позволит людям увидеть Его: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии: но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, *будем подобными Ему, потому что увидим Его, как Он есть*» [Библия1992, с. 181].

Наставники предпочитают обходить вниманием строки Корана, которые утверждают, что лично Сам Бог обучил «Адама названиям всего, что суще» и принудил ангелов поклониться именно человеку [Коран 2008, с. 34]. Они игнорируют вопросы, во-первых, кто, кроме Бога, может обладать всезнанием?! И зачем наделять человека свойствами, которыми он не будет пользоваться в своей обыденной жизни?! Во-вторых, почему до сотворения человека ангелы обязаны были поклоняться исключительно Богу?! В-третьих, как более доходчиво передать всем последующим поколениям, что человеку предстоит развиваться не только и не столько физически, сколько ментально, с тем чтобы посредством Святого Духа, который был дан ему при сотворении достичь той формы бестелесного существования, которой обладает Сам Бог?! В-четвертых, что еще более ясно, с учетом уровня «разумения» (в целом ментальности) людей той исторической эпохи, сказать им, что они принципиально отличаются от всех иных живых существ нашей планеты именно своими «богоподобными» интеллектуальными способностями, и что им предназначен свой особый путь развития, который изначально предначертан Всевышним?

Важны ли и нужны ли вышеприведенные сведения для действительного осознания человеком того факта, о котором говорит Коран: «*На всякий временной предел Свое писание* (свои заветы, что

¹Зд. и далее выделено нами. – С. О.

мудростью Аллаха сочтены). *Аллах Своим желанием стирает* (заветы прошлого, изжившие себя), *и утверждает* (мудростью Своей те из Своих установлений, что надлежит по строгости блюсти), – ведь у Него – Мать Вечной Книги. Покажем ли тебе Мы часть того, чем Мы, увещевая их, им угрожаем, иль упокоим твою душу до того, твой долг – *лишь передать им (Откровенье)*, а Нам – *призвать к расчету (их)*» [Коран 2008, с. 283]. Вне всякого сомнения, и важны, и нужны!

Должна ли знать молодежь, вставшая на путь религиозного радикализма, что апостол Павел, «раскрывая» последователям верования Христа «тайну», которую ему передал Сам Иисус Христос, сообщает, что если «первый человек Адам стал душою живущей», то «последний Адам есть дух животворящий. Первый человек – из земли, перстный, второй человек – Господь с неба»?! [Библия 1992; Новый Завет, с. 217]. Молодежь обязана это знать, чтобы понять стратегическое направление развития человечества, как должна знать и то, что Коран рассматривает Тору и Новый Завет в качестве двух предшествующих ему Посланий от Единого Бога, предназначенных другим народам [Коран, 2008].

Как показывает наш опыт профилактики и противодействия религиозному экстремизму и терроризму в УИС России, приведенные сведения Священных Писаний об особой ментальной природе человека и о стратегическом направлении развития всего человечества, как и многие другие, обязаны знать как те, кто занимается профилактикой и противодействием религиозному радикализму, так и те, кто возложил на свои плечи «миссию» очищения человечества от «неверных Богу людей» для построения теократического государства. Ибо внимательное и беспристрастное изучение Торы, Нового Завета и Корана в их неразрывном духовном единстве заставляют молодежь осознать неизбежность перехода от религиозного права к светскому праву и, следовательно, понять необходимость неукоснительного соблюдения законодательства страны своего проживания или пребывания. Они вынуждают молодежь вновь и вновь самостоятельно обращаться именно к текстам Священных Писаний, а не к досужим вымыслам «духовных наставников и учителей» с тем, чтобы искать ответы на вопросы оптимального обустройства жизни государства, в котором они проживают, на основе ее Конституции, т. е. в рамках правового поля государства.

Более того, они порождают у радикально настроенной молодежи сомнения в правильности предложенного им «фундаменталистами» толкования Писаний. А сомнения – это первый шаг к научному осмыслению и познанию мира. Отнюдь не случайно один из провозвестников новой ментальной эпохи научного мировосприятия Рене Декарт (1596–1650) в самом начале эпохи Просвещения писал: «Подвергай все сомнению» [Философия 2018]. А через столетие Иммануил Кант (1784–1804) на вопрос: «Что такое просвещение?» ответил: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» [Кант].

Особо следует подчеркнуть, что религиозные люди обладают специфическим складом восприятия мира, мышления и поведения. Хотя эти особенности мало исследованы в психологической науке, тем не менее практика показывает наличие у них, как и у всех истинно верующих людей, особой предрасположенности к безоговорочной и безусловной вере в Бога и в проповедуемые священнослужителями догматы веры. Причем вера в так называемой простоте сердечной, без тени сомнения и критического осмысления проповедуемого им вероучения и обрядов поклонения Всевышнему. Ибо сомнения и вера несовместимы друг с другом.

Научное мировосприятие и мышление, которые уже характерны для значительной части современного человечества, не могут полагаться исключительно на веру, включая и веру в научные авторитеты и научные школы. Они не могут существовать без сомнений и колебаний, без критического осмысления устоявшихся взглядов, позиций, гипотез и теорий. Любое научное исследование ценно прежде всего новизной высказанных в ней идей и положений, принципиально новым подходом к пониманию существующих проблем и к их решению.

Чрезвычайно высокую внушаемость людей уже весьма далекой от нас эпохи в своих проповедях широко использовал, например,

Иисус Христос, постоянно указывая: «по вере вашей да будет вам»; «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» [Библия, Новый Завет 1992, с. 10, с. 76]. Писания внушают, что сомнения и религиозные убеждения несовместимы друг с другом. Напомним слова Иисуса Христа: «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» [там же, с. 183].

Апостол Иаков учил: «сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой: да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа» [Библия, Новый Завет 1992]. Апостол Павел писал: «а без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» [там же, с. 167].

В Коране более чем ясно сказано: «Ведь Истина исходит лишь от Бога. И потому не будь ты с теми, в ком сомнения живут» [Коран 2008, с. 86]. Коран предупреждает сомневающихся и колеблющихся в вере, что их «не простит Аллах, прямой стезею не направит» [там же, с. 129].

Отсюда вполне понятно, почему воля экстремиста и террориста, в силу специфики присущих ему психологических свойств и качеств направлена прежде всего на то, чтобы неукоснительно соблюдать все предписания своего вероисповедания, а также указания проповедников. Духовные наставники сообщают, по их заверению, не свое мнение, а волю Всевышнего, переданную Священными Писаниями. А послушаться Бога для человека религиозного – немислимо. Ибо самые страшные наказания, по их убеждению, идут именно от Всевышнего. Тем более что о необходимости бояться сугубо Бога и именно Его страшнейших кар, солидарно говорят и Тора, и Новый Завет, и Коран, которые сообщают: «Бога, всеильного твоего, бойся, Ему служи, и к нему прилепись, и Его именем клянись. Он – слава и Он – Всеильный твой, Который совершил для тебя то великое и грозное, что видели глаза твои» [Тора 1993, с. 1001]; «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» [Библия, Новый Завет 1992, с. 11]; «И только Сатана склоняет вас страшиться близких. Вы их не бойтесь, а страшитесь лишь Меня, коль предались и веруете вы» [Коран 2008, с. 102]. Истинно религиозные люди искренне верят в существование рай

и ада. Ради получения Божьего благоволения они принести в жертву не собственную жизнь. Они беспощадны к врагам Бога и т. д. [Оганесян 2011].

Не перечисляя все мировоззренческие и психологические характеристики и особенности религиозных радикалов, которые, к сожалению, оказались вне поля зрения современной психологической науки и педагогики, как и всей современной системы образования и просвещения, отметим, что религиозный радикализм существовал во все времена истории человечества. Религиозные фундаменталисты – это не шизофреники или коррумпированные элементы, озабоченные личным обогащением, а представители ментальных цивилизаций язычества и единобожия, которые обладают специфическим мировосприятием и поведением, а также особым ценностным миром, которые свойственны людям религиозных ментальных цивилизаций. Взгляды, позиции и действия религиозных радикалов хотя и выражают крайние (экстремистские), но именно религиозные воззрения.

Кроме того, в своем подавляющем большинстве так называемые исламские фундаменталисты, о которых постоянно говорят СМИ, как и представители «тоталитарных сект» в христианстве и язычестве – это не носители «псевдорелигиозных» идей и члены «псевдорелигиозных» организаций. Таковыми их пытаются представить «необремененные» знаниями об истории религиозного существования человечества отдельные чиновники, общественные функционеры, религиозные деятели, публицисты и журналисты. Это личности, которые требуют возвратиться к истокам, по их мнению, «чистой, незамутненной и неоскверненной человеческими страстями и конъюнктурными политическими соображениями» вере, не учитывая, что основная масса человечества в своем историческом развитии уже вышла к рубежам той ментальности, которая ясно указана в самих Священных Писаниях. В частности, подошла к научному мировосприятию и жизни, которые являются плодом их собственной интеллектуальной деятельности со всеми перехлестами и перегибами, которые свойственны периоду резкой смены ментальности этносов и народов. Так было и при смене язычества единобожием [Оганесян 2011].

Существующая мировая практика показывает абсолютную тщетность и бесполезность отращения молодежи, имеющую

радикальную религиозную ментальность, от Бога и превращения их в «законопослушных светской власти атеистов». Напротив, необходимо с помощью сведений, изложенных в Священных Писаниях, показать им их «религиозную неосведомленность». Ибо, согласно, например, Корану наказание каждому за его «грехи» будет в конечном итоге осуществляться Самим Всевышним в Судный день, а также то, что что они встали на путь, противоречащий мировоззренческим основам и стратегическому направлению развития, предначертанному человеку в Священных Писаниях.

Поэтому главная задача противодействия религиозному экстремизму и терроризму, по нашему глубокому убеждению, должна состоять в том, чтобы раскрыть радикально настроенной молодежи миролюбивый и созидательный потенциал Священных Писаний, который ясно изложен в Торе, Новом Завете, Коране и в хадисах пророка Мухаммеда.

Можно не сомневаться, что не способен встать на путь религиозного экстремизма и терроризма человек, который действительно проникся такой мировоззренческой формулой, которую дал Иисус Христос: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [Библия, Новый Завет 1993, с. 7]. Мухаммед вслед за Иисусом изрекает фразу, которая считается одной из основополагающих в Сунне: «Делайте всем людям то, что вы желали бы, чтобы вам делали люди, и не делайте другим того, чего вы не желали бы себе» [243 хадиса... 2017].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Междунар. издат. центр православной литературы, 1992. 700 с.
- Библия. Новый Завет. М.: Свято-Троицкий Ново-Голутвинский женский монастырь, 1993. 860
- Глобальный индекс терроризма. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2017 (последняя редакция: 16.11.2017).
- «Монополия» на террор: устрашающий PR-проект или реальная угроза? <https://politobzor.net/163499-monopoliya-na-terror-ustrashayuschiy-proekt-ili-realnaya-ugroza.html> ... pic.twitter.com/OcirriW3WX.
- Кант И. Цитаты. Афоризмы. URL: goo.gl/DjBPYz
- Конституция Российской Федерации. М.: АСТ : Астрель, 2066. 158 с.

- Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Пороховой Валерии. 10-е изд., дополнен. М. : Рипол Классик, 2008. 800 с.
- Оганесян С. С. О специфике мировосприятия и поведения религиозных экстремистов и террористов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 20–23.
- Оганесян С. С. Тора, Новый Завет и Коран – закон, правопорядок и законопослушание: способы формирования правосознания и передачи законодательных функций от Бога к человеку. М. : Гуманитарий, 2011. 552 с.
- Статистика: террористов стало в 9 раз больше. Наука и образование против террора. URL: scienceport.ru/
- Тора (Пятикнижие Моисеево) / ред. рус. пер. П. Гиль ; под общ. ред. Г. Бранновера. Иерусалим–Шамир–М. : Арт–Бизнес–Центр, 1993. 1136 с.
- Философия Декарта – кратко // Русская историческая библиотека. URL: goo.gl/HSzFpY
- 243 Хадиса с комментариями. М. : Мир знаний, 2017. 608 с.

Л. А. Печищева

кандидат исторических наук; доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ; научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН;
e-mail: lusya-85@inbox.ru

ИНДИЯ – ЕС: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье предпринимается попытка рассмотреть сотрудничество между Индией и странами ЕС на современном этапе. Экономика и энергетика стали одними из приоритетных направлений политики между Индией и ЕС. В 2004 г. было заключено Стратегическое партнерство между Индией и ЕС, открывшее новые перспективы и возможности для государств. Большинство новых экономических, энергетических и экологических проектов между Индией и ЕС способствуют не только улучшению социально-экономических условий в странах, но и укреплению стратегического партнерства между Индией – ЕС.

Ключевые слова: Индия; ЕС; Южная Азия; Нарендра Модии; энергетика; экономические проекты.

L. A. Pechishcheva

PhD (History), Associate Professor, Department of Area Studies and Foreign Politics, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, RSUH; Research Fellow, Center for Indian Studies, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; e-mail: lusya-85@inbox.ru

INDIA – THE EU: THE PERSPECTIVES OF COOPERATION

The article is devoted to consider today's Indian – EU cooperation. Economics and power industry have become one of the priority directions of the politics of India and the EU. In 2004 it was signed the Strategic partnership between India and the EU that gave new perspectives and opportunities for the states. The majority of new economic, energy and ecological projects between India and the EU make a contribution not only to the development of social and economic conditions in the countries but also to the reinforcement of the strategic partnership between India and the EU.

Key words: India; the EU; South Asia; Narendra Modi; power industry; economic projects.

ЕС и Индия являются сегодня важными геополитическими глобальными центрами силы, от внешней политики и стратегического сотрудничества которых в определенной степени будет зависеть конфигурация международных отношений во второй

половине XXI в. Быстроразвивающиеся экономические и политические гиганты в Азии, Африке и Латинской Америке пытаются вырваться из рамок региональных держав, стремятся оказать влияние на мировую политику и активно участвовать в принятии важных решений на международном уровне [Сидорова 2009]. Так, Германия сегодня является крупнейшим иностранным инвестором в государства Латинской Америки, что представляет значительную ценность для развития экономики региона [Емельянов 2017].

Европейские лидеры понимают, что Индия, одна из самых больших демократических стран, стремительно развивается и делает определенные успехи не только в экономике и IT сфере, но и в энергетике, и в космической области. По мнению Ф.Н. Юрлова, «к решающим факторам, которые оказывали и будут оказывать влияние на формирование внутренней и внешней политики Индии, рост ее экономики в XXI в., можно отнести то, что страна развивается по демократическому пути» [Юрлов 2011, с. 3].

Отношения между ЕС и Индией развиваются посредством регулярных саммитов, а также министерских, парламентских и экспертных встреч. В 2004 г. было заключено Стратегическое партнерство между ЕС и Индией [EU-India Relations 2016], в 2005 г. на саммите был принят План по совместным действиям ЕС – Индии (EU-India Joint Action Plan, the «JAP»), который был модернизирован в 2008 г. Важным событием в развитии стратегического партнерства между ЕС и Индией явился прошедший 30 марта 2016 г. в Брюсселе Тринадцатый саммит лидеров ЕС – Индии, на котором ЕС представляли Жан-Клод Юнкер и Дональд Туск, индийскую делегацию возглавлял Нарендра Моди [EU-India summit 2016]. На саммите была одобрена обеими сторонами Программа действий ЕС и Индия на 2020 г. Это дорожная карта, в которой расписаны практические действия на последующие пять лет, в том числе вопросы в области политики и безопасности, прав человека, глобальные проблемы, расширение сотрудничества в науке и образовании, а также углубление контактов между гражданами ЕС и Индии. Одними из самых важных преимуществ Индии прежде всего являются высокие темпы роста экономики, а также высокий уровень рождаемости и отсутствие проблемы старения населения. Кроме того, Индия имеет преимущества по сравнению с ЕС и США благодаря численности населения и недорогой рабочей силе. Более

того, Индия готовит своих собственных специалистов, владеющих английским языком в сфере IT-технологий и программного обеспечения, что способствует интеграции этих специалистов в международное сообщество и дает возможность производить более сложную и конкурентоспособную продукцию. Однако существенные недостатки Индии заключаются в низком показателе ВВП на душу населения, в неэффективной и экологически устаревшей промышленности, в нерешенных территориальных спорах (например, продолжающаяся территориальная проблема Кашмира между Индией и Пакистаном).

По мнению Т.Л.Шаумян, потенциал Индии сейчас находится на пике: «По численности населения Индия вдвое превосходит Европейский союз» [Шаумян 2013, с. 44]. «Де-факто ядерная держава, рост ВВП которой достигается ускоренным развитием сектора услуг и современных IT-технологий. Экспорт информационных технологий доходит до 14 %. Индийская фармацевтическая промышленность производит четверть мировых лекарственных препаратов. А укрепление военно-промышленного потенциала базируется на ускоренном прогрессе экономики и использовании современных информационных технологий для совершенствования вооружений» [Емельянова 2017, с. 30]. Официальные представители стран ЕС и Индии заявили, что необходимость в сохранении экономических отношений является одним из основных вопросов, поскольку государства стремятся в дальнейшем укреплять не только экономическое партнерство, но и развивать ряд совместных торгово-экономических программ. Например, «программа ЕС о создании рабочих мест, экономическом росте, социальной справедливости и демократических преобразованиях, а также инициативы Индии «Sabka Saath» («Коллективные усилия») создают новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества» [Визит премьер-министра Индии в Бельгию 2016, с.2].

Кроме того, политики подтвердили, что благодаря возобновлению переговоров между ЕС и Индией по вопросам всеобъемлющего торгового и инвестиционного соглашения имеет большое значение для укрепления экономического сотрудничества между странами. Лидеры отметили, что «обязательства Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) крайне важны для устойчивого социально-экономического развития Индии», тем самым одобрив,

«совокупную ссуду в размере 450 млн евро в качестве участия в строительстве первой линии метрополитена в городе Лакхнау. Соглашение о первом транше в размере 200 млн евро было подписано Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) и правительством Индии. Лидеры одобрили заявление Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) о предстоящем открытии в Нью-Дели регионального представительства Банка в Южной Азии» [Визит премьер-министра... с. 3].

Необходимо отметить и еще одну важную область сотрудничества между ЕС и Индией – это энергетика. В целом отношения между ЕС и Индией в энергетической сфере развиваются в позитивном ключе, однако существуют точки расхождения. К примеру, негативную реакцию вызывают у стран ЕС случаи несоблюдения Индией договоров по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу и невозможность быстрой модернизации предприятий из-за ряда финансовых сложностей в Индии. Во время прошедшего в Нью-Дели 6 октября 2017 г. Четырнадцатого ежегодного саммита между Индией и ЕС затрагивался вопрос о развитии сотрудничества ЕС и Индии в энергетике. Жан-Клод Юнкер, Дональд Туск и Нарендра Моди приняли совместное заявление о чистой энергии и изменении климата, подтвердив также и обязательства по Парижскому соглашению от 2015 г. Лидеры Индии и ЕС отметили, что борьба с изменением климата и обеспечение доступных и устойчивых поставок энергоресурсов являются неотъемлемыми составляющими экологической и энергетической безопасности, а также прогрессом в «Партнерстве по чистой энергии и климату», принятому на саммите ЕС – Индия в 2016 г. Тем самым лидеры ЕС и Индии подтвердили свою приверженность в дальнейшем реализовывать проекты в соответствии с Программой, согласованной на заседании Энергетической группы ЕС – Индия в октябре 2016 г. Индия и ЕС планируют развивать свое сотрудничество, но при этом постепенно сокращать расходы на разработку и внедрение проектов в области возобновляемых источников энергии благодаря новым технологиям и инновациям, обмену знаниями, наращиванию технического и ресурсного потенциала, инвестициям и созданию взаимовыгодных энергетических проектов.

Лидеры ЕС и Индии подчеркивают важность сохранения экономического роста своих государств и одновременно продвижения новых технологий и современных предприятий без ущерба для

окружающей среды. Таким образом, они планируют осуществить переход к цикличной экономической модели, которая уменьшает потребление первичных ресурсов и улучшает использование вторичного сырья.

Индия с ее устойчивым демографическим и экономическим ростом является превосходным партнером для стран ЕС. По статистике, ЕС является крупнейшим торговым партнером Индии: 13,5 % общей торговли приходится на Индию, опережающей по этим показателям и Китай (10,8 %), и США (9,3 %). Индия является девятым крупнейшим партнером ЕС. Так, в 2016 г. экспорт из стран ЕС в Индию составил 37,8 млрд евро. Кроме того, за 2016 г. торговый оборот между ЕС и Индией превысил 77,1 млрд евро. К ключевым экспортным товарам ЕС в Индию можно отнести машины и бытовую технику (30,5 %), драгоценные камни и ювелирные изделия (19 %), химическую продукцию (10,7 %), основой импорта ЕС являются текстиль и одежда (19,8 %), химическая продукция (15 %), машины и приборы (12,1 %) [EU-India summit 2016].

Премьер-министр Индии и лидеры ЕС отметили особый вклад Международной группы экспертов, Министерства окружающей среды, лесов и изменения климата Индии и Национального института по преобразованию Индии (NITI Aayog) в повышение эффективности использования ресурсов на глобальном уровне. Ими была разработана стратегия экономического перехода, направленного на улучшение использования вторичного сырья и защиту окружающей среды. Кроме того, лидеры ЕС и Индии договорились о дальнейшем сотрудничестве в области экологических проблем, таких как управление водными ресурсами и загрязнение воздуха, а также отметили прогресс в осуществлении водного партнерства между Индией и ЕС. Так, были инициированы совместные проекты по расширению партнерства в области инноваций и развитию технологий для активизации сотрудничества между европейскими и индийской отраслями промышленности и экосистемами. Евроатом и Департамент по атомной энергии Индии заключили Соглашение о сотрудничестве в области исследований и развития в сфере мирного использования ядерной энергии, направленное на дальнейшее укрепление ядерной безопасности. Такое сотрудничество между ЕС и Индией приведет к внедрению неэнергетических технологий в таких областях, как водное обеспечение, окружающая

среда, здравоохранение и медицина в интересах международного сообщества. Развитие проектов между ЕС и Индией в термоядерной энергетике базируется на соглашениях, участниками которых они являются, в том числе в рамках Соглашения по сотрудничеству в области энергетики, а также в рамках Евратома. Учитывая проблемы безопасности в связи с военными конфликтами во многих регионах, участвовавшими террористическими атаками и ежегодно возрастающими случаями киберпреступлений, на Тринадцатом саммите была затронута важная тема, связанная с успешным диалогом между странами ЕС и Индией об информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ). Лидеры ЕС и Индии подтвердили, что намерены расширять связи между «инициативой “Цифровая Индия” и “Единый цифровой рынок” ЕС путем усиления сотрудничества в области кибербезопасности, стандартизации ИКТ, управления Интернетом, научных исследований и инноваций (например, языковых технологий, созданий сети инновационных стартап-компаний Индии и ЕС). Они также согласились развивать сотрудничество бизнес для бизнеса за счет расширения присутствия индийских IT-ITeS (информационные технологии – услуги на основе информационных технологий) компаний с активным участием компаний ЕС в рамках программы “Цифровая Индия”» [Визит премьер-министра... с. 5].

Нарендра Моди отстаивает интересы Индии как внутри страны, так и за ее пределами. Инициатива, официально провозглашенная индийским премьер-министром, «Делай в Индии!» («Make in India!») направлена на ускорение индустриализации Индии, развитие промышленности и экономики, борьбу с безработицей, расширение рынков сбыта и улучшение инвестиционного климата в стране. На Тринадцатом саммите лидеров ЕС и Индии политики признали, что «благоприятный деловой климат является ключевым фактором для повышения инвестиций, раскрытия потенциала торговых отношений между ЕС и Индией и поддержки инициативы “Делай в Индии!”» [там же].

Таким образом, на развитие стратегического партнерства между ЕС и Индией влияют многие факторы: это и внутриевропейские вызовы, неразрешенные конфессиональные и территориальные проблемы как внутри Индии, так и между южноазиатскими странами, внешняя политика администрации Дональда Трампа,

проводимый КНР новый внешнеполитический курс с ее стратегическим проектом «Новый шелковый путь». Однако Индия является сегодня для стран ЕС превосходным партнером в различных областях, что делает ее незаменимым партнером для европейских государств в экономических, энергетических и гуманитарных проектах, тем самым способствуя расширению и укреплению стратегического партнерства между ЕС и Индией в среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Емельянов А. И.* Национальные интересы Германии в Латинской Америке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 3 (787). С. 28–35.
- Емельянова Н. Н.* Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы // Перспективы. URL: www.perspektivy.info/rus/gos/_magkoje_obajaniye_indii_preimushhestva_i_predely_2016-03-21.htm
- Визит премьер-министра Индии в Бельгию // Индийский вестник. Бюллетень посольства Индии в России. Март–апрель 2016. С. 2–6. URL: www.indianembassy.ru/downloads/indian-vestnik/2016-Indisky%20Vestnik%20March-April%20Russian.pdf
- Сидорова Г. М.* Роль Европейского союза в разрешении кризисных ситуаций в Африке // Международные аспекты конфликтных ситуаций в Африке. 2009. С. 34–42. (Сер. Поддержка ООН. Сила права.)
- Шаумян Т. Л.* Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. 2013. №3 (13). С. 44–63.
- Юрлов Ф. Н.* Внешнеполитические приоритеты: амбиции и проблемы // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 2–10.
- EU-India Relations, 2016. URL: eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_india_factsheet.pdf
- EU-India summit, Brussels, 30.03.2016. URL: www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2016/03/30/

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ В 1990–2010 гг.

Понятие свободной, независимой печати практически не было свойственно российской общественной и военной жизни. Во времена Советского Союза военная печать, как и всякая другая, находилась под жестким контролем ЦК КПСС. Непосредственно в Вооруженных силах СССР печать контролировало Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского флота. Минобороны издавало около двух десятков ежемесячных журналов. Примечательно, что только в Группе советских войск в Германии выходило 22 наименования дивизионных газет. Центральным печатным органом всей советской силовой системы многие десятилетия выступала газета «Красная звезда» – эталон военной журналистики, обязательный в своих основных чертах для других военных изданий.

После распада Советского Союза в России возникла объективная потребность в новых военных СМИ. Вакуум в профессиональной военной информации не мог долго сохраняться. Наиболее перспективными проектами оказались журналы «Солдат удачи», «Сержант» и др., а среди газет еженедельник «Независимое военное обозрение» (НВО). Каждое издание имело своего военного читателя. «Солдат удачи» и «Сержант» в основном были ориентированы на рядовой и младший командный состав, а НВО – на старших офицеров, производственную и научную интеллигенцию оборонно-промышленного комплекса (ОПК). «Независимое военное обозрение» получило широкое распространение и среди политической элиты, функционеров различного рода аппаратов, где принимаются важные и ответственные решения.

С первых же дней существования НВО позиционировало себя как некая часть инструмента гражданского контроля над силовыми ведомствами. С другой стороны, широкому кругу представителей силовых структур и оборонно-промышленного комплекса была крайне необходима трибуна, свободная от прежних, набивших оскомину клише. И эту трибуну представляло собой НВО. Популярность независимого военного издания объясняется именно тем, что еженедельник не замкнулся только на какой-либо одной группе вопросов, а имел многотематический комплексный характер. Читателю предоставлялась возможность ознакомиться с материалами по внешней и внутренней военной политике, проблемам военной реформы, различным аспектам состояния Вооруженных сил, их финансирования, обучения и воспитания личного состава, дисциплины и социальных условий, технического оснащения, производства вооружений, их экспорта, а также ответы на множество других больших и малых проблем, связанных с военной жизнью не только России, но и других

государств. В результате «Независимое военное обозрение», став лицензированным еженедельником в 1997 г. и взяв стремительный старт с четырех тысяч экземпляров, стало лидером российской военной печати, десятикратно увеличив свой тираж за короткий срок.

Показательно, что коммерческая военная печать интересна не только людям в погонах. Она представляет интерес и для гражданского общества. Коммерческая военная печать в поисках решений сложных военно-политических, военно-технических, социально-бытовых, исторических и других актуальных проблем предоставляло свои страницы тем авторам, которые способны были привнести новые идеи, предложить рациональные пути решения насущных задач. Серьезный, вдумчивый читатель осознал широкие возможности гражданско-военной (коммерческой военной) печати. Ему импонировали прежде всего информативность, достоверность, объективность, оперативность. Военный читатель доверял коммерческим СМИ намного больше, чем ведомственным. В то же время военное командование всевозможными способами пыталось увести внимание подчиненных от нового, чуждого ему вида военных СМИ.

В конце нулевых годов, в связи с новым владельцем дома «Независимой газеты», принципиально изменилась редакционная политика – требовался контакт и «понимание» представителей власти, а для НВО это означало налаживание комплементарных отношений с Министерством обороны. Как следствие, рейтинг НВО резко понизился, и сегодня еженедельник занимает уже 30 место в списке популярности российских газет. Интерес и внимание читательской аудитории к материалам некогда лидера военной печати значительно снизились.

Ключевые слова: гражданско-военные отношения; СМИ; военная пресса; коммерческая печать; редакционная политика.

V. A. Soloviev

Head of Department in journalism, PhD in history;
e-mail: vsmurens1@gmail.com

THE FORMATION OF AN INDEPENDENT MILITARY PRESS IN RUSSIA IN 1990–2010

The notion of a free, independent press practically was not peculiar to the Russian public and military life. During Soviet times, military prints, like any other, was under strict control of the CPSU CENTRAL COMMITTEE. Directly in the armed forces controlled the Main printing political management of the Soviet army and Navy Defense published about two dozen monthly magazines. It is noteworthy that only in the Group of Soviet forces in Germany went 22 divisional names of newspapers. Central organ of the entire Soviet power system for decades advocated newspaper «Krasnaya Zvezda» – standard military journalism, mandatory in its basic outline for other military publications.

After the collapse of the Soviet Union in Russia emerged an objective need for new military media. Vacuum in professional military information could not

long continue. The most promising projects were magazines "Soldier of Fortune", "Sergeant", etc., and among the newspapers-weekly "Nezavisimoye Voennoye Obozreniye» ("The NWO"). Each of the publications had its military reader. "Soldier of Fortune", and "Sergeant" mainly focused on a member and junior officers, and "The NWO" senior officers, industrial and scientific intelligentsia of the military-industrial complex. "The NWO" was also widespread among the political elite, functionaries of various kinds of apparatus, which takes important and responsible decisions.

From the very first days of its existence "The NWO" positioned itself as a part of the tool of civilian control over the security forces. Law enforcement officers and the PJС was essential Tribune without precedent, which avoid clichés. Representatives of the military and military-industrial circles have found this in the "The NWO". The popularity of independent military Edition explains exactly what the weekly had not only on any one cluster, and had many thematic, integrated nature. The reader had to simultaneously find sexually explicit material external and internal military policy, military reform issues, different aspects of the armed forces, funding, training and education of personnel, discipline and social conditions, equipment, production of armaments, their exports, as well as answers to many other large and small problems associated with military life not only Russia, but also other States. As a result of "Nezavisimoye Voennoye Obozreniye".

It is significant that commercial military seal of interest not only to people in uniform. We came to the conclusion it is of interest to civil society as a whole. Commercial military seal in search for adequate solutions to the complex military-political, military, social, historical, and other topical issues provided page authors who were able to bring new ideas, propose rational solutions to pressing challenges. Serious, thoughtful reader realized the wide possibilities of civil-military (commercial military) printing. He impressed above all informative, accuracy, objectivity, speed. The military reader trusts the commercial MEDIA much more than institutional. At the same time, the military command in all sorts of ways tried to divert attention from new, alien subordinates he kind of military mass media.

In the late 2000s, the new owner of the House, "Nezavisimaya Gazeta" fundamentally changed editorial policy is needed contact and "understanding", and for "The NWO" is meant to establish complementary relationships with The Ministry of defence. As a result, the rating fell sharply "The NWO" today weekly takes already 30 in its list of the popularity of Russian newspapers. The interest and attention of the audience to the material once the leader of the military press, declined significantly.

Key words: civil-military relations; media; military press; commercial printing; editorial policy; information conflicts.

Понятие свободной, независимой печати практически не было свойственно российской общественной и военной жизни. Наиболее известная военная газета «Русский инвалид» (термин

«инвалид» два столетия назад означал «ветеран») издавалась в Петербурге в 1813–1917 гг. Газету основал чиновник Павел Пезаровиус в патриотически-благотворительных целях (доход предназначался инвалидам войны, солдатам, вдовам и сиротам). Со временем, в 1862 г. «Русский инвалид» всё же стал официальной газетой Военного министерства, а чуть позже и Генерального штаба. Наиболее известный в XIX в. военный журнал «Военный вестник» выпускался также под патронажем военного ведомства.

Отсутствие того, что сегодня именуется свободой слова, в далекие времена становления военной печати компенсировалось понятиями воинской чести, несовместимой с подтасовкой информации, лицеприятной ложью, угодничеством перед начальством. С той поры до наших дней дошли, изменяясь и трансформируясь в идеологических условиях различных правящих режимов, такие ведомственные периодические издания, как «Морской сборник» и «Военно-медицинский журнал».

Становление военной печати

Во времена Советского Союза военная печать, как и всякая другая, находилась под жестким контролем ЦК КПСС. Непосредственно в Вооруженных Силах ее контролировало Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского флота. Система идеологического воздействия не знала равных по мощности в мировой практике: было развернуто 20 окружных и флотских газет (военных округов, четырех флотов и трех флотилий). Свои газеты выпускали все армии и большинство дивизий (а их было более двух сотен только в сухопутных войсках). Минобороны издавало около двух десятков ежемесячных журналов. Примечательно, что только в Группе советских войск в Германии выходило 22 наименования дивизионных газет. Центральным печатным органом всей советской силовой системы многие десятилетия выступала газета «Красная звезда». Помимо всего прочего она позиционировалась как эталон военной журналистики, обязательный в своих основных чертах для других военных изданий [Третьяков 2001].

Модель военной прессы советской эпохи являла собой хорошо налаженную индустрию массовой печати, в которой трудились несколько тысяч военнослужащих. Практически каждый политработник готовился как потенциальный журналист – пропагандист

и агитатор, способный владеть не только устным словом, но и письменным. Офицеры-аппаратчики окружного, армейского, дивизионного и равных им звеньев всех видов вооруженных сил не только курировали соответствующие печатные издания, но и обязаны были систематически публиковать свои авторские материалы. Эта деятельность постоянно находилась под контролем вышестоящих политорганов и служила одним из важных измерений качества работы идеологического звена офицерского состава.

Ситуация резко изменилась в 1990-е гг., когда в России коренным образом стали меняться общественно-политические условия, утверждаться принципы демократии и свободы слова.

Руководство Минобороны, используя метод пропорционально-долевого сокращения характерного для всего военного реформирования в России, провело значительные сокращения подведомственных СМИ. В результате, по данным на 2001 г., осталось 9 центральных газет и журналов, 11 окружных и флотских газет, газет объединений (армии и флотилии) – 7, соединений (дивизий) – 22. Периодичность их издания резко снизилась – от ежедневных до еженедельных в лучшем случае [Современная российская военная журналистика... 2002].

Маневрируя в годы перестройки, Министерство обороны и ЦК КПСС учредили корпус военных журналистов в гражданских газетах, журналах, на радио и телевидении. В основном это были отставники или специально прикомандированные офицеры. Контроль за их деятельностью был многоканальным как со стороны военного командования, так и со стороны политических органов и военной цензуры. С началом демократизации «военспецы» хотя и адаптировались к требованиям своих СМИ, тем не менее ни одно из них не было способно замкнуть именно на себя внимание военной аудитории. Впрочем, руководство самих печатных изданий такой цели и не ставило, хотя люди в погонах, а также труженики оборонно-промышленного комплекса составляли на начало 1990-х гг. значительную часть общества: по самым скромным оценкам, не менее 20 млн человек. Ведомственные СМИ не могли удовлетворить читательские интересы этой аудитории, поскольку чрезвычайно сильно диссонировали по всем критериям со свободной печатью, которая в те годы отличалась прежде всего тем, что избавилась от пут партийности, казенщины, официальной лжи и полуправды.

Началось и организационное развитие гражданско-военного общества. В. К. Белозёров выделяет две характерные тенденции того периода. Первая характеризуется деятельностью негосударственных организаций различного профиля, проявлявших повышенное внимание общества к проблеме соблюдения прав и свобод граждан в связи с военной службой. Вторая тенденция отражала разноплановые действия органов государственной власти и военного управления, их адаптацию к меняющимся социально-политическим условиям [Белозёров 2017], необходимости анализировать огромные массивы информации, закономерности политической сферы и общественной жизни, строить модели политических систем и процессов, а также проводить эксперименты над такими моделями [Цацкина 2017].

Таким образом, в России возникла объективная потребность в новых военных СМИ. Первыми это почувствовали политики. Заигрывая с военным электоратом, они инициировали выпуск различных специализированных газет для служивых людей. Но целевая установка предопределила провал этой кампании. Газеты для военных под эгидой политиков (например, «На службе Отечества», «Правда Жириновского», «Офицеры доблести» и др.) не смогли перерасти уровень безыскусных агиток, и потому были отвергнуты теми, для кого предназначались. После выборов в 1990-е гг. этот опыт остался практически невостребованным. Кандидатам на политические посты более доступны региональные и местные СМИ, куда они наиболее экономичным и эффективным образом вкладывают средства, выделенные на предвыборную борьбу.

Объективная необходимость

Тем временем неплохой старт взяла другая печатная продукция – журнальная, опиравшаяся на военно-промышленный комплекс. Это прежде всего журнал «Военный парад», который рекламировал российское вооружение и боевую технику, предназначенную для экспорта. Первоначально журнал издавался на английском языке, т. е. был ориентирован на иностранного читателя. Более или менее преуспевали аналогичные издания, в основном связанные с самой богатой частью оборонно-экспортного бизнеса – авиационной. Сфера их интересов по вполне понятным причинам – исключительно военная техника. Проблемы людей в погонах,

военная политика, социальные проблемы, связь с обществом – всё это оставалось за рамками публикаций, в основном становясь уделом ведущих коммерческих газет и журналов. Причем военная проблематика интересовала эти издания только в части, касающейся общеполитических и экономических тенденций в стране. По сути дела, освещение военных тем носило несистемный и несистематический характер, велось от случая к случаю, подчас и мало профессионально. На этом информационном поле до середины 1990-х гг. безраздельно господствовали ведомственные газеты и журналы, по-прежнему трактовавшие свои темы под ракурсом, выгодным военному командованию и спецслужбам. Их популярность катастрофически падала, а тиражи практически опустились до уровня насыщения «красных уголков» воинских подразделений, полковых библиотек, гарнизонных домов офицеров, словом, служебной подписки.

Вакуум в профессиональной военной информации не мог долго сохраняться по чисто объективным причинам. Наиболее перспективными проектами оказались журналы «Солдат удачи», «Сержант» и ряд других, а среди газет – еженедельник «Независимое военное обозрение» (НВО).

Каждое из изданий имело своего военного читателя. «Солдат удачи» и «Сержант» в основном ориентированы на рядовой и младший командный состав, а НВО – на старших офицеров, производственную и научную интеллигенцию оборонно-промышленного комплекса. НВО получило также широкое распространение и среди политической элиты, функционеров различного рода аппаратов, где принимаются важные и ответственные решения.

С первых дней существования НВО позиционировало себя как некая часть инструмента гражданского контроля над силовыми ведомствами. Силовики это понимали и ценили еженедельник. Время было такое, когда шел поиск ответов на животрепещущие вопросы переустройства социально-политической системы, подвергались коренной переоценке прежние стереотипы и догмы. Силовикам и ОПК была крайне необходима трибуна без прежних, набивших оскомину клише. Представители военных и военно-промышленных кругов нашли эту трибуну в НВО.

Иностранные военные специалисты отмечали, что подобного независимого издания нет даже в их странах. В основном там

такая независимая пресса издается обществами отставников, которые подпитываются в национальных оборонных ведомствах или представляют интересы определенных военно-промышленных кругов. В итоге независимость военной печати за рубежом получалась весьма условной. В России же НВО издавалось одной из центральных, популярной и полностью гражданской «Независимой газетой». Финансовый источник – исключительно коммерческая деятельность [Соловьев 2010].

Популярность НВО объясняется именно тем, что еженедельник не ограничился только одной группой вопросов, а имел много тематический, комплексный характер. Читатель имел возможность одновременно находить откровенные материалы по внешней и внутренней военной политике, проблемам военной реформы, различным аспектам состояния вооруженных сил, их финансирования, обучения и воспитания личного состава, дисциплины и социальных условий, технического оснащения, производства вооружений, их экспорта, а также ответы на множество других вопросов, связанных с военной жизнью не только России, но и других государств.

Показателен для общественных процессов в России сам факт появления на свет НВО. Авторитетная в то время «Независимая газета», учрежденная как коммерческая в декабре 1990 г., стала получать довольно много материалов от военных. Из-за своего смелого, откровенного содержания эти материалы не принимали к публикации ведомственные газеты и журналы. Не понимали их сути и в гражданских СМИ, поскольку в статьях преобладала военная специфика, малоинтересная, по мнению руководителей газет, для широкого круга читателя.

К середине 1990-х гг. «Независимая газета» приобрела наибольшую популярность среди военной интеллигенции и элиты. Материалы знаменитых генералов, военных академиков и профессоров, ведущих лиц оборонно-промышленного комплекса стали поступать в редакцию в таком количестве, что опубликовать их в ежедневной газете было просто невозможно. Свести их в постоянно издаваемое, специализированное приложение оказалось делом вполне естественным.

В результате «Независимое военное обозрение», став лицензированным еженедельником в 1997 г. и взяв резкий старт с четырех

тыс. экземпляров, стало лидером российской военной печати, десятикратно увеличив свой тираж за короткий срок.

Для России, где в 1990-е гг. покупательная способность населения оставалась минимальной, такой тираж представлялся чрезвычайно высоким. Особенно если учесть, что, во-первых, НВО представляло собой, по сути, отраслевое, «цеховое» издание, в то время как не всякий общеполитический еженедельник был способен достичь такого объема выпуска.

Во-вторых, число читателей НВО в несколько раз превосходит его тираж, поскольку повсеместно – от Генштаба и военно-учебных заведений до военных пенсионеров – была распространена практика, когда в целях экономии личных средств, один экземпляр еженедельника приобретался на несколько человек (от трех до двух десятков). В общем интернет-рейтинге российской прессы НВО по пятницам и субботам (дни выхода тиража) в период 1998–2010 гг. занимало десятое место по кликам (обращениям) пользователей, а в другие дни недели не опускалось ниже пятнадцатого [Соловьев 2006]. Это был знак высокого читательского признания. Рейтинговое место НВО находилось в промежутке между «Новой газетой» и «Московскими новостями», наиболее читаемыми газетами того времени.

Немаловажное значение для большой популярности имел высокопрофессиональный состав редакции НВО. Трое сотрудников имели дипломы Академии Генштаба – кузницы генеральских и адмиральских кадров. Среди редакторов – отставные офицеры, имевшие богатый опыт службы в войсках и горячих точках.

Два полюса

Общественно-политический феномен НВО обусловлен рядом факторов. Он мог возникнуть только в тех специфических условиях, которые сложились в России в 1990-е гг., прежде всего в силу того, что военное командование оказалось неспособно перестроить работу военных СМИ с учетом двух взаимосвязанных факторов: экономического рынка и свободы слова.

В те годы многие генералы и ведущие офицеры пресс-служб выезжали за рубеж, чтобы изучить опыт военного информирования, но оказались не в состоянии понять его и перенести на отечественную почву. Чем дольше руководители средств массовой

информации силовых ведомств России упорствовали в сохранении советских схем функционирования ведомственной печати, тем активнее протекала ее деградация и тем выше поднимался авторитет альтернативных (коммерческих) военных изданий [Ремчуков 2018].

Коммерческая военная печать, сама того не сознавая, начала выполнять весьма важную функцию в общественно-политическом развитии России – в силу своей независимости она стала играть роль одного из рычагов гражданского (политического) контроля над силовыми структурами, опираясь в первую очередь на информацию от своих читателей. Ведомственным военным изданиям, прежде всего из-за их статуса, сложно подняться до этого уровня. Независимые военные журналисты не заинтересованы в искажении фактов, в то время как ведомственные обязаны приукрашивать действительность в силу своего положения и в соответствии с указаниями свыше. Эту же мысль проводит Г.М. Сидорова в своей статье «“Мягкая сила” как инструмент формирования ментальности» [Сидорова 2017].

Дискуссия, развернутая на страницах НВО весной–летом 2001 г., показала, что многие ведомственные военные журналисты осознают двойственность своего положения, но не могут с этим ничего поделать, поскольку военное командование не заинтересовано в решительном реформировании системы военных СМИ, перестройке ее работы на принципах демократического государства.

Именно по этой причине командование демонстрировало негативное отношение к коммерческой военной печати, хотя было доподлинно известно, что каждую пятницу рабочий день в МО начинался со знакомства именно с ее материалами. Вполне понятно, что военное руководство всячески противилось распространению коммерческой военной печати в войсках. Кроме того, применялась тактика «прикормленных» журналистов из других, вроде бы независимых общественно-политических изданий. Те же были готовы день и ночь живописать «успешную деятельность» на ниве реформирования вооруженных сил, военных побед в Чечне в 1990-х гг., решения социальных проблем и т. д.

Коммерческая военная печать не могла опускаться до подобострастного уровня – это дискредитировало бы идею гражданского (политического) контроля над силовыми структурами в условиях демократического общества.

Военным руководителям, естественно, было не по душе, когда они, «вглядываясь в зеркало» коммерческих военных СМИ, видели совсем не то, что происходило в вооруженных силах на самом деле. Вопиющая правда входила в острейшее противоречие с личными амбициями военной верхушки, вызывая трения между силовыми ведомствами и коммерческой печатью. Не имея достойных аргументов в споре, часть генералитета скатывалась к «навешиванию ярлыков» на ненавистные СМИ типа «подручные НАТО», «интриганы от олигархов», «пятая колонна Пентагона».

Стало практикой использование репрессивного аппарата для сдерживания активности гражданско-военной (коммерческой) военной печати вплоть до попыток обвинить ее в разглашении военных и государственных тайн и других уголовных преступлениях того же калибра. Таким образом, сами военачальники, идеологи военной политики не только не были заинтересованы в развитии коммерческих военных СМИ, но и предпринимали решительные действия, чтобы вытеснить их с информационного рынка.

В целом ситуация имела и глубокий политический подтекст в сфере гражданско-военных отношений. Политолог А. А. Кривопапов отмечает: «Верховная власть в постсоветской России в своих взаимоотношениях с армией предпочла сохранить буфер в виде Министерства обороны. В этой промежуточной инстанции, возглавляемой человеком, особо приближенным к первому лицу государства, импульс высочайшей политической воли преломляется в практические шаги по военному строительству. Тем самым первое лицо сохраняет общий контроль над армейским аппаратом. Министр же ограждает верховного главнокомандующего от встречного давления со стороны военной элиты и общественного мнения» [Кривопапов 2017].

Военный читатель и авторский корпус

В России не ведется систематического изучения читательской военной аудитории. Однако интернет-опрос, постоянно проводимый НВО, дает некоторое представление о том, что вызывало наибольший интерес. Это в основном материалы, посвященные вооружению и военной технике, вскрывающие белые пятна в отечественной военной истории, анализирующие внутреннюю и внешнюю военную политику, представляющие военные и военно-промышленные концепции и другие темы.

Читательские интересы распределяются довольно равномерно, что подтверждало вывод о целесообразности издания широкой по тематике военной газеты. Тираж узкотематических изданий по военной проблематике, как показывает российская практика, не превышает 5–7 тыс. экземпляров. Тираж же НВО оказался в несколько раз выше.

Показательно, что коммерческая военная печать интересна не только людям в погонах. По нашим наблюдениям, она представляет интерес для гражданского общества в целом. И этот показатель довольно значим и составляет около 40 %. Среди различных категорий офицеров интерес к газете также распространяется довольно равномерно.

Информационные потребности военной аудитории профессионально широки. В целом они проецируются на общенациональные интересы читателей, но с коррекцией на военную специфику и язык, понятный военнослужащим. При этом информационные пласты остаются по большей части идентичными: это внешняя и внутренняя политика в ее военных аспектах, ликвидация белых пятен военной истории, концептуальные подходы в реформировании вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса, достижения науки и техники, т. е. проблемы вооружений. Кроме того, интерес вызывают социально-бытовые проблемы в преломлении военных городков, жизни казармы, проектов законов, планов и решений президента и правительства. Высок интерес к обычным и необычным судьбам военных людей. НВО своими материалами помогало удовлетворять информационную жажду читателей.

Коммерческая военная печать в поисках адекватных решений сложных военно-политических, военно-технических, социально-бытовых, исторических и других актуальных проблем предоставляла свои страницы тем авторам, которые способны привнести новые идеи, предложить рациональные пути решения насущных задач. При этом, например, редакция НВО всячески избегала роли арбитра, оставляя ее читателю. Таким образом реализовывался критерий объективности в публикуемых материалах.

В острых дискуссиях на ту или иную тему имеют возможность принимать участие и читатели, соображения которых публикуются без купюр, при одном условии: они должны нести что-то новое, способное дать пищу для размышлений.

Естественно, такая позиция способствовала формированию вокруг НВО корпуса экспертов. Наиболее значимые публикации по проблемам разоружения и поддержания стратегической стабильности принадлежали знаковым фигурам Минобороны, генералам и старшим офицерам, непосредственно занятым как в переговорном процессе, так и в той сфере, которую эти процессы затрагивают. Почти аналогичные суждения высказывают академики и доктора Академии военных наук, принципиальные отличия довольно редки.

Позиции МИДа отстаивали соответствующие должностные лица. У научно-исследовательских и академических институтов, таких как Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений, имелись свои глубоко аргументированные точки зрения. Не оставались в стороне депутаты Государственной думы, особенно из профильных комитетов по обороне, безопасности и международным делам. Их руководители и сотрудники аппаратов активно предлагали свои материалы.

В этом экспертном сообществе постоянно звучали голоса российских политиков. Известное разнообразие в ход дискуссий вносили и точки зрения «той стороны», видных и авторитетных представителей военных, научных и политических кругов США, других стран НАТО, государств и политических сил, активно участвующих в наиболее значимых военных конфликтах и войнах.

Аналогичным образом происходило формирование экспертного сообщества и в других секторах военной проблематики. Могли меняться фамилии и названия организаций, но всегда это был симбиоз специалистов из Минобороны, научно-исследовательских организаций, представителей исполнительной и законодательной власти, политиков, зарубежных специалистов и, конечно, компетентных читателей НВО – как с учеными степенями, так и без них.

Военный еженедельник стал как для экспертного сообщества, так и для читателей своеобразной трибуной, где все имели возможность свободно излагать свои взгляды. В НВО верили, как в издание, которое не ангажировано ни государственными структурами, ни политическими партиями и группировками, ни военно-промышленными структурами или какими-либо другими силами.

В связи с этим вспоминается забавный эпизод. В начале 2000-х гг. автор этих строк был приглашен в Военный университет

на факультет зарубежной журналистики для того, чтобы рассказать о работе «Независимого военного обозрения». По завершении лекционной части один из курсантов, под воздействием широко распространяемой в те годы информации о том, что, поскольку НВО финансируется Борисом Березовским, то «олигарх» диктует редакции о чем писать и как освещать проблемы МО, выступил с гневным обличением «продажности коммерческих военных СМИ». В ответ курсанту было предложено изучить материалы НВО, проследить, как еженедельник защищает интересы «олигарха» и подготовить аргументированный материал. Прилюдно было дано офицерское слово автора этой статьи и редакционное обещание опубликовать соответствующие выводы будущего военного журналиста на страницах НВО. Несколько раз курсант приходил в редакцию, ему были предоставлены все материалы, как опубликованные, так и неопубликованные. Сотрудники редакции понимали, что над этой темой трудился не только курсант, но и лучшие умы факультета журналистики Военного университета. Однако аналитический материал о работе НВО представлен не был, даже после нескольких напоминаний из газеты руководству факультета.

Серьезный, вдумчивый читатель осознал широкие возможности гражданско-военной (коммерческой военной) печати. Ему импонировали прежде всего информативность, достоверность, объективность, оперативность. Военный читатель доверял коммерческим СМИ много больше, чем ведомственным. В то же время военное командование всевозможными способами пыталось увести внимание подчиненных от нового, чуждого ему вида военных СМИ.

Гармоничный мир ко всеобщей пользе общества и военных так и не состоялся, хотя, как свидетельствует приведенный материал, предпосылки для этого были. В конечном итоге возобладали авторитарные тенденции военного командования, в том числе и по отношению к военной печати. В конце нулевых годов нового столетия владельцем и главным редактором издательского дома «Независимой газеты» стал либерал центристского толка К.В.Ремчуков. Соответственно принципиально изменилась и редакционная политика – требовался контакт и «понимание» представителей власти, а для НВО это означало налаживание комплементарных отношений с Министерством обороны. Как следствие, рейтинг НВО резко упал, и сегодня еженедельник занимает уже 30 место

в списке популярности российских газет [Рейтинг российской прессы 2010–2018]. Интерес и внимание читательской аудитории к материалам некогда лидера военной печати значительно снизились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Развитие практики и теории гражданско-военных отношений в постсоветской России // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10. № 3. С. 34–53.
- Кривопалов А. А.* Армия, общество и государство в поисках оптимальной формы взаимодействия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. № 10 (3). URL: doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-3-14-33],
- Рейтинг российской прессы. URL: top.mail.ru СМИ. Газеты – сайты Рейтинга Mail.Ru
- Ремчуков К. В.* Эпоха НВО – от Грачева до Шойгу. Журналисты военного еженедельника никогда не избегали острых тем // *Независимое военное обозрение.* 18.06. 2018. URL: nvo.ng.ru/2018-06-18/1_nvo.html
- Сидорова Г. М.* «Мягкая сила» как инструмент формирования ментальности: сб. материалов «Стратегия “мягкой силы” в контексте информационных войн». Междунар. науч.-практ. конф. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 262–266.
- Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / ред. сост. М. Погорелый и И. Сафранчук. М. : Гендальф, 2002. 253 с.
- Соловьев В. А.* 600 газетных залпов в честь 15-летия // *Независимое военное обозрение.* 29.01.2010. URL: nvo.ng.ru/2010-01-29/1_nvo.html
- Соловьев В. А.* Четыре тысячи стреляющих страниц // *Независимое военное обозрение.* 17.11.2006. URL: nvo.ng.ru/2006-11-17/1_nvo.html
- Третьяков В. Т.* Сто победных залпов // *Независимое военное обозрение.* 2001. № 100. URL: nvo.ng.ru/2001-02-09
- Цацкина Е. П.* Исторический аспект интеграции математических методов и политических процессов // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2017. Вып. 3 (787). С. 95–104. (Общественные науки.)

УДК 93/94

К. А. Феофанов, Папба Нара Теймуразовна

К.А. Феофанов, доктор политических наук, профессор; профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России;

e-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Папба Нара Теймуразовна, аспирантка кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России;

e-mail: narapapba@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА**

В статье анализируются исторические предпосылки грузино-абхазского конфликта. Рассматриваются позиции стран-участниц в урегулировании конфликта. Исследуются трудности переговорного процесса и послевоенное устройство Республики Абхазия.

Ключевые слова: история Абхазии; Грузино-абхазский конфликт; российско-абхазские отношения; российско-грузинские отношения; урегулирование конфликта; Абхазия; Россия; Грузия.

K. A. Feofanov, Papba Nara Teymurazovna

Feofanov K. A., DSc (Pol.), Professor of Chair of International Relations Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry;

e-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Papba Nara Teymurazovna, Postgraduate student of Chair of International Relations Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry;

e-mail: narapapba@gmail.com

**HISTORICAL DETERMINANTS AND CONTEMPORARY PROBLEMS
OF THE GEORGIAN-ABKHAZ CONFLICT**

In the article, the historical and political prerequisites of the Georgian-Abkhaz conflict are analyzed. The positions of the participating countries in the conflict settlement are considered. The difficulties of the negotiation process and the postwar structure of the Republic of Abkhazia are investigated.

Key words: The history of Abkhazia; the Georgian-Abkhaz conflict; Russian-Abkhaz relations; Russian-Georgian relations; the settlement of the conflict; Abkhazia; Russia; Georgia.

В начале 1990-х гг., после распада СССР, на постсоветском пространстве возникли ряд непризнанных или, по терминологии российских политологов, де-факто государств – Нагорный Карабах,

Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия [Маркедонов 2006]. Непризнанные государства не стали феноменом на постсоветском пространстве, такие государства возникли на пространстве бывшей Югославии и в ряде других регионов мира. Например, еще с 1970-х гг. существует Турецкая Республика Северного Кипра, признанная только Турцией [Осия 2010].

Создание такого рода политически территориальных образований сопровождалось, как правило, вооруженными конфликтами, кровопролитием, потоками беженцев и тщетными попытками международного урегулирования проблем. В лучшем случае удавалось прекратить боевые действия и начать бесконечные переговоры, где сталкивались два на первый взгляд непримиримых фундаментальных принципа – нерушимости границ и права наций на самоопределение.

Подобные процессы можно проследить в истории Абхазии. Заселение, создание государственности, развитие отношений с соседними государствами с древнейших времен имело проблемный характер. В конце XVIII – начале XIX вв. из-за ослабления военного и политического могущества Османской империи и усиления роли Российской империи, владетельный князь Абхазии Келеш-бей Чачба взял курс на сближение с Россией [Бигуаа 2003]. Однако в 1808 г. Келеш-бей был убит, и на престол вступил его старший сын Аслан-бей, ориентированный на Турцию. В 1810 г. при прямой военной помощи России на абхазском престоле утверждается младший сын убитого владетеля Сефер-бей, принявший после крещения имя Георгий. 17 февраля 1810 г. своей грамотой император Александр I признал Георгия наследственным князем Абхазского владения «под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи» [Бгажба, Лакоба 2007, с. 392]. Абхазия на правах самоуправляемого княжества вошла в состав России. При российской военной поддержке произошло укрепление власти абхазского владетеля, который занимал достаточно высокое место в российской военной иерархии [Дзидзария 1975а]. Абхазские владетели способствовали продвижению российского влияния в абхазские вольные горские общества и земли соседних убыхов и шапсугов. К моменту окончания Кавказской войны Абхазское владетельное княжество утратило свое значение для российской администрации и было ликвидировано в 1864 г., на его территории был создан

Сухумский военный отдел, напрямую подчиненный императорской администрации на Кавказе [Абгарян, Синчук, Часихин 2010]. По мнению историка Л. И. Цвижба демографические и этнические изменения населения Абхазии напрямую связаны с войнами, колониальной политикой России, с насильственным переселением населения в Турцию и в различные области России, начало которому было положено еще в первой трети XIX столетия [Цвижба 2000]. Вторая половина XIX в. стала наиболее трагичным периодом в истории абхазского народа, отмеченным рядом массовых выселений абхазов под давлением царских властей в Османскую империю – так называемого махаджирства [Дзидзария 1975б].

В результате переселения этническая картина в Абхазии кардинально изменилась. Земли стали заселяться представителями других народов – русскими, армянами, эстонцами и прежде всего грузинами [Цвижба 2000]. Если в 1886 г. абхазы составляли 85,7 % населения Абхазии, то к 1897 г. – только 55,3 % [Бгажба, Лакоба 2007]. Эта динамика сохранялась в последующие десятилетия. В 1917 г. после крушения Российской империи Абхазия вступила в Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который впоследствии вошел в состав Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. В ноябре 1917 г. был учрежден Абхазский народный совет – первый представительный орган власти Абхазии. В мае 1918 г. Абхазия вошла в новообразованную Горскую республику, которая также объединяла Кабарду, Осетию, Чечню и Дагестан. В июне того же года территория Абхазии была оккупирована войсками Грузинской демократической республики. Правительство последней проводило политику подавления политических и национальных прав народа Абхазии. В марте 1921 г. было свергнуто грузинское правительство, что было поддержано местным населением. В 1924–1925 гг. были утверждены герб и флаг ССР Абхазии, приняты законодательные акты конституционного характера, введены в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, лесной [Синчук 2014]. Первая Конституция ССР Абхазии была принята в апреле 1925 г. Третьим Всеабхазским съездом Советов. Абхазия тогда приняла свою конституцию, в то время как автономии не имели своих конституций.

Советская власть была более гибкой в сравнении с недавней политикой Грузии. Эта тенденция объяснялась тем, что совпала с проведением в Советской России новой экономической политики (НЭП). В середине февраля 1921 г. был создан Ревком Абхазии в составе Е. Эшба, Н. Лакоба, Н. Акиртава.

На заседании пленума Кавбюро ЦК 5 июля 1921 г. (с участием И. Сталина) было решено «вести партийную работу в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики в составе ССР Грузии», также требовалось ускорить созыв съезда Советов Абхазии [Лакоба, 2005].

В феврале 1922 г. состоялся Первый съезд Советов Абхазии. На нем был ратифицирован «особый союзный договор» между Грузией и Абхазией, который зафиксировал равноправие двух республик. В декабре 1922 г. представитель ССР Абхазии Н. Акиртава подписал Договор об образовании Союза ССР. Абхазия тогда не входила в состав Грузии, а объединилась с ней в качестве «договорной республики». Этот факт был отмечен С. Лавровым в его выступлении в ходе встречи с профессорско-преподавательским составом и студентами Абхазского государственного университета и представителями общественности Абхазии в октябре 2009 г.: «История вхождения в Российскую империю, события, последовавшее после Революции 1917 г., форма вхождения Абхазии в Советский Союз на равных правах с Грузией и то, как потом статус Абхазии и Южной Осетии в составе СССР волюнтаристски менялся по решениям И. Сталина без какого-либо учета мнения народа»¹ (www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/279010).

Колониальный режим и систематическое ущемление национального достоинства неоднократно вызывали массовые протесты абхазов: требования о восстановлении статуса двадцатых годов и о переводе Абхазии в состав Российской Федерации. В этот период берет начало абхазское национально-освободительное движение, в него входили представителей интеллигенции и простые

¹ Стенограмма выступления и ответов на вопросы министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе встречи с профессорско-преподавательским составом и студентами Абхазского государственного университета и представителями общественности. Абхазии, г. Сухум, 2 октября 2009 г.

граждане, открыто выступавшие в защиту прав абхазского народа и требовавшие восстановления статуса Абхазии как союзной республики. С начала 1990-х гг. общепризнанным национальным лидером Абхазии стал Владислав Ардзинба (1945–2010). В августе 1990 г. Верховный Совет Абхазии принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики [Белая книга Абхазии 1993; Синчук, Слободчиков 2005]. Проводился курс на восстановление суверенитета и повышения государственного статуса Абхазии.

Процессы, происходившие в СССР в период руководства М. Горбачева, дали новый импульс стремлению абхазов определять свой политический статус. В 1988 г. представители абхазской общественности направили в адрес XIX Партконференции письмо, но оно осталось без должного реагирования. Была выделена инициативная группа по созданию организации, способной защитить интересы абхазского народа, отстаивать интересы многонационального населения Абхазии – «Айдгылара». Вылившиеся в июле 1989 г. в кровавый конфликт абхазо-грузинские противоречия не носили этнического характера. Они протекали на уровне «идеологической конфронтации» и политического противоборства [Авидзба 2008]. На этот важный момент обратили в свое время внимание известные правозащитники В.Максимов, В.Чалидзе. Академик А.Сахаров назвал тогда Грузию «малой империей». Абхазским национальным движением было сформулировано требование обретения Абхазией некогда утраченного статуса самостоятельной республики. В марте 1989 г. было сделано обращение о пересмотре статуса Республики Абхазия в составе Советской Федерации.

Следующий этап национального движения – принятые 25 августа 1990 г. сессией Верховного Совета Абхазии Декларация «О государственном суверенитете Абхазской АССР» и постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии».

«На нашу землю вторглись вооруженные формирования Госсовета Грузии, в числе которых уголовные элементы, которые сеют смерть и разрушения на нашей земле... На наши предложения решать вопросы взаимоотношений мирным, цивилизованным путем ответили и грабежами. И это как раз показывает истинную суть нынешнего руководства Грузии... Мы должны выстоять

в этот трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, то сеет смерть и разрушения в Абхазии...» [Ардзинба 2004, с. 25–27] – с этими словами Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба обратился к соотечественникам 14 августа 1992 г., после того, как стало известно о начале военной агрессии Грузии [Авидзба 2008].

В конце XX в. на постсоветском пространстве возникло множество «горячих точек», одной из которых стала Абхазия, превратившаяся в арену сначала непримиримого политического противостояния абхазского общества и Грузии, а затем и кровопролитной войны между ними. В результате войны (1992–1993) Грузия потерпела поражение. Абхазия приступила к строительству независимого государства. Этот процесс можно разделить на три периода: первый – с 1993 по 1999 гг. – время, когда Абхазия находилась под прессом экономической, военно-политической, информационной блокады со всеми вытекающими отсюда последствиями; второй – с 1999 по 2008 гг. – время постепенного ослабления экономической блокады и политической изоляции, что стало возможным главным образом в силу того, что Абхазия выстояла в первый период становления независимого государства; третий – с 26 августа 2008 г. – Республика Абхазия – признанное государство [Авидзба 2012]. «Абхазская политика» России в обозначенный период была неоднозначной: за это время она дважды объявляла и осуществляла блокаду Абхазии (21 сентября 1993 г. и 19 декабря 1994 г.). Однако Россия также была посредником в процессе урегулирования: в одиночку выполняла миротворческую операцию; несмотря на противодействие мирового сообщества, признала государственную независимость республики [Синчук, Потапов, Белозёров 2014].

30 сентября 1993 г. Абхазия одержала победу в войне, а уже 6 октября председатель парламента Абхазии В. Г. Ардзинба заявил, что Абхазия будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий» (Республика Абхазия, 1993 г.). После поражения в войне против Абхазии, Грузия вернулась в фарватер российской политики и временно отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях войны. Уже в октябре 1993 г. Грузия вступила в СНГ и подписала Соглашение о пребывании российских войск в Грузии до 1995 г. В ноябре

1993 г. в Женеве начался переговорный процесс между Абхазией и Грузией под эгидой ООН, при содействии России и участии СБСЕ. В них также принимала участие группа стран, объединившихся в организацию под названием сначала «Друзья Грузии», а позже «Друзья Генсека ООН по Грузии». Первый раунд этих переговоров проходил в ноябре–декабре 1993 г. и завершился подписанием Меморандума о понимании между грузинской и абхазской сторонами, в котором предусматривалось обязательство сторон не применять силу друг против друга. В январе 1994 г. в Женеве состоялся второй раунд абхазо-грузинских переговоров. Их главной темой был вопрос ввода в зону грузино-абхазского противостояния миротворческих сил, который в итоге был согласован сторонами. 3 февраля 1994 г., в ходе визита президента России Б. Н. Ельцина в Тбилиси был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Грузией¹ (www.conventions.ru/view_base.php?id=17148). Согласно ему на территории Грузии создавалось пять российских баз, российские пограничники брали под контроль согласованные участки границы Грузии. Государственная Дума отказалась ратифицировать его, вследствие чего он так и не вступил в законную силу. 4 апреля 1994 г. в Москве между сторонами конфликта, представителями ООН, России и СБСЕ, в присутствии Генерального секретаря ООН было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта». Документ констатировал факт отсутствия государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией и то, что Абхазия – государство со всеми присущими ему атрибутами, с полномочиями субъекта международного права. 4 апреля 1994 г. также было подписано Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. 14 мая 1994 г. в Москве было подписано Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, которое предусматривало ввод российских миротворческих сил под эгидой СНГ в зону конфликта. Миротворческая операция началась 20 июня 1994 г.

Абхазский президент не раз заявлял, что «Абхазия готова к переговорам с Грузией и Россией, на которых можно найти

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Подписан в г. Тбилиси 3 февраля 1994 г.

политическое решение» [Ардзинба 2011, с. 95]. 26 ноября 1994 г., несмотря на противодействие влиятельных сил, была принята Конституция Республики Абхазия, В. Г. Ардзинба был избран первым Президентом Республики Абхазия. Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость. 29 августа 1995 г. в Москве возобновились четырехсторонние переговоры по урегулированию Грузино-абхазского конфликта. Позже президент Абхазии, комментируя их, сказал: «От общественности скрывается тот факт, что нам на стол кладут документ, подготовленный грузинской стороной, вынуждают его подписывать и еще обвиняют в том, что мы его не подписываем» [Авидзба 2012, с. 36].

В январе 1996 г. В. Г. Ардзинба обратился к главам СНГ с предложением не рассматривать вопрос Абхазии без участия ее представителей «во избежание принятия решений, основанных на односторонней информации». 19 января саммит глав СНГ принял «Решение Совета глав государств СНГ о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии» [Конфликты в Абхазии... 2008, с. 377–378], в котором осуждалась «деструктивная позиция абхазской стороны» и подтверждалось, что «Абхазия является неотъемлемой частью Грузии». Страны СНГ брали на себя обязательства без согласования с Грузией не вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии, не осуществлять финансовые, транспортные, торгово-экономические операции с Абхазией. Саммит обратился к Совету Безопасности ООН с призывом поддержать меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам – членам Организации присоединиться к этим мерам.

Неконструктивное поведение Грузии объясняется тем, что ее позиция получала поддержку также и в документах ООН и ОБСЕ. В частности, в ОБСЕ трижды принимались акты, осуждавшие позицию Абхазии (Будапешт 6 декабря 1994 г., Лиссабон 3 декабря 1996 г., Стамбул 17–18 ноября 1999 г.). Европейский парламент в одной из своих резолюций назвал абхазское правительство «бандитско-террористическим движением». Необходимо отметить, что к концу 1996 г. происходит переориентация Грузии на Запад, у которого к этому времени стала озвучиваться и воплощаться в жизнь наступательная политика в Кавказском регионе.

Это обстоятельство в дальнейшем начало оказывать значительное влияние на процесс грузино-абхазского урегулирования.

В первой половине июня 1997 г. в Москве проводились трехсторонние переговоры по вопросам урегулирования грузино-абхазских отношений. В ходе переговоров президент Абхазии заявил о необходимости подписания документа, «который подвел бы черту состоянию войны». Проект подобного протокола был подготовлен абхазской стороной и согласован с российской. Но документ так и не был подписан из-за неприемлемых условий, предлагаемых грузинской стороной.

Еще 4 марта 1999 г. парламент принял Закон о выборах президента Абхазии, а 19 июля – назначил дату их проведения. 20 июля 1999 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал предстоявшие выборы своего рода народным референдумом. Но уже в резолюции СБ ООН от 30 июля выборы президента Абхазии были объявлены неприемлемыми и незаконными. 9 сентября Правительство РФ приняло Постановление «О признании утратившими силу постановлений Правительства РФ». Согласно этому документу признавалось утратившим силу Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. Российским таможенному комитету, министерствам путей сообщений и транспорта было предписано принять меры по надлежащему обустройству пропускных пунктов на границе с Абхазией. 3 октября 1999 г. состоялись выборы президента и референдум, в которых приняло участие 87,6 % избирателей. Наблюдение за ходом выборов и референдума осуществляли депутаты Госдумы России, представители Приднестровья, Краснодарского края, Южной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Нагорного Карабаха. 97,9 % избирателей одобрили конституцию и проголосовали за В. Ардзинба. 12 октября парламент, опираясь на решение референдума, принял Акт о государственной независимости. В это время в России происходит смена власти, что знаменовало существенную корректировку методов отстаивания российских интересов на Кавказе [Политические учения... 2015].

Причины удаления России от прогрузинской позиции не однозначны. Во-первых, всё большая ориентация Грузии на Запад и на США. Во-вторых, абхазский народ этнически близок к некоторым северокавказским народам России, что является очень важным. Тому подтверждение резкое высказывание в апреле 1997 г.

Ардзинба: «...Я должен прямо сказать: терпение нашего народа не беспредельно. В один прекрасный день абхазцы так прореагируют, что это очень сильно аукнется в той же самой России» [Мяло 2002, с. 44–51]. Еще во время войны парламент Абхазии в своем обращении от 28 августа 1992 г. отмечал, что противодействие добровольцам (которые в первую очередь шли из северокавказских республик Российской Федерации) «вооруженным путем или посредством репрессий грозит перерастанием благородного движения по оказанию помощи Абхазии в отражении агрессии в общекавказскую войну, в которую могут быть втянуты сопредельные регионы и страны» [Телеграмма 2004, с. 56]. В-третьих, у России появлялись основания подозревать грузинскую сторону в пособничестве чеченским сепаратистам. Тем самым Грузия всё больше отдалялась от России и ориентировалась на Запад.

Для России, от начала конфликта и до сегодняшних дней, первоочередная задача в данном регионе осталась прежней – недопущение применения оружия [Жуков 2010]. Позиция МИДа России такова: «Россия будет объективно содействовать мирному разрешению всех конфликтов на пространстве СНГ на основе международного права, уважения всех принципов устава ООН, ранее достигнутых договоренностей, в поисках согласия между вовлеченными в конфликт сторонами. Будем ответственно реализовать свою посредническую миссию в переговорном процессе...»¹ (news.mail.ru/politics/2027688). Именно этим можно объяснить политику Российской Федерации в данном конфликте. России, как и любому другому государству, важна и необходима стабильность и безопасность своих границ. Вся российская политика всегда строилась на этом принципе [Синчук, Синчук 2016]. Россия неоднократно заявляла, что Грузия должна решать конфликт с абхазской стороной мирным путем, а не применением оружия. Официальная позиция России не менялась вплоть до событий августа 2008 г. Необходимо обратить внимание на ранее отсутствующие рекомендации России по разрешению конфликта: «... в подходах к урегулированию конфликтов необходимо опираться на сложившиеся реалии, учитывать такие определяющие факторы, как волеизъявление народов Южной Осетии и Абхазии»² – эти

¹ Выступление С. В. Лаврова в Совете Федерации 18 сентября 2008 г.

² Ответ официального представителя МИД России М. Л. Камынина на вопрос СМИ относительно спекуляций по поводу статуса Абхазии и Южной Осетии 2007 г.

предложения были подчеркнуты в беседе С.В. Лаврова и Э.Д. Кокорты 19 января 2007 г. (cominf.org/taxonomy/term/1/0?page=2126).

8 августа 2008 г. начались военные действия против Южной Осетии. «Этим он собственноручно перечеркнул все надежды на мирное существование осетин, абхазов и грузин в одном государстве. Народы Южной Осетии и Абхазии неоднократно высказывались на референдумах в поддержку независимости своих республик. Мы понимаем, что после того, что произошло в Цхинвале и планировалось в Абхазии, они имеют право решить свою судьбу сами» – сказал Д. А. Медведев и 26 августа 2008 г. подписал указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии¹ (www.mid.ru/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00_03_4005fc32574b1003daf8d). «Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским заключительным актом ОБСЕ 1975 г., другими основополагающими международными документами, я подписал указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии»² (ria.ru/politics/20080826/150689025.html#ixzz2yazVu2bp%20). Основополагающей причиной признания Россией независимости Абхазии является стремление к стабильности и безопасности в данном регионе; Россия встала на путь поддержки Абхазии и Южной Осетии в первую очередь ввиду исторически сложившейся этнополитической ситуации. Непосредственная причина признания заключается в стремлении Грузии восстановить свою территориальную целостность любой ценой, в том числе при помощи военной силы, что ведет к дестабилизации в данном регионе. Именно это и подтолкнуло Россию к решительным действиям – признанию независимости Абхазии и Южной Осетии.

В заключение отметим, что ключевую роль в признании независимости Республики Абхазия Российской Федерацией сыграли военная агрессия Грузии в августе 2008 г. против Южной Осетии, а также наличие фактов о готовящейся военной операции в Абхазии.

¹Заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева 26 августа 2008 г.

²Медведев подписал указы о признании Южной Осетии и Абхазии.

Таким образом, именно в новой конкретно-исторической ситуации родилось столь кардинальное решение, которое (на данный момент) можно считать кульминацией «новой» проабхазской политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абгарян Р. Э., Синчук Ю. В., Чащихин Б. Д. Политология и политическая теория: учебно-методический комплекс. М. : ИПК МГЛУ Рема, 2010. 460 с.
- Авидзба А. Ф. Отечественная война (1992–1993) Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум : Нар, 2008. 438 с.
- Авидзба А. Ф. Становление независимого Абхазского государства и Российская Федерация. Сухум : Нар, 2012. 432 с.
- Ардзинба В. Г. Сборник интервью и выступлений 1992–2005. Сухум : Нар, 2011. 408 с.
- Ардзинба В. Г. Те суровые дни. Хроника отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум : Нар, 2004. 488 с.
- Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум : Алашарбага, 2007. 323 с.
- Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства 1992–1993. М. : Внеком, 1993. 880 с.
- Бигуаа В. А. Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика. М. : ИМЛИ РАН, 2003. 420 с.
- Дзидзария Г. А. (а) Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум : Алашара, 1975. 530 с.
- Дзидзария Г. А. (б) Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухум : Алашара, 1975. 354 с.
- Жуков А. А. Россия и Грузино-абхазский конфликт (1992–2008): дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2010. 328 с.
- Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. / сост. и коммент. М. А. Волхонский, В. А. Захаров, Н. Ю. Силаев. М. : Русская панорама, 2008. 496 с.
- Лакоба С. З. Абхазия после двух империй XX–XXI вв. Очерки. М. : Материк, 2005. 208 с.
- Маркедонов С. М. De facto государства постсоветского пространства // Непризнанные государства. Научные тетради Института Восточной Европы РАН. Вып. 1. М. : ИВЕ РАН, 2006. С. 13–15.
- Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000). М. : Вече, 2002. 480 с.
- Осия Г. Л. Внешнеэкономические связи Абхазии: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 252 с.

- Политические учения XX–XXI вв. / В. Г. Егоров [и др.]. М. : ИИУ МГОУ, 2015. 284 с.
- Синчук Ю. В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2014. № 1 (1). С. 69–77.
- Синчук Ю. В., Синчук И. Ю.* К вопросу об укреплении национальной безопасности государства в контексте «мягкой силы» М. : Экон-Информ, 2016. 306 с.
- Синчук Ю. В., Слоботчиков О. Н.* Политология: учебное пособие. М. : Социально-экономический институт : Клиновская городская типография, 2005. 614 с.
- Синчук Ю. В., Потапов А. С., Белозёров В. К.* Конфликтология: теория и практика. Ч. 1. Научно-теоретическая база конфликтологии. М. : МГЛУ, 2014. 361 с.
- Телеграмма Председателя Верховного Совета Республики Абхазия В. Ардзинба Президенту России Б. Ельцину, Председателю Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе, руководителям республик Северного Кавказа, Председателю Всемирной черкесской ассоциации Ю. Калмыкову // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум : Дом печати, 2004. С. 56.
- Феофанов К. А.* Спасение человечества как предназначение России: между мессианизмом и мультидисциплинарной цивилизационной теорией // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 3. С. 273–288.
- Цвижба Л. И.* Этнодемографические процессы в Абхазии в XIX в. Сухум : Алашара, 2000. 168 с.

УДК 316.3-05

Е. В. Дубограй

кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии
Института международных отношений и социально-психологических наук
МГЛУ; Первый МГМУ им. И. М. Сеченова;
e-mail: edubograi@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАРУБЕЖНЫХ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье представлен обобщенный анализ результатов современных зарубежных медико-социологических исследований, которые описывают различные аспекты влияния религиозности на психическое здоровье человека. Автор попытался обобщить главные выводы о взаимосвязи религиозности и психического здоровья человека, изложенные в современных зарубежных публикациях.

Ключевые слова: иностранные медико-социологические исследования; религиозность; психическое здоровье.

E. V. Dubogray

candidate of social Sciences, Associate Professor, Department of Sociology,
Institute of international relations and socio-psychological sciences, MSLU;
First MSMU (Sechenov University); e-mail: edubograi@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF RELIGIOSITY AND MENTAL HEALTH: VIEW THROUGH THE PRISM OF FOREIGN MEDICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH

This article presents a generalized analysis of the results of modern foreign medical and sociological research, which study and describe various aspects of the impact of religiosity on mental health. The author tried to summarize the main conclusions about the relationship of religiosity and mental health, as set out in modern publications in foreign languages.

Key words: foreign sociologists of medicine; religiosity; mental health.

В копилке отечественной социологии медицины еще очень мало исследований, изучающих влияние религиозности на здоровье

человека¹. На эту тему за последние десятилетия в России проводились только единичные медико-социологические исследования. При этом всё большему числу психиатров становится очевидной важность изучения фактора религиозности в профилактике, лечении, реабилитации психических расстройств и заболеваний.

Российский ученый, врач-психиатр А. Б. Смулевич отмечает недостаточную изученность медицинской наукой так называемых истерических припадков, которые в религиозной среде называют «одержимость бесами». Яркие и монофабульные психические расстройства, которые возникают в церкви перед иконами при евхаристии. Ученый признает отсутствие достаточной медицинской практики и фармакологических средств для лечения этого внутриличностного конфликта на высшем духовном уровне. Он считает, что «только помощь “духовного лица”, особый ритуал “отчитка”, в такой ситуации демонстрирует наибольший эффект возвращения психического здоровья» [Смулевич 2001].

Счет зарубежных медико-социологических исследований о взаимосвязи религиозности и духовного здоровья человека идет уже на тысячи. И в последние десятилетия такие исследования заметно увеличиваются каждый год. В рамках настоящей статьи невозможно даже упомянуть или все их назвать. Автором проанализированы наиболее актуальные публикации иностранных ученых о влиянии религиозности на психическое здоровье человека². В результате этого анализа обобщены и сгруппированы основные выводы исследователей, тезисно представлены положения, нашедшие подтверждение в десятках комплексных и автономных медико-социологических исследованиях, проводившихся в последнее время по всему миру.

Цель нашего обзора – проинформировать отечественную аудиторию (социологов, социологов медицины, организаторов общественного здравоохранения, врачей, священнослужителей

¹ Академик РАН А. В. Решетников – основатель Российской школы Социологии медицины (Интервьюер – Дубограй Евгений) 13.10.2015 в НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования. г. Москва.

² Автор выражает признательность студентам-социологам Московского государственного лингвистического университета за помощь в переводе научных публикаций на иностранных языках.

«окормляющих» медицинские организации) об исследованиях медицинского ресурса религиозности в зарубежном здравоохранении, дать ссылки на соответствующие публикации, для возможности детального самостоятельного изучения.

Влияние религиозности на психическое здоровье

Одно из самых масштабных и известных обобщений научных исследований в рассматриваемой области осуществил американский психиатр Гарольд Г. Кoenиг, профессор университета Дьюка, Северная Каролина, США. Он проанализировал количественные социологические исследования, которые публиковались в рецензируемых журналах с 1872 по 2010 г (всего 3 300 исследований!).

Один из значимых выводов, которые делает Г. Кoenиг после сравнения соотношения указываемых исследователями *позитивных* и *негативных* аспектов влияния религиозности / духовности на десятки индикаторов психического здоровья: от *черт характера* до *надежды* и *оптимизма*, заключается в следующем: от половины до 3/4 исследований демонстрируют положительное влияние религии на тот или иной конкретный показатель психического здоровья [Koenig 2012]; упоминаний о негативном влиянии религиозности на рассматриваемый индикатор нет вообще или их доля около 1 % от всех исследований в рассматриваемой группе.

Все аспекты положительного влияния оздоравливающего потенциала традиционных конфессий на психическое здоровье человека Г. Кoenиг сводит в следующие основные группы:

1) религиозность предоставляет ресурсы для борьбы со стрессом, влияя на когнитивную оценку негативных жизненных событий, делая их менее тревожными. Она увеличивает частоту положительных эмоций, формирует оптимистическое мировоззрение, помогает нормализовать потери и изменения в жизни человека, создает образцы для подражания;

2) являясь законченной ценностно-нормативной системой, традиционные религии помогают людям выстраивать свое поведение так, чтобы избегать стрессовых событий: развод, лишение свободы, венерические заболевания, проблемы с детьми, финансовые трудности и др;

3) большинство религий поощряют «просоциальное» поведение человека (его коммуникативность) на основе альтруистической

любви: встречи близких, совместные мероприятия, взаимопомощь и т. д., что увеличивает положительные эмоции и отвлекает от собственных проблем [Koenig 2012].

В исследованиях, опубликованных после 2000 г., четко прослеживается обратно пропорциональная (полезная для здоровья) связь религиозности / духовности с распространенностью любого душевного заболевания. В частности, религиозность положительно влияет на депрессию, суицидальные мысли и поведение, алкогольную и наркотическую зависимость [Agorastos, Demiralay, Huber 2014]. Рассмотрим подробнее, как влияет религиозность на эти и некоторые другие составляющие психического (ментального) здоровья.

Религиозность и депрессия. Религиозность «незначительно (коэффициент корреляции Пирсона $R = -0,096$), но тесно связана с *низкой выраженностью* симптомов *депрессии*» [Smith, McCullough, Poll 2003]. Приведем, некоторые наиболее яркие медико-социологические исследования по этому вопросу.

Благодаря сострадательности ко всему живому тибетские буддисты демонстрируют меньший уровень заболеваемости депрессией, чем нерелигиозные люди, проживающие в той местности [Fung Kei Cheng 2015]. Эксперимент с 98 тибетскими буддистами и 438 людей, не являющихся религиозными буддистами, проходил в 2012 г. Буддисты воспринимают себя, свою сущность как нечто менее устойчивое и надежное, чем реальность внешнего мира и его законы. Они в меньшей степени склонны к переживаниям по поводу собственных негативных эмоций и психологических проблем.

Известный всему Китаю случай с пациенткой Эстер Ли, девушки из среднестатистической китайской семьи, страдавшей от тяжелой формы депрессии, пытавшейся за полгода 4 раза покончить с собой. Во время болезни жизнь пациентки транслировали на ТВ-шоу, из которого все узнали о ее страданиях, страданиях близких людей и о безрезультативности оказывавшейся медицинской помощи. Девушка принимала медикаменты, назначенные психиатром, и посещала клинического психолога, но циклические рецидивы возвращали ее в депрессивное состояние. В 2000 г. Эстер Ли вернулась из Великобритании, где проходила лечение, в Гонконг и приобщилась к буддизму. Это вскоре привело к повышению ее спокойствия, позволило преодолеть тревожность, помогало

обнаруживать признаки приближающегося рецидива и существенно благоприятствовало ее выздоровлению. Кроме того, ощущая себя Бодхисаттвой (человеком, который стремится спасти все живые существа, избавить их от страданий), она с энтузиазмом помогала людям с эмоциональными расстройствами нормализовать свое состояние [Fung Kei Cheng 2015].

Подобные примеры общие для всех народов и религий, они не ограничиваются ни географическим районом проживания, ни конфессиональной принадлежностью. Исследование депрессии голландскими специалистами показало снижение ее уровня и вероятности возникновения у религиозных католиков и протестантов [Braam, Beekman, Deeg, Smit, Tilburg 1997], особенно значимые показатели этой взаимосвязи наблюдаются у пожилых респондентов [Koenig, George, Peterson 1998]. Религиозные корейцы демонстрируют лучшее состояние здоровья в целом и меньшую склонность к депрессии [You, Lee, Fitpatrick, Kim, Marui, Lee 2009].

Не только здоровые люди, но и пациенты с хроническими и даже не излечимыми болезнями подтверждают эту статистику. В категории женщин – больных ВИЧ выявлена «значимая обратная зависимость» между уровнем религиозности и симптомами депрессии [Dalmida, McDonnell, Dilorio, Laderman 2009, с. 119].

Что в религиозном сознании или религиозном поведении приводит к уменьшению уровня депрессии? Религиозное сознание с соответствующим восприятием мира, снижает уровень тревожности – одного из источников депрессии. Например, уверенность в том, что Бог является защитником жизни, снижает уровень *материнской тревожности*, независимо от количества детей у матери [Safara, Salmabadi, Edalatkhah, Rostami 2016, с. 26]. Из форм религиозного поведения и религиозных практик: *молитвы, пост, участие в богослужениях* – наиболее эффективно уменьшают негативное воздействие стресса на здоровье [Williams, Larson, Buckler, Neckmann, Pyle 1991].

Все эти наблюдения медицинских работников и их собственный врачебный опыт привели к тому, что в психиатрии уже сформировалась религиозно-интегрированная когнитивная поведенческая терапия (RCBT) депрессии как полноценная методика. И она оказывается эффективнее в сравнении с обычными классическими когнитивно-поведенческими терапиями (CBT) применительно

к пациентам с сильно выраженной депрессией и хроническими заболеваниями. Например: показатели «Теста жизненных целей» (PIL) у этой категории пациентов положительно коррелируют с общей религиозностью ($r = 0.34$) и отрицательно коррелируют с депрессивными симптомами ($r = -0.54$) [Daher, Koenig, Pearce, Nelson, Shaw, Berk, Bellinger, Robins, Cohen, King 2016].

Религиозность и оптимизм / пессимизм. Библейские сюжеты, иллюстрирующие безусловную любовь Бога и его непреложную справедливость, вызывают глубокое чувство оптимизма и надежды у каждого. Показательными являются некоторые американские медико-социологические исследования. В категории пожилых респондентов особенно заметна положительная корреляция религиозности с психологическим благополучием [Moreira-Almeida, Neto, Koenig 2006].

Афроамериканское престарелое население считается более счастливым по сравнению с белым населением в связи с большей удовлетворенностью жизнью. А главным и непосредственным источником этой удовлетворенности является религиозность [Krause 2003]. Молодые афроамериканцы, которые воспринимают Бога, как прощающего и любящего, демонстрируют более высокий уровень оптимизма, а люди, вовлеченные в выполнение религиозных практик, показывают более низкий уровень пессимизма [Daniel B Lee 2015].

Фэн-шуй и юань, а также терпеливость чаще всего помогают китайцам справляться со стрессом в американском социуме. Китайцы скорее адаптируют свое мировоззрение, которое не помогает им сжиться со стрессовой ситуацией, чем попытаются изменить саму некомфортную ситуацию [Cheung 1995]. Религиозное мировоззрение даосизма, предполагающее отказ от мирской суеты помощи. Девушка принимала медикаменты, назначенные ей психиатром, и посещала клинического психолога, но циклические рецидивы возвращали ее в депрессивное состояние. и следование вечному дао-пути и Закону природы, является главным фактором психического здоровья китайских общин и семей в США [Kam-Shing Yip 2004].

За границами американского континента эти зависимости сохраняются в полной мере. Уровень религиозности положительно коррелирует с такими психологическими категориями, как *счастье*

($r = 0,40$), *удовлетворенность* ($r = 0,30$) и собственно *психическим здоровьем* ($r = 0,28$) [Abdel-Khalek, Lester 2017]. Таковы результаты сравнительного исследования взаимосвязи религиозности и благополучия (SBW – уровень счастья, удовлетворения, психического здоровья) студентов в Египте и Великобритании. В целом студенты Египта демонстрируют более высокие показатели и религиозности – 0,619 и психического здоровья – 0,833, чем их британские ровесники, у которых индексы счастья – 0,588 и психического здоровья – 0,777, соответственно [там же].

Надежда, ожидание лучшего в будущем, – существенный фактор психического здоровья. Независимые друг от друга медико-социологические исследования, проводившиеся в разных частях мира, показывают, что религиозность пациента: повышает развитость таких чувств, как оптимизм, надежда, повышает самооценку, положительно влияет на лечение посттравматического синдрома [Idler, Kasl 1997; O’Laoire 1997; Schiff 2006].

Религиозность и добровольный уход из жизни. Суицидальное поведение является одной из актуальных проблем современной психиатрии. И в силу распространенности этого явления, и в силу необратимости негативных социальных последствий каждого завершенного суицидального поступка. Поэтому, медико-социологические исследования, в которых изучаются вопросы взаимосвязи религиозности и суицидальных мыслей, суицидального поведения встречаются в реферативных базах научных журналов довольно часто. В 80 % из них говорится о том, что среди религиозных людей отмечаются наиболее низкие показатели самоубийств и что подобная форма девиантного поведения в большей мере осуждается, не поддерживается религиозными людьми, чем атеистами. В остальных 20 % подобных исследованиях не обнаруживается какая-то зависимость между рассматриваемыми признаками.

Например, отмечается, что в США уровень самоубийств среди людей, которые регулярно посещают религиозные мероприятия в четыре раза ниже, чем среди тех, кто их не посещает [Nisbet, Duberstein, Conwell, Seidlitz 2000]. Самоубийству человека обычно предшествуют суицидальные мысли и нередко суицидальные попытки, что уже является показанием к обращению за психиатрической помощью. Исследование NSAL взрослого населения США на базе национальной репрезентативной выборки подтвердило, что

религиозность снижает число суицидальных попыток и особенно частоту появления суицидальных мыслей у афроамериканцев и карибских негров [Toussaint, M. Wilson, C. Wilson, Williams 2015].

Важнейшими факторами такого профилактического воздействия религиозности исследователи называют *частоту взаимодействия с членами своей религиозной общины и взаимную поддержку в своем кругу единомышленников*. Есть и другие факторы, специфические для конкретных религий и народов. Например, у студентов-подростков острова Тринидад и Тобаго значимыми факторами профилактики суицидальных мыслей и попыток являются совместные с родителями молитвы (ежемесячно или чаще на протяжении полугода) и посещение религиозных служб с той же частотой [там же].

Таким образом, уровень религиозности, совершение молитв, посещение богослужений, внутригрупповая поддержка единомышленников снижают суицидальные предрасположенности, появления мыслей о суициде, планирование самоубийства и даже частоту суицидальных попыток [там же].

Религиозность и прочие аспекты психического здоровья.

Медицина призвана указывать путь избавления от болезни или недопущение ее появления. Она отвечает на вопросы: Как лечить? Как гарантированно предохранить себя от любых заболеваний? Медицина не объясняет конкретному человеку, почему именно у него возникло, развилось то или иное конкретное заболевание и не вооружает пациента ценностно-ориентированными установками на борьбу с болезнью. Отвечать на эти запросы, удовлетворять подобного рода потребности пациентов, является функцией института религии в обществе.

Таким образом, возможности влияния религиозности на здоровье человека очень широки. Попытаемся и в нем обозначить некоторые выявленные иностранными исследователями аспекты. Религия наполняет смыслом жизнь человека, и, как следствие, помогает более адекватно реагировать на болезни и на дискомфортные ситуации связанные с состоянием собственного здоровья [Patel, Shah, Peterson, Kimmel 2002]. Рядом исследований установлено, что религиозность несколько уменьшает страдание человека от испытываемой боли [Swimmer, Robinson, Geisser 1992].

Отдельная позиция – вредные для здоровья зависимости-привычки. Влиянию религиозности на их наличие и распространение

очень высоко. Установлена сильная корреляционная связь почти между всеми индикаторами религиозности и низкими показателями распространения никотиновой, алкогольной и наркотической зависимости [Kendler, Liu, Gardner, McCullough, Larson, Prescott 2003]. В молодежной категории религиозность является вторым весомым защитным фактором, профилактики вредных привычек, сразу после фактора полноценная семья. Более подробно взаимосвязь религиозности и приверженности к здоровому образу жизни (ЗОЖ) автор рассчитывает описать в одной из последующих статей.

Врачи – исследователи религиозности

Отдавая должное религиозности как значимому фактору здоровья человека, врачи по всему миру всё чаще предпринимают попытки использовать фактор религиозности в своей практической деятельности и исследовать религиозность у своих пациентов. О методике применения психиатрами религиозно-интегрированной когнитивной поведенческой терапии (RCBT) депрессии уже говорилось выше. Также врачи берутся за исследование религиозности пациентов, несмотря на всю сложность анализа этой сложносоставной социологической категории. При этом для сбора информации врачи обычно применяют метод опроса.

Так, например, колумбийские медицинские психологи и социологи из Университета Сан-Буэнавентура г. Медельин, во-первых, проанализировали эволюцию термина «религиозность» в отношении здоровья; во-вторых, подчеркнув доминирование положительного влияния религиозности на здоровье человека через психологические механизмы формирования эмоций, ученые представили инструментарий (опросные шкалы) измерения «религиозно-духовной ориентации здоровья» [Quiceno, Japcy, Vinaccia, Stefano 2009].

По мнению авторов медико-социологических исследований, учет врачом религиозности пациента во время оказания медицинской помощи целесообразно сосредоточить на вопросах:

1. Использует ли пациент религиозность, чтобы помочь себе справиться с болезнью, и как?
2. Является ли пациент членом религиозной общины, оказывающей ему поддержку?
3. Есть ли у пациента какие-либо вопросы или опасения связанные с верой, которые его волнуют?

4. Есть ли у пациента какие-либо религиозные убеждения, которые могут повлиять на процесс лечения? [Koenig 2005].

И, в завершение, о негативном. Среди возможных негативных аспектов влияния на здоровье традиционных религиозных конфессий, о которых, напомним, исследователи говорят очень редко (все-го в 1% публикаций), обычно называется два. Первое – отказ от медицинской помощи себе, а чаще детям, из-за религиозных убеждений. Второе – приобщение к религиозным практикам-нормам употребления алкогольных напитков и наркотических веществ, которым следуют представители некоторых религиозных конфессий.

Таким образом, в современных зарубежных медико-социологических исследованиях представлен широкий спектр действия оздоравливающего потенциала религии и подтверждена эффективность медицинского ресурса религиозности. Религиозность может рассматриваться в качестве фактора, способствующего укреплению здоровья, собственно выздоровлению и реабилитации во всех странах и применительно ко всем традиционным (мировым и национальным) религиям [Valiente-Barroso, Garcia-Garcia 2010]. Диапазон клинической эффективности религиозности простирается от профилактики заболеваний до их непосредственного лечения, выступая в качестве дополнительного элемента, который работает синергически в различных процессах: как психических, так и преимущественно в биологических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Смулевич А. Б. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда // Ежегодный доклад ВОЗ. 2001. URL: www.who.int/iris/handle/10665/89126.
- Abdel-Khalek Ah. M., Lester D. Subjective well-being and religiosity: significant associations among college students from Egypt and the United Kingdom // International Journal of Culture and Mental Health. 2017. P. 3. URL: doi.org/10.1080/17542863.2017.1381132
- Agorastos A., Demiralay C., Huber Ch. G. Influence of religious aspects and personal beliefs on psychological behavior: focus on anxiety disorders// Psychology Research and Behavior Management. 2014. P. 95. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3956626/
- Braam A., Beekman A. T., Deeg D. J., Smit J. H., Tilburg W. van. Religiosity as a protective or prognostic factor of depression in later life; results from a community survey in the Netherlands. Acta Psychiatr Scand. 1996–1997. P. 199–205.

- Cheung F. M.* Facts and myths about somatization among the Chinese // *Chinese Societies and Mental Health* (eds T. Y. Lin, W. S. Tseng & E. K. Yeh). Hong Kong : Oxford University Press, 1995. P. 156–166.
- Daher N., Koenig H. G., Pearce M. J., Nelson B., Shaw S. F., Berk L. S., Bellinger D. L., Robins C. J., Cohen H. J., King M. B.* Effects of religious vs. Conventional Cognitive-Behavioral Therapy on purpose in life in clients with major depression and chronic medical illness: a randomized clinical trial // *International journal of existential psychology and psychotherapy*. Vol. 6. Issue 1. February 2016.
- Dalmida S. G., McDonnell M., Dilorio C., Laderman G.* Spiritual well-being, depressive symptoms, and immune status among women living with HIV // *AIDS. Womens Health*. 2009. 49: P. 119.
- Daniel B Lee.* The Role of Optimism and Religious Involvement in the Association Between Rase-Related Stress and Anxiety Symptomatology // A thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Masters of Art in the Department of Psychology (Clinical) / Chapel Hil. 2015. P. 15. URL: cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:fe10a2bd-a9bb-4604-9d57-76ec57b2de33/
- Fung Kei Cheng.* Recovery from depression through Buddhist wisdom: an idiographic case study // *Social Work in Mental Health*. 2015. # 13. P. 275. URL: doi.org/10.1080/15332985.2014.891554
- Idler E. L., Kasl S. V.* Religion among disabled persons I: Cross-sectional patterns in health practices, social activities, and well-being. *J Gerontol B Psychol Sci Soc Sci*. 1997; 52: P. 294–305.
- Kam-Shing Yip.* Taoism and its impact on mental health of the chinese communities // *International Jornal of Social Psychiatry*. Copyright © 2004. Sage Publications (London, Thousand Oaks and New Delhi). Vol. 50 (1). P. 37. URL: isp.sagepub.com/content/50/1/25.full.pdf+html
- Kendler K. S., Liu X. Q., Gardner C. O., McCullough M. E., Larson D., Prescott C. A.* Dimensions of religiosity and their relationship to lifetime psychiatric and substance use disorders // *Am J Psychiatry*. 2003 Mar. # 160 (3). P. 496–503. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/12611831
- Koenig H. G.* Espiritualidade no Cuidado com o Paciente. Sao Paulo: Editora FE. 2005. URL: www.youtube.com/watch?v=hC6uGiGXR4M&list=PLj2G7lg-0Y8l9NiEP0rN_1hXqfRxWe2-n
- Koenig H. G.* Religion, Spirituality, and Health: The Research and Clinical Implications / *ISRN Psychiatry*. Vol., 2012. Article ID 278730. P. 5. URL: www.hindawi.com/journals/isrn/2012/278730/
- Koenig H. G., George L. K., Peterson B. L.* Religiosity and remission of depression in medically ill older patients. *Am J Psychiatry*. 1998. 155: P. 536–542.

- Krause N.* Religious meaning and subjective well-being in late life. *J Gerontol B Psychol Sci Soc Sci* 2003. 58: P. 160–170.
- Moreira-Almeida A., Neto F.L., Koenig H.G.* Religiosidade e saúde mental: umarevisão // *Revista Brasileira de Psiquiatria*. Vol. 28. # 3. São Paulo Sept. 2006. Epub Aug 10, 2006. P. 244. URL: www.scielo.br/scielo.php?pid=S1516-44462006000300018&script=sci_arttext
- Nisbet P. A., Duberstein P. R., Conwell Y., Seidlitz L.* The effect of participation in religious activities on suicide versus natural death in adults 50 and older. *J Nerv Ment Dis*. 2000; 188 (8): P. 543–546. URL: journals.lww.com/jonmd/Abstract/2000/08000/The_Effect_of_Participation_in_Religious.11.aspx
- O’Laoire S.* An experimental study of the effects of distant, intercessory prayer on self-esteem, anxiety, and depression. *Altern Ther Health Med* 1997. 3: P. 38–53.
- Patel S. S., Shah V. S., Peterson R. A., Kimmel P. L.* Psychosocial variables, quality of life, and religious beliefs in ESDR patients treated with hemodialysis. *Am J Kidney Dis* 2002; 40: P. 1013–1022.
- Quiceno, Japcy M., Vinaccia, Stefano.* La salud en el marco de la psicología de la religión y la espiritualidad // *Diversitas: Perspectivas en Psicología*. Vol. 5, núm. 2. junio-diciembre. 2009. P. 321–336. Universidad Santo Tomás Bogotá, Colombia. URL: www.redalyc.org/articulo.oa?id=67916260008
- Safara M., Salmabadi M., Edalatkhah Z., Rostami N.* Examining the Relationship between Religiosity with Anxiety of Mothers and Number of Children // *Asian Social Science*. Vol. 12. # 11. 2016. P. 26. URL: [dx.doi.org/10.5539/ass.v12n11p23](https://doi.org/10.5539/ass.v12n11p23)
- Schiff M.* Living in the shadow of terrorism: Psychological distress and alcohol use among religious and non-religious adolescents in Jerusalem. *Soc Sci Med* 2006. 62: P. 2301–2312.
- Smith T.B., McCullough M.E., and Poll J.* Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // *Psychological Bulletin* 2003. Vol. 129. # 4. P. 614–636. URL: www.hindawi.com/journals/drt/2012/962860/
- Swimmer G.I., Robinson M.E., Geisser M.E.* Relationship of MMPI cluster type, pain coping strategy, and treatment outcome. *Clin J Pain* 1992; 8: P. 131–137.
- Toussaint L., Wilson C. M., Wilson L. C., Williams D. R.* Religiousness and suicide in a nationally representative sample of Trinidad and Tobago adolescents and young adults // *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*. 2015. # 50. P. 1446. URL: scholar.harvard.edu/files/davidrwilliams/files/2015s_pdf.pdf
- Valiente-Barroso C., Garcia-Garcia E.* La religiosidad como factor promoor de salud y bienestar para un modelo multidisciplinario de atención

- psicogeriátrica // Viguera Editores SL 2010. PSICOGERIATRIA. 2010. # 2(3) P. 163 / URL: www.ucm.es/data/cont/docs/140-2013-10-04-documento25550.pdf
- Williams D.R., Larson D.B., Buckler R.E., Heckmann R.C., Pyle C.M.* Religion and psychological distress in a community sample // *Soc Sci Med* 1991. 32: P. 1257–1262.
- You K. S., Lee H. O., Fitzpatrick J. J., Kim S., Marui E., Lee J. S.* [et al.]. Spirituality, depression, living alone, and perceived health among Korean older adults in the community. *Arch Psychiatr Nurs*. 2009. 23: P. 309–322.

А. П. Кошкин, Ю. Н. Малека, С. А. Мельков

А. П. Кошкин, доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; e-mail: 1609574@mail.ru

Ю. Н. Малека, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России, e-mail: rgsumaleka@yandex.ru

С. А. Мельков, доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России; e-mail: 304304@mail.ru

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КНИГИ О ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ В АФРИКЕ: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О НЕМ И КАК ЕГО МИНИМИЗИРОВАТЬ?

Данная статья, по сути, представляет собой краткую рецензию книги Г. М. Сидоровой «Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго». По ключевым проблемам организации и функционирования власти, которые выявили в рецензируемой книге Г. М. Сидоровой, авторы рецензии провели собственный социологический опрос среди преподавателей кафедры государственного и муниципального управления и магистров очной формы обучения Академии гражданской защиты МЧС России, а также кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова и кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. Некоторые итоги опроса излагаются в данной статье. Рецензия была подготовлена в рамках научной школы «Государственная политика и управление», функционирующей на постоянной основе в Академии гражданской защиты МЧС России.

Ключевые слова: балканизация; вмешательство ООН; вмешательство Евросоюза; вмешательство России; вмешательство США; вмешательство Китая; военная сила; вооруженный конфликт; земельный фактор; контроль над ресурсами; конфликт политический; неравенство; несиловые методы; посредничество; причина; слабое государство; третья сторона; фактор беженцев; фактор мафии.

A. P. Koshkin, Yu. N. Maleka, S. A. Mel'kov

Koshkin A. P., Head of the department political science and sociology Plekhanov Russian University of Economics Doctor of Political Sci., Professor; e-mail: 1609574@mail.ru

Maleka Yu. N., Doctor of Historical Sci., Professor, Professor of the Chair of State and Municipal Management, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia; e-mail: rgsumaleka@yandex.ru

S. A. Mel'kov, Doctor of Political Sci., Professor; Head of the Chair of State and Municipal Management, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia; e-mail: 304304@mail.ru

POLITICAL ANALYSIS OF THE BOOK ON ARMED CONFLICT IN AFRICA: WHAT DO WE KNOW ABOUT IT AND HOW TO MINIMIZE IT?

This article, in fact, is a short review of the book by G. M. Sidorovoi "Armed conflicts in Africa: the example of the Democratic Republic of the Congo". On the key problems of the organization and functioning of power, which were revealed in the book under review by G.M. Sidorova, the authors of the review conducted their own sociological survey among the teachers of the Department of State and Municipal Administration and Masters of the full-time form of training of the Civil Defense Academy EMERCOM of Russia, as well as the Plekhanov Russian University of Economics and the Department of Political Science of the Moscow State Linguistic University. Some of its results are set out in this review. The review was prepared within the framework of the scientific school "State Policy and Management", functioning on a permanent basis in the Civil Defense Academy EMERCOM of Russia.

Keywords: Balkanization; UN intervention; EU interference; Russia interference; US interference; China interference; military force; armed conflict; land factor; control over resources; political conflict; inequality; non-violent methods; mediation; reason; weak state; third party; the refugee factor; the mafia factor.

Актуальность темы книги Г. М. Сидоровой «Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго» сомнений у нас не вызывает [Сидорова 2013]. Действительно:

1) число вооруженных конфликтов в мире не уменьшается. Еще в 1990-е отечественный исследователь В. В. Серебрянников утверждал, в мире ежегодно имели место 33–37 крупных вооруженных конфликтов» [Серебрянников 1997]. По данным ежегодника СИПРИ это число остается достаточно стабильным уже несколько десятков лет;

2) очевидно, что если уровень жизни российского населения не будет расти, то может «сработать» такая причина вооруженного конфликта, как неравенство (о ней пишет в своей книге Г. М. Сидорова);

3) очевидно, что если не будет усиливаться российское государство, то может «сработать» такая причина вооруженного конфликта, как слабое государство (о ней пишет в своей книге Г. М. Сидорова);

4) очевидно, что если в нашей стране не будет введена в цивилизованные рамки борьба за контроль над ресурсами, то это может

стать причиной вооруженных конфликтов (о ней пишет в своей книге Г. М. Сидорова);

5) очевидно, что если в нашей стране появится большое число беженцев, то фактор беженцев (большое число беженцев) может стать причиной вооруженных конфликтов (о ней пишет в своей книге Г. М. Сидорова);

6) очевидно, что если в нашей стране укрепится фактор мафии (образование мафиозных структур для сбыта полезных ископаемых), то это может стать причиной вооруженных конфликтов (о ней пишет в своей книге Г. М. Сидорова);

7) очевидно, что если в нашей стране продолжит развиваться фактор балканизации (дробления какого-либо политического и географического единства с целью ослабления центральной власти), то это может стать причиной вооруженных конфликтов (о ней пишет в своей книге Г. М. Сидорова).

Рецензируемая книга Г. М. Сидоровой состоит из пяти глав. В первой главе автор описывает концептуальные подходы к современным конфликтам в Африке и их урегулированию. Во второй главе автор изучает исторические предпосылки конфликтов в Демократической Республике Конго. В третьей главе анализируется динамика вооруженного конфликта в этой африканской стране в период 1996–2006 г. В 4-й главе предложен авторский вариант источников угроз стабильному миру. Наконец, в 5-й главе описывается международное сотрудничество, способное урегулировать конфликты в Африке.

После предварительного изучения содержания книги нами было выявлено 15 утверждений, по которым в трех вузах (в Академии гражданской защиты МЧС России, Российском экономическом университете им. Г. В. Плеханова и Московском государственном лингвистическом университете) и проведен опрос по пятибалльной шкале: «Не согласен», «Скорее не согласен», «Затруднился ответить», «Скорее согласен», «Согласен». Его результаты подведены и анализируются далее.

1-е утверждение опроса: «Слабое государство (как таковое) является причиной вооруженных конфликтов» (см. диагр. 1)¹.

¹ К опросу были привлечены 12 человек из трех вузов. Это профессорско-преподавательский состав, аспирант и магистры выпускных

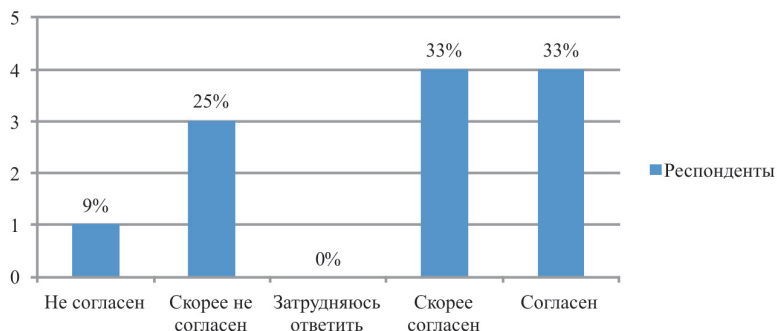

Диаграмма 1. Оценка утверждения: «Слабое государство (как таковое) является причиной вооруженных конфликтов»

Результат рассмотрения опрошенными данного утверждения оказался следующим: один респондент ответил, что «не согласен» с таким утверждением, это составило 9%; 3 респондента «скорее не согласны», что составило 25%; 4 респондента «скорее согласны», что составило 33%; 4 респондента «согласны», что также составило 33%. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных респондентов согласно или скорее согласно с первым утверждением о том, что слабое государство является причиной вооруженных конфликтов (еще раз напомним, что автор рецензируемой книги считает именно так).

2-е утверждение опроса: «Неравенство в обществе является причиной вооруженных конфликтов» (см. диаграмму 2).

Итог рассмотрения опрошенными этого утверждения следующий: 2 респондента ответили, что «не согласны» с данной точкой зрения, что составило 17%; «скорее не согласен» – 1 респондент, что составляет 9%; «затрудняюсь ответить» – таких не оказалось, соответственно результат 0%; 6 респондентов ответили – «скорее согласны» – это 50%; «согласны» – 3 респондента, что составило 25%. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных респондентов вновь согласно или скорее согласно со вторым

курсов. По возрастному цензу это были представители разных поколений, что, в свою очередь, дало интересную картину результатов опроса, которые легли в основу для рецензии книги Г. М. Сидоровой «Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго».

утверждением о том, что неравенство в обществе является причиной вооруженных конфликтов.

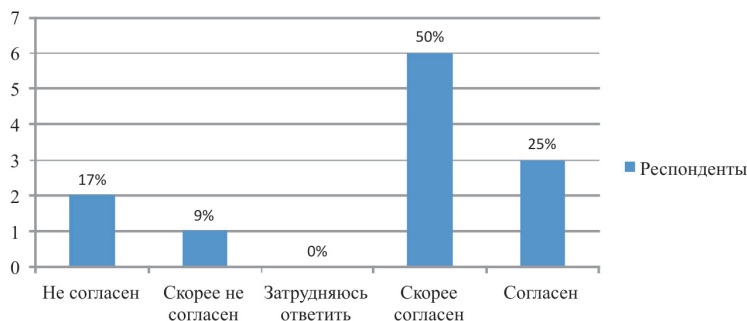

Диаграмма 2. Оценка утверждения «Неравенство в обществе является причиной вооруженных конфликтов»

3-е утверждение опроса: «Борьба за контроль над ресурсами является причиной вооруженных конфликтов» (см. диаграмму 3).

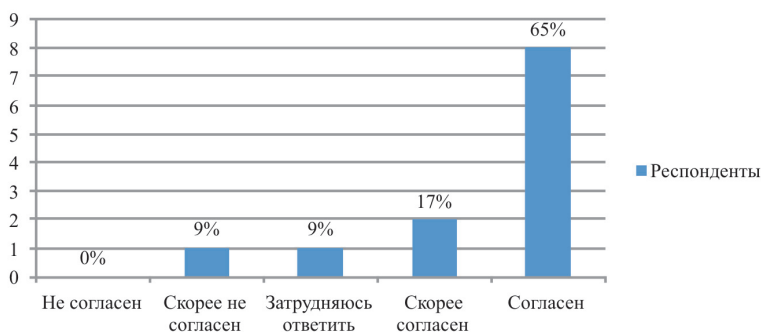

Диаграмма 3. Оценка утверждения: «Борьба за контроль над ресурсами является причиной вооруженных конфликтов»

Результат рассмотрения опрошенными данного утверждения оказался следующим: по шкале «не согласен» с этой точкой зрения, не оказалось ни одного респондента, результат – 0%; «скорее не согласен» – 1 респондент, что составило 9%; «затрудняюсь ответить» – 1 респондент, что составило 9%; 2 респондента – «скорее согласны» – это 17%; «согласны» – 8 респондентов, что составило 65%. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных респондентов вновь согласно или скорее согласно с третьим утверждением о том, что борьба за контроль над ресурсами

является причиной вооруженных конфликтов. В качестве весомого аргумента респонденты приводят также положения из статьи И. Д. Евдокимова, Г. М. Сидоровой «“Восточный кризис” в ДР Конго и проблема его урегулирования» [Евдокимов, Сидорова 2013], а также статьи Г. М. Сидоровой «Проблема конфликтов в Центральной Африке в контексте борьбы за природные ресурсы» [Сидорова 2011].

4-е утверждение опроса: «Земельный фактор (отсутствие свободной земли) является причиной вооруженных конфликтов в Африке» (см. диаграмму 4).

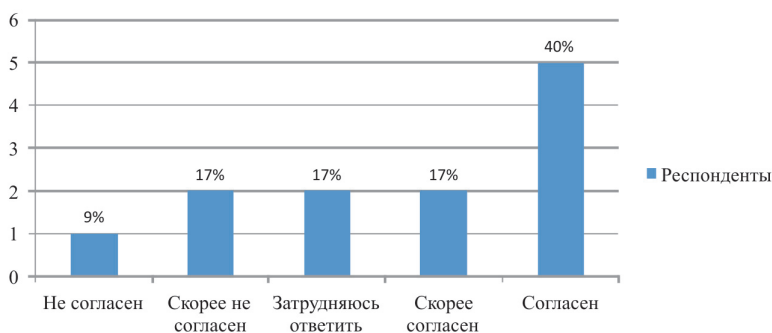
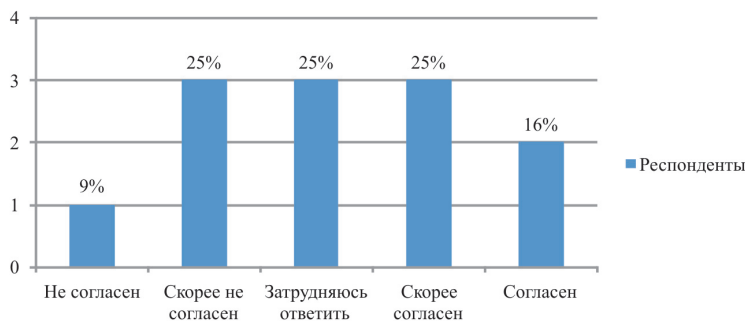

Диаграмма 4. Оценка утверждения:
«Земельный фактор (отсутствие свободной земли) является причиной вооруженных конфликтов в Африке»

Итог рассмотрения опрошенными этого утверждения следующий: 1 респондент ответил, что «не согласен» с данной точкой зрения, что составило 9 %; «скорее не согласны» – 2 респондента, что составило 17%; «затруднились ответить» – 2 респондента, что составило 17%; 2 респондентов – «скорее согласны», что также составило 17%; «согласны» – 5 респондентов, что составило 40 %. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных респондентов вновь согласно или скорее согласно с четвертым утверждением о том, что земельный фактор (отсутствие свободной земли) является причиной вооруженных конфликтов в Африке.

5-е утверждение опроса: «Фактор беженцев (большое число беженцев) является причиной вооруженных конфликтов в Африке» (см. диагр. 5).

*Диаграмма 5. Оценка утверждения:
«Фактор беженцев (большое число беженцев) является причиной
вооруженных конфликтов в Африке»*

Результат рассмотрения опрошенными этого утверждения оказался следующим: 1 респондент ответил, что «не согласен» с данной точкой зрения, что составило 9 %; «скорее не согласны» – 3 респондента, что составило 25 %; «затруднились ответить» – 3 респондента, что составило 25 %; 3 респондента – «скорее согласны», что также составило 25 %; «согласны» – 2 респондента, что составило 16 %.

Таким образом, не абсолютное, но всё же большинство опрошенных респондентов вновь согласны или скорее согласны с пятым утверждением о том, что фактор беженцев (большое число беженцев) является причиной вооруженных конфликтов в Африке (следует также учесть, что четверть опрошенных затруднилась с ответом).

6-е утверждение опроса: «Фактор мафии (образование мафиозных структур для сбыта полезных ископаемых) является причиной вооруженных конфликтов в Африке» (см. диаграмму 6).

Анализ рассмотрения опрошенными данного утверждения показал следующее: 1 респондент ответил, что «не согласен» с данной точкой зрения, что составило 9 %; по шкалам «скорее не согласен» и «затрудняюсь ответить» – ответа не последовало, соответственно результат 0 %; 7 респондентов – «скорее согласны», что составило 58 %; «согласны» – 4 респондента, что составило 33 %. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных респондентов вновь согласны или скорее согласны с шестым утверждением о том, что фактор мафии (образование мафиозных структур для сбыта по-

лезных ископаемых) является причиной вооруженных конфликтов в Африке.

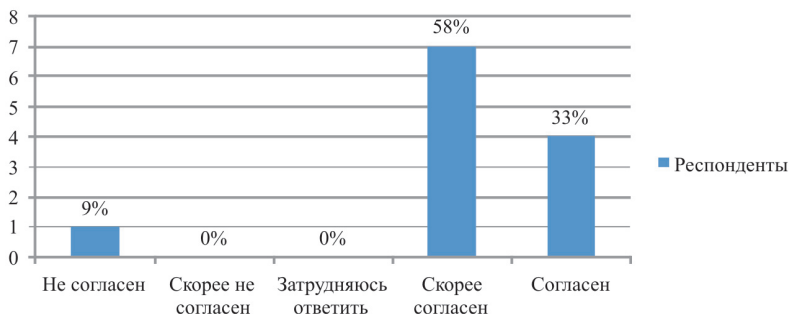

Диаграмма 6. Оценка утверждения:

«Фактор мафии (образование мафиозных структур для сбыта полезных ископаемых) является причиной вооруженных конфликтов в Африке»

7-е утверждение опроса: «Балканизация (дробление какого-либо политического и географического единства с целью ослабления центральной власти) является причиной вооруженных конфликтов в Африке» (см. диагр. 7).

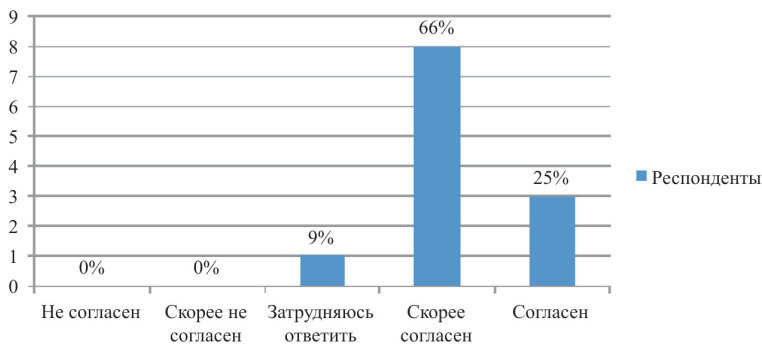

Диаграмма 7. Оценка утверждения:

«Балканизация (дробление какого-либо политического и географического единства с целью ослабления центральной власти) является причиной вооруженных конфликтов в Африке»

Итог рассмотрения опрошенными этого утверждения оказался следующим: по шкалам «не согласен» и «скорее не согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0%; 1 респондент «затруднился с ответом», что составило 9%; «скорее согласны» ответило 8 респондентов, что составляет 66%; «согласны» –

3 респондента, что составило 25 %. Таким образом, вновь абсолютное большинство опрошенных респондентов согласно или скорее согласно с седьмым утверждением о том, что балканизация (дробление какого-либо политического и географического единства с целью ослабления центральной власти) является причиной вооруженных конфликтов в Африке.

8-е утверждение опроса: «Вмешательство третьей стороны в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить» (см. диаграмму 8).

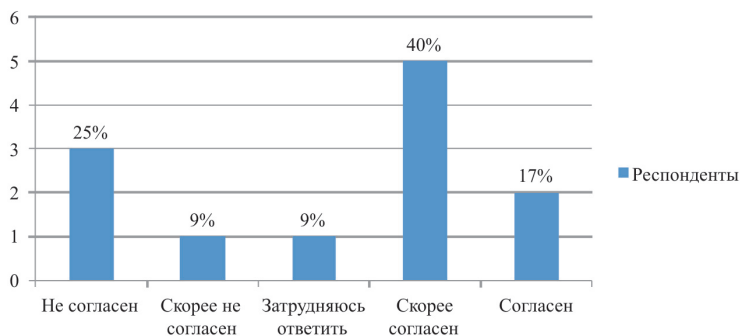

Диаграмма 8. Оценка утверждения:
«Вмешательство третьей стороны в вооруженный конфликт в Африке
может его предупредить»

Результат рассмотрения опрошенными этого утверждения оказался следующим: 3 респондента ответили, что «не согласны» с данной точкой зрения, что составило 25 %; «скорее не согласен» – 1 респондент, что составило 9 %; «затрудняюсь ответить» – 1 респондент, что также составило 9 %; 5 респондентов – «скорее согласны», что составило 40 %; «согласны» – 2 респондента, что составило 17 %. Таким образом, не абсолютное, но всё же большинство опрошенных респондентов вновь согласно или скорее согласно с восьмым утверждением о том, что вмешательство третьей стороны в вооруженный конфликт в Африке является причиной вооруженных конфликтов на континенте.

9-е утверждение опроса: «Проведение семинаров по решению проблем и обучению навыкам посредничества может предупредить вооруженный конфликт в Африке» (см. диагр. 9).

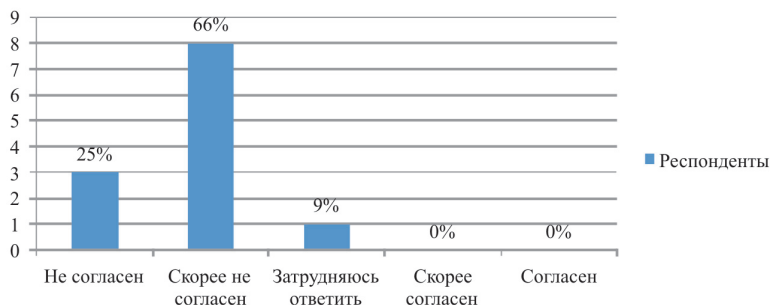

Диаграмма 9. Оценка утверждения:

«Проведение семинаров по решению проблем и обучению навыкам посредничества может предупредить вооруженный конфликт в Африке»

Итог рассмотрения опрошенными этого утверждения оказался следующим: 3 респондента отметили свое «не согласие», что составило 25%; 8 респондентов «скорее не согласны», что составило 66%; 1 респондент «затруднился с ответом», что составило 9%; по шкалам «скорее согласен» и «согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0%. Таким образом, впервые абсолютное большинство опрошенных респондентов не согласен или скорее не согласен с девятым утверждением о том, что проведение семинаров по решению проблем и обучению навыкам посредничества может предупредить вооруженный конфликт в Африке.

10-е утверждение опроса: «Вмешательство ООН в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить» (см. диагр. 10).

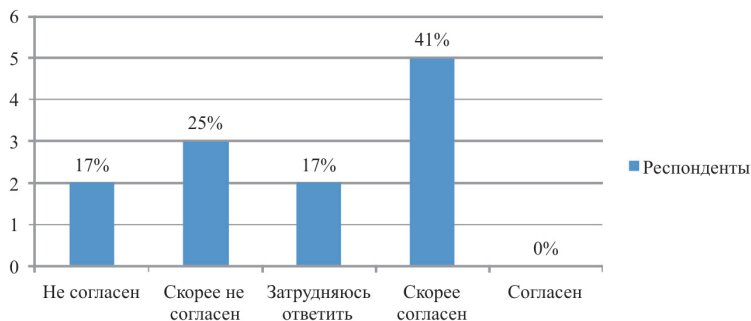

Диаграмма 10. Оценка утверждения:

«Вмешательство ООН в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить»

Результат рассмотрения опрошенными этого утверждения оказался следующим: 2 респондента отметили свое «не согласие», что составило 17 %; 3 респондента «скорее не согласны», что составило 25 %; 2 респондента «затруднились с ответом», что составило 17 %; 5 респондентов «скорее согласны», что составило 41 %; по шкале «согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0 %. Таким образом, впервые мнения опрошенных разделились практически пополам в оценке десятого утверждения о том, что вмешательство ООН в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить.

11-е утверждение опроса: «Вмешательство Евросоюза в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить» (см. диагр. 11).

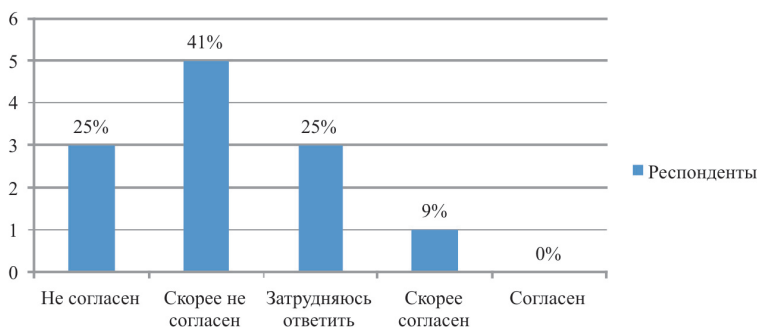
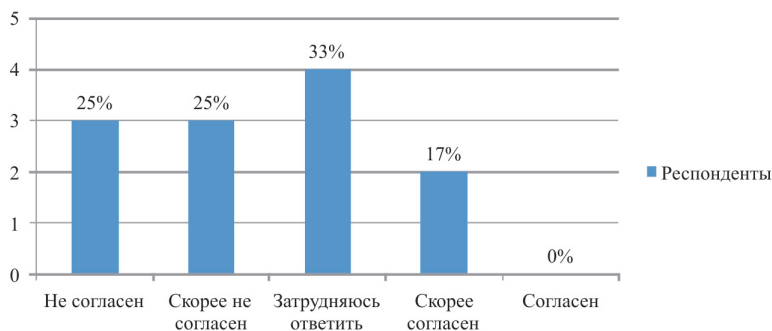

Диаграмма 11. Оценка утверждения:
«Вмешательство Евросоюза в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить»

Итог рассмотрения опрошенными этого утверждения показал следующее: 3 респондента отметили свое «не согласие», что составило 25 %; 5 респондентов «скорее не согласны», что составило 41 %; 3 респондента «затруднились с ответом», что составило 25 %; 1 респондент «скорее согласен», что составило 9 %; по шкале «согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0 %. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных не согласилось с тем, что вмешательство Евросоюза в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить.

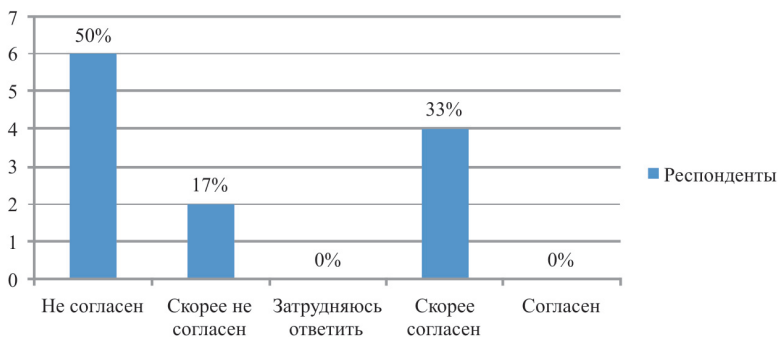
12-е утверждение опроса: «Вмешательство России в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить» (см. диагр. 12).

*Диаграмма 12. Оценка утверждения:
«Вмешательство России в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить»*

Итог рассмотрения опрошенными данного утверждения показал следующие результаты: 3 респондента отметили свое «не согласие», что составило 25%; 3 респондентов «скорее не согласны», что также составило 25%; 4 респондента «затруднились с ответом», что составило 33%; 2 респондента «скорее согласны», что составило 17%; по шкале «согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0%. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных считает, что вмешательство России в вооруженный конфликт в Африке не может его предупредить.

13-е утверждение опроса: «Вмешательство США в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить» (см. диагр. 13).

*Диаграмма 13. Оценка утверждения:
«Вмешательство США в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить»*

Результат рассмотрения опрошенными этого утверждения оказался следующим: 6 респондентов отметили свое «не согласие», что составило 50 %; 2 респондента «скорее не согласны», что составило 17 %; по шкале «затрудняюсь ответить» ответа не последовало, соответственно результат 0 %; 4 респондента «скорее согласны», что составило 33 %; по шкале «согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0 %. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных считает, что вмешательство США в вооруженный конфликт в Африке не может его предупредить.

14-е утверждение опроса: «Вмешательство КНР (Китая) в вооруженный конфликт в Африке может его предупредить» (см. диагр. 14).

Диаграмма 14. Оценка утверждения:
«Вмешательство КНР в вооруженный конфликт в Африке
может его предупредить»

Итог рассмотрения опрошенными данного утверждения показал следующие результаты: 3 респондента отметили свое «не согласие», что составило 25 %; 3 респондента «скорее не согласны», что также составило 25 %; 3 респондента «затруднились с ответом», что составило 25 %; 3 респондента «скорее согласны», что составило 25 %; по шкале «согласен» – ответа не последовало, соответственно результат 0 %. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных считает, что вмешательство КНР в вооруженный конфликт в Африке не может его предупредить (следует также подчеркнуть, что четверть опрошенных затруднились с определением своей позиции).

15-е утверждение опроса: «Вооруженный конфликт в Африке можно предупредить только с применением военной силы и не силовых методов и приемов одновременно» (см. диагр. 15).

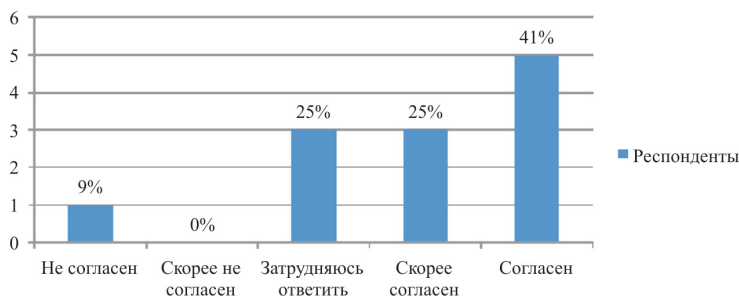

Диаграмма 15. Оценка утверждения:
 «Вооруженный конфликт в Африке можно предупредить
 только с применением военной силы и не силовых методов
 и приемов одновременно»

Анализ рассмотрения опрошенными данного утверждения показал следующие результаты: 1 респондент отметили свое «не согласие», что составило 9%; по шкале «скорее не согласны» ответа не последовало, соответственно результат 0%; 3 респондента «затруднились с ответом», что составило 25%; 3 респондента «скорее согласны», что также составило 25%; 5 респондентов «согласны», что составило 41%. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных считает, что вооруженный конфликт в Африке можно предупредить только с применением военной силы и не силовых методов и приемов одновременно (вновь заметим, что четверть опрошенных затруднились с формулированием своей позиции).

Делая выводы по содержанию рецензируемой книги Г.М. Сидоровой «Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго», то полагаем важным заметить, что она может быть чрезвычайно полезна при плановом изучении таких учебных дисциплин, как «Мировая политика», «Международная политика», «Внешняя политика», «Международные отношения», «Политическая конфликтология».

На наш взгляд, по содержанию рецензируемой книги можно сделать несколько десятков учебных кейсов. Кроме того, на основе изложенной в данной книге методологии можно организовать кейс-проектирование по вышеуказанным учебным дисциплинам.

Рекомендуем читать, изучать и использовать эту книгу социологам, политологам, специалистам и экспертам по международным отношениям и конфликтологам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Серебрянников В. В.* Социология войны. М. : Научный мир, 1997. 398 с.
- Сидорова Г. М.* Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго / Ин-т Африки РАН. М. : Вост. лит., 2013. 399 с.
- Евдокимов И. Д., Сидорова Г. М.* «Восточный кризис» в Демократической Республике Конго и проблема его урегулирования // Международная жизнь. 2013. № 11. С. 53–65.
- Сидорова Г. М.* Проблема конфликтов в Центральной Африке в контексте борьбы за природные ресурсы (на примере Демократической Республики Конго – ДРК) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2011. № 2. С. 239–245.

В. С. Крючкова

преподаватель кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;

e-mail: kryuchkova.veronika@bk.ru

**ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ»
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В конце XX – начале XXI в. произошла смена миропорядка – закончилась «холодная» война, ушел в прошлое биполярный период, распался ряд крупных государств, что сопровождалось в некоторых случаях вооруженными конфликтами, в том числе и в Европе: на Балканах (на территории бывшей Югославии), на Кавказе (на территории бывшего СССР) и в Восточной Европе (Молдавия, Украина). Эти события оказали существенное влияние на систему поддержания международной безопасности. Актуальность проблемам безопасности придало то, что окончание идеологической конфронтации между двумя системами не привело автоматически к более стабильному и безопасному миру. Россия и США по-прежнему часто оказываются по разные стороны в возникающих конфликтах, что придает этим конфликтам высокую значимость, поскольку они по-прежнему выступают опосредованной формой конфликта между великими или, по крайней мере, равными ядерными державами. Из-за этого многие конфликты приобретают затяжной характер, а их разрешение требует политического решения. При этом сами страны, непосредственные участницы конфликтов, должны быть способны защищать свою безопасность, поскольку войны не перестали быть средством разрешения конфликтных ситуаций. В этих условиях поиск приемлемых моделей поддержания мироустройства продолжается. В этой ситуации проблемы безопасности по-прежнему остаются в центре внимания всех, кто занимается теоретическими и практическими вопросами этой стороны международных отношений.

Ключевые слова: безопасность; система безопасности; международные отношения; социология безопасности.

V. S. Kryuchkova

Teacher of the Department of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); e-mail: kryuchkova.veronika@bk.ru

**MAIN CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT OF "SAFETY"
IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

In the late XX – early XXI century, the world order has changed – the "cold" war has ended, the bipolar period has disappeared, and a number of large states have disintegrated, which was accompanied in some cases by armed conflicts, including

in Europe: in the Balkans the former Yugoslavia, in the Caucasus (in the former USSR) and in Eastern Europe (Moldova, Ukraine). These events had a significant impact on the system of maintaining international security. The urgency of the security problem is that the end of the ideological confrontation between the two systems is not possible automatically to a more stable and secure world. Russia and the United States still often find themselves on different sides in emerging conflicts, that they continue to act as an indirect form of conflict between the great, or at least equal, nuclear powers. Because of this, many conflicts acquire a protracted character, and their resolution requires a political solution. At the same time, the countries themselves, the direct participants of conflicts, should be able to defend their security, since wars have not ceased to be a means of resolving conflict situations. In these conditions, the search for acceptable models for maintaining an acceptable world order continues. In this situation, security problems still remain the focus of attention of all those who are engaged in theoretical and practical issues of this side of international relations.

Key words: security; security system; international relations; sociology of security.

За последние несколько десятилетий произошли кардинальные изменения в международных отношениях, но события последних лет свидетельствуют, что мир остается непрочным и неустойчивым. Мир столкнулся с конфликтами в ходе распада Югославии, военными конфликтами на территории Ирака, Афганистана, Сирии, Грузии, Украины, а также происходят террористические акты в США, Великобритании, Франции, России, ряде стран Африки [Жерлицына 2018]. В число угроз также входят нищета, смертельные инфекционные заболевания и ухудшение окружающей среды, поскольку данные явления могут иметь не менее катастрофические последствия.

В связи с таким множеством угроз, общество начинает формировать новое понимание по вопросам безопасности. Властные структуры должны активно реагировать как на терроризм, так и на нищету и на увеличение оружия массового уничтожения.

За последние два десятилетия произошли серьезные изменения в понимании природы безопасности. Большинство современных школ теории международных отношений (ТМО) перестало рассматривать данный феномен как принадлежащий исключительно к военно-политической сфере. Укоренился подход к международной безопасности, учитывающий не только «жесткие» (военные), но и «мягкие» (невоенные) факторы: экологические, социальные, демографические, экологические, культурные, информационные

и др. Широкое понятие «международная безопасность» закреплено в российских официальных документах, таких как Закон о безопасности (2010) и в Стратегии национальной безопасности РФ (2016).

Для полного понимания сущности понятия «безопасность» рассмотрим ее определения из словарей. По В.И.Далю, «безопасность – это отсутствие опасности, сохранность, надежность» [Даль 1998, с. 156]. С.И. Ожегов определяет безопасность как «положение, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь» [Ожегов 1960, с. 84]. В Энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона безопасность (личная и имущественная) рассматривается как главнейший залог человеческого развития, причина появления и смысл существования государства. «Безопасность создается предупреждением опасностей, которые могут угрожать как отдельным гражданам, так и обществу и государству в целом. Обеспечивается безопасность путем осуществления целого ряда мер» [Энциклопедический словарь 1891, т. 3, с. 147].

Как видно из вышеизложенного, авторы словарей рассматривают понятие «безопасность» как сложное, многостороннее явление. Рассмотрение же безопасности социальных систем объективно привело к ее трактовкам с позиций системного подхода.

Понимание содержания и структуры феномена «безопасность – компромиссность» предлагает специфическому научному дискурсу о безопасности важную доминанту, которая включает огромный ресурс культур: как культуры мира, культуры безопасности, культуры прав человека и его ответственности, культуры диалога, культуры патриотизма, культуры предотвращения [Николаев 2007.]

Для социологического понимания безопасности, необходимо осознать, что современный мир включает в себя множество угроз. Такая проблема как международных терроризм определила востребованность общества в социологическом знании новой динамики феноменов безопасности, небезопасности и культуры безопасности. В индивидуальном и общественном восприятии состояния небезопасности соотносится с высоким уровнем нестабильности и неопределенности в разных сферах жизни людей.

Для осознания категории «безопасность – небезопасность» в разных областях общественной практики дает возможность использовать в исследованиях новое понимание и новые

методологические инструменты, позволяющие определить новую логику взаимодействия факторов детерминирующих безопасность и ее новое качественное состояние, а именно, культуру безопасности. Таким образом, культура безопасности предполагает соотношение ее с геокультурой [Кузнецов 2007]. Геокультура базируется на целях, идеалах и ценностях человека, общества и государства. Она способна придать новое качество социальным наукам, раскрывая науку жизнеобеспечения человека, общества и цивилизации как культуру диалога, мира и безопасности. Геокультурный подход в отличие от геополитики и геоэкономики связан с тенденциями современного мира: с ростом нематериальных факторов в капитализации фирм, с ростом фактора знаний, роли человеческого потенциала. Для обоснования можно привести следующие примеры: в центре геокультурного подхода – семья, человек, культура, народ, высокие гуманитарные технологии; в центре геополитики – баланс сил, государства, пространство, культура войны; в центре геоэкономики – большие пространства, иерархичность [Безопасность Евразии 2002].

Информация, накопленная разными науками, в том числе и социологией, позволяет сделать вывод о многомерности феномена социологии безопасности. В связи с появляющимися новыми вызовами и угрозами требуется комплексный системный подход и институционализация социологического знания в этой сфере [Мозговой 2001].

Особенности функционирования социологии безопасности зависят от характера и вектора направленности происходящих в обществе изменений; стремительного роста нематериальных компонентов; формирования экономики знаний; влияния человеческого капитала; сетевых реальностей (информация); уровня анализа состояния опасности, ее динамики и трансформаций среды (как внутренней, так и внешней). Утверждение социологии безопасности прямо зависит от отношения населения (в том числе и в региональном аспекте) к общенациональным целям, идеалам, ценностям в ситуации восприятия (поддержки) или отторжения.

Социология безопасности формирует готовность к определенному типу деятельности, измеряемой с помощью системы показателей (индикаторов). Деятельность субъекта осуществляется изначально при осмыслении и восприятии цели (идеала, ценности) – тогда проявление феномена «социология безопасности» становится

способом *защиты цели* (идеала, ценностей) в процессе ее достижения. Сам механизм выступает здесь как устойчивая структура взаимодействий, отношений, связей социальных субъектов по поводу предупреждения, реагирования и защиты общества от неприемлемых угроз, вызовов, рисков и опасностей [Кузнецов 2006].

На рубеже XX и XXI вв. появилась необходимость формирования новой глобальной безопасности, евроатлантической. Ряд обстоятельств обусловили изменения в безопасности:

1) радикально изменяется среда безопасности – увеличился уровень рисков и неопределенности, резко изменились масштабы скоростей;

2) значительно изменяется субъект безопасности. Общество ясно выразило: государственные структуры безопасности дополняются участием людей, граждан и неправительственными организациями [Кузнецов 2006].

Таким образом на стыке веков сложился новый глобальный и локальный гуманизм. Который проявился в следующем:

- образование – для Всех (ЮНЕСКО, ООН);
- знания – для Всех (Цели тысячелетия, ООН, 2000 г.);
- безопасность – для Всех (Доклад 16 мудрецов для ООН – декабрь 2004 г.).

Суть оформившейся проблемы раскрыта при подготовке к Саммиту – 2005 (сентябрь 2005 г.: 60 лет ООН) Кофи Аннаном, Генеральным секретарем ООН, в докладе «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» 21 марта 2005 г. «Мир должен двигать вперед дело развития, дело безопасности и дело прав человека в их совокупности, иначе ни одному из них не будет сопутствовать успех. У человечества не будет безопасности без развития, оно не будет пользоваться благами развития без безопасности, и оно будет лишено и того и другого без уважения прав человека» [Безопасность Евразии 2005].

При рассмотрении термина «безопасность» стоит отметить тесную связь с категорией «национальные интересы». Национальная безопасность берет на себя гарантии обеспечивать неувязимость основных жизненно важных интересов, а именно: защиту национального суверенитета, населения, территориальной целостности государства-нации, т. е. таких существенных интересов, ради защиты которых государство скорее вступит в войну, чем пойдет

на взаимные уступки. Иначе говоря, национальная безопасность – это стратегия, направленная на обеспечение жизненно важных интересов государства. Такая трактовка национальной безопасности является классическим, реалистическим подходом к проблеме.

С точки зрения политического реализма международные отношения постоянно существуют в тени войны. Когда отсутствуют международные надгосударственные органы, которые в любой момент объективно способны обеспечить безопасность того или иного государства, национальные государства в достижении и защите своих интересов могут рассчитывать только на собственные силы. Если говорить о неореализме, то неореалисты утверждают, что национальная безопасность и национальные интересы тесным образом связаны со структурой международной системы, но главным средством достижения и защиты национальной безопасности, как и в концептуальных построениях реалистов, признается военная сила, а главным инструментом, который, в свою очередь, сравнительно надежно гарантирует безопасность национальных государств считается баланс сил. Отмечая основные особенности реалистического подхода к пониманию безопасности, стоит отметить, что он носит охранительный характер; безопасность трактуется как не угрожающее состояние.

С точки зрения реалистов основной формой международных отношений выступают отношения пар отдельных государств. Государства, по их мнению, не формируют устойчивые сообщества, а создают только сравнительно краткосрочные союзы и коалиции, которые легко распадаются и при необходимости быстро создаются вновь в новом составе. Каждое государство вольно использовать любые средства для реализации национальных интересов [Тренин 2013]. Как и любая война, холодная война способствовала возрастанию роли государства, а также усилению его значения и власти его бюрократического аппарата. Реалистическая концепция была теоретической основой подходов к обеспечению безопасности в ходе противоборства между Востоком и Западом. Это проявилось как в постоянном численном наращивании, так и в качественном совершенствовании военной силы, а также в особом понимании ядерного сдерживания. В период холодной войны, когда над СССР и США не было реальной сдерживающей силы и конечные решения принимали эти два актора, а конфликты в самых дальних

уголках планеты могли в любой момент выйти на самый высокий уровень, доминировала реалистическая парадигма в понимании безопасности. Предпочтения отдавались предельно широкой трактовке безопасности. Угроза возникновения ядерной войны, рост взаимозависимости, порождающей ограничения в применении военной силы, а также этнические проблемы, – все это дало импульс к разработке альтернативных представлений, которые к концу холодной войны получили широкое распространение. Одно из главных новшеств в представлениях о безопасности стало представление о неделимости безопасности в глобальном мире, включая и региональную безопасность, и о взаимной безопасности: безопасность – это единое целое. Когда снижается уровень безопасности одной стороны, то неизбежно снижается уровень безопасности другой.

В 1980-е гг. широкое распространение получили мнения о том, что в условиях существования военно-стратегического паритета СССР и США международная безопасность представляет собой сумму национальных безопасностей всех государств [Басова 2014]. По мнению некоторых исследователей, возникновение военно-стратегического паритета открывает путь обеспечения международной безопасности не через военное соперничество, а через осуществление принципов мирового сосуществования, прекращение гонки вооружений, разоружение [Петровский 1980].

Все основные теоретические направления и политические усилия направлены на решение сложной ситуации, которая стала результатом гонки вооружений в период холодной войны, также на создание системы всеобъемлющей коллективной безопасности под эгидой ООН. Последующее изучение показало, что создание системы коллективной безопасности сопряжено с серьезными трудностями. Всеобъемлющая система должна отвечать сложно осуществляемым условиям, которые можно выделить в пять групп.

1. **Моральные.** В эту группу входят принципы неприменения силы в возникающих между странами конфликтов и неделимости мира как составной части межгосударственных отношений, в свою очередь, объективность третьей стороны (этой стороной может выступать государство, группа государств или организация) при решении неоднозначных вопросов.

2. **Юридические.** Данная группа условий включает укрепление и совершенствование деятельности ООН как всемирной универсальной организации безопасности, ее институтов, а также вооруженных сил, действующих под эгидой ООН, которые были бы способны решать вопросы, включающие в себя наказание агрессора или с разрешением кризисных ситуаций с помощью проведения миротворческих операций.

3. **Институционные.** Совокупность юридических условий, предусматривающих соответствующие полномочия Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности ООН, других органов ООН; обеспечение эффективной деятельности Международного суда; соблюдение всеми членами норм и устава ООН.

4. **Системные.** Условия, связанные с созданием благоприятной международной среды. Последняя подразумевает преодоление биполярности; разоружение сверхдержав, по меньшей мере частичное, но вместе с тем реальное; развитие между ними отношений экономической взаимозависимости; учет интересов негосударственных участников международных отношений. Условия должны гарантировать стабильность международной системы. Стабильность же предполагает, во-первых, наличие системы основополагающих универсальных ценностей, разделяемых всеми членами сообщества безопасности; во-вторых, договоренность о правилах поведения в рамках данного сообщества; в-третьих, умеренность политики любого государства по отношению к другим. А. Д. Богатуров трактует соотношение стабильности и безопасности следующим образом: «Если безопасность подразумевает искомое состояние государства или системы, то стабильность – тип смены их реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью. Или по-другому: безопасность воплощает отсутствие угроз для выживания, а стабильность – способность компенсировать такие угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы. Наконец, третий вариант: стабильность – это равномерно отклоняющийся тип движения, средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность» [Богатуров, Аверков 2010];

5. **Ситуационная группа условий.** Это условия, необходимые для организации всеобъемлющей системы коллективной безопасности. В нее входят прежде всего разработка общепринятого

определения агрессора; готовность всех членов сообщества безопасности идти на риск и жертвы ради общих интересов; наличие силы, превосходящей силу любого потенциального агрессора. Таким образом, речь идет о необходимости решения достаточно сложных вопросов международного взаимодействия.

Самыми сложными к выполнению считаются четвертая и пятая группы, но и остальные группы содержат проблемные условия, которые сложно обеспечить. Международные события показывают, что выполнение второй группы также сложно, хотя, как могло показаться, легче всего будет добиться согласия государств именно в вопросах суверенитета и полномочий ООН. Не менее важной является и концептуальная проблема создания всеобъемлющей коллективной безопасности. Данная система должна стать противоядием от основной тенденции создания союза, о которой предупреждал еще Фукидид (от втягивания в конфликтный цикл). Но коллективная безопасность представляет собой не что иное, как одну из форм союза. Таким образом, в каждом союзе присутствуют проблемы, например проблема прочности взаимных обязательств, которые берут на себя государства-члены союза. Для того чтобы прийти к коллективной безопасности, необходимо частичное разоружение государств, но государства могут согласиться на это только при гарантии эффективности коллективной безопасности. Похожий порочный круг захватывает и соотношение коллективной безопасности и стабильности системы: эффективность коллективной безопасности зависит от степени всеобъемлющей стабильности, однако сама стабильность является функцией эффективности обеспечения безопасности. В данном случае применима формула «движение – всё, конечная цель – ничто». Но это не означает, что создание всеобъемлющей системы коллективной безопасности не возможно. К тому же отказ от развития такой системы безопасности не имеет перспективы. Во всяком случае достижение даже частичных, небольших результатов, направленных на построение «безопасности для всех», существенно улучшает ситуацию в международных отношениях.

Стоит отметить, что в данном подходе есть и другие недостатки, в частности:

- 1) он прежде всего основывается на военных аспектах безопасности и в тени остаются остальные. Это можно объяснить доминантой ядерного противостояния и угрозой конфликта такого

масштаба, которые несли населению всей планеты непоправимый ущерб. Таким образом, происходило преуменьшение значимости информационной, экономической, технологической и экологической составляющих, что делает этот подход в целом нежизнеспособным в настоящее время [Бирюков, Валинкин 2002];

2) недооценка роли транснациональных акторов, так как концепция всеобъемлющей системы коллективной безопасности основывается на принципах государствоцентричного подхода. Это является следствием того, что задача обеспечения условий безопасного мира лежит прежде всего на государстве, таким образом все возникающие угрозы начинают рассматриваться как угрозы, поступающие из межнациональных отношений. Вопросы безопасности всё чаще взаимодействует с государственной и транснациональной сферой.

Описанные недостатки были отмечены Дж. Найем и Р. Кеоханом. Они считают, что баланс между силовыми теориями и национальной безопасностью плохо приспособлен к анализу проблем экологической и экономической взаимозависимости. В традиционном понятии безопасность не является основным вопросом, с которым сталкиваются правительства (в своей повседневной деятельности).

В современной науке о международных отношениях параллельно существует много теоретических течений, между которыми идет активная полемика об интерпретации проблем международной безопасности. Вместе с тем именно рассмотренные подходы определяли и продолжают определять понимание, содержание и смысл безопасности в зависимости от фазы в развитии этого явления, отражая существенные стороны этого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А. Д., Аверков В. В.* Системной истории международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2010. 520 с.
- Басова В. Л.* Становление и эволюция понятия «коллективная безопасность» // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XXVI Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11. URL: [sibac.info/archive/social/11\(25\).pdf](http://sibac.info/archive/social/11(25).pdf)
- Бирюков Н. С., Валинкин И. Н.* Рожденная атомная эрой. М. : Чеховский полиграфический комбинат МО РФ, 2002.

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. I. М. : Цитадель, 1998. 736 с.
- Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М.* Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ. 2018. 273 с.
- Кузнецов В. Н.* Основания геокультуры: Социология геокультурной динамики безопасности в Мире 21. Культура – Сеть. М. : Безопасность Евразии, 2006. 423 с.
- Кузнецов В. Н.* Социология компромисса. М. : Книга и бизнес, 2007. 679 с.
- Петровский В. Ф.* Доктрина национальной безопасности в глобальной стратегии США: монография. М. : Международные отношения, 1980. 335 с.
- Риск в социальном пространстве / под ред. А. В. Мозговой. М. : Институт социологии РАН, 2001. 347 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. 944 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. Т. I. М. : Русский язык, 1981. 800 с.
- Кузнецов В. Н.* Социология безопасности. М. : МГУ, 2007. 423 с.
- Николаев П. А. Культура как фактор национальной безопасности. М. : Русский импульс, 2007. 320 с.
- Тренин Д. В.* Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности / Моск. Центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 247 с.
- Энциклопедический словарь: 41 т. / под ред. И. Е. Авдеевского. Т. 3. Издат. Ф. А Брокгауз и И. А. Ефрон, 1891. 380 с.

УДК 316.43

Г. В. Маткаримова

кандидат социологических наук;
доцент кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: sky_g@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПО НОРМАЛИЗАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ

В статье раскрывается содержание коммуникативной стратегии по нормализации этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе. В частности, автор описывает задачи, объекты и каналы данной коммуникативной стратегии, ее концептуальные основы и т. п., а также обосновывает необходимость применения социальных коммуникативных технологий с учетом особенностей современного состояния этноконфессиональной напряженности в Москве.

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения; этноконфессиональная напряженность; коммуникативная стратегия; социальные технологии; столичный мегаполис; информация; каналы коммуникации.

G. V. Matkarimova

Ph. D (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: sky_g@mail.ru

CONTENT OF COMMUNICATION STRATEGY DESIGNED TO NORMALISE ETHNO-CONFESSIONAL TENSION IN MOSCOW METROPOLITAN AREA

The article reveals the content of communication strategy designed to normalise ethno-confessional tension in Moscow metropolitan area. In particular, the author describes targets, objects, channels, principles of this communication strategy, etc. and justifies necessity of appliance of social communication technologies taking into account peculiarities of ethno-confessional tension state in contemporary Moscow.

Key words: ethno-confessional relationships; ethno-confessional tension; communication strategy; social technologies; Moscow metropolitan area; information; channels of communication.

Одним из ключевых направлений управленческого воздействия на состояние этнокультурных отношений в условиях достаточно высокого уровня этноконфессиональной напряженности в оценках жителей современного столичного мегаполиса, наряду

с образовательным направлением является коммуникативное направление, поскольку оно связано с коррекцией оценок, установок, противодействием негативным этнорелигиозным стереотипам, формированием навыков общения с представителями других этнокультурных общностей [Маткаримова 2018].

Важность коммуникативного направления и разрабатываемых в его рамках технологий обусловливается тем, что информация становится важным источником и катализатором состояния этноконфессиональной напряженности в обществе. Особенно это актуально для столичного мегаполиса, поскольку Москва как столица страны обладает развитой информационной инфраструктурой, где информационные технологии широко распространены среди населения мегаполиса. Так за январь – март 2018 г. в столице уровень пользования Интернетом достиг 84 % (ежемесячная аудитория), что является самым высоким показателем по стране (порядка 80 % населения) [WEB-index... 2018]. Таким образом, в технологически развитом информационном обществе одним из ведущих направлений управленческой деятельности по снижению этноконфессиональной напряженности выступает коммуникативное направление, и важную роль в нормализации напряженности играют социальные информационные технологии, в частности коммуникативные стратегии.

Нами была разработана коммуникативная стратегия снижения этноконфессиональной напряженности в Москве, воплощающая в себе социальную технологию в информационной сфере. Важно отметить, что настоящая стратегия скорректирована и доработана в этноконфессиональном плане на основе коммуникативной стратегии предотвращения этноконфессиональной напряженности в условиях столичного мегаполиса, разработанной на кафедре социологии МГЛУ в 2009 г. в рамках научно-исследовательской работы «Создание и внедрение коммуникативной стратегии предотвращения межэтнической напряженности в условиях мегаполиса».

Цель коммуникативной стратегии – формирование, развитие и поддержание у населения столицы ценностных ориентаций, оценок, суждений, навыков критического мышления, способствующих снижению этноконфессиональной напряженности посредством различных каналов коммуникации (СМИ, Интернет, фестивали и т. п.). Причем изменение содержания субъективно-оценочной

составляющей напряженности проводится не только через информирование, но и убеждение, в ходе которых должно произойти изменение способа восприятия подаваемой информации.

Достижение цели коммуникативной стратегии в значительной степени зависит от успешного решения широкого круга задач. Основными задачами коммуникативной стратегии являются:

1) повышение общего уровня осведомленности о других культурах с позиции культурного релятивизма:

- формирование непредвзятых представлений об истории этноконфессиональных отношений в Москве и в России в целом;
- формирование представлений о сущности и содержании основных мировых религий, а также национальных религий, представленных в столичном мегаполисе;

- создание убежденности в необходимости сохранения доброжелательных этноконфессиональных отношений и о пользе, преимуществах мультикультурного общества;

2) обеспечение населения объективной информацией относительно этноконфессиональной структуры столицы, миграционной ситуации, наличия компактного проживания представителей различных этносов в определенных районах города, численности религиозных учреждений, относящихся к тем или иным религиям и конфессиям;

3) общественное осуждение фактов проявления дискриминации, насилия, экстремизма на национальной и религиозной почве;

4) профилактика распространения негативных этноконфессиональных стереотипов;

5) правовое информирование и воспитание уважения к законам и нормам, регулирующим отношения всех жителей столицы;

6) проведение постоянного социологического мониторинга состояния этноконфессиональной напряженности в столице и на основе результатов мониторинга, корректировка проводимых информационных мероприятий.

Важную роль в структуре концептуальных основ коммуникативной стратегии играют ее принципы. При достижении цели и решении задач коммуникативной стратегии необходимо опираться на следующие основные принципы:

- принцип культурного релятивизма сообщений коммуникативной стратегии, признающий самостоятельность и полноценность каждой культуры, являющейся уникальной системой ценностей;

– принцип всестороннего воздействия, который предполагает коммуникативное воздействие на всех участников этноконфессиональных отношений;

– принцип комплексности, согласно которому информационные мероприятия по снижению напряженности должны решать поставленные задачи во взаимосвязи, использовать несколько информационных каналов и ориентироваться при возможности на несколько ключевых объектов;

– принцип непрерывности отслеживания этноконфессиональной ситуации в столице;

– принцип своевременного реагирования на этноконфессиональную ситуацию и события, создающие напряженность в текущий период.

В качестве ключевых объектов коммуникативной стратегии целесообразно выделить:

1) население столичного мегаполиса в целом. Выделяя в качестве объекта воздействия коммуникативной стратегии всё население города, с одной стороны, охватывается каждый житель города и, с другой стороны, поскольку доминирующее большинство населения составляют русские, объектом коммуникативной стратегии становится этноконфессиональная общность, которая характеризуется достаточно высоким уровнем напряженности по отношению к другим общностям;

2) наименее интегрированные и социокультурно далекие этноконфессиональные общности, а также те этноконфессиональные общности, к которым испытывается наибольшая неприязнь москвичей;

3) молодежь, как социальная общность, в которой этноконфессиональная напряженность проявляется наиболее остро в силу возрастных особенностей и которая своими действиями непосредственно воспроизводит ее в социальной среде столичного мегаполиса;

4) партнеры, которые способны путем различных коммуникативных действий оказать влияние на информационное поле столицы. Речь идет о СМИ и референтных группах (представители институтов образования, науки, культуры, спорта, семьи и т. п.). Специфика последней группы объектов заключается в том, что они одновременно являются и объектами, и субъектами, т. е. после воздействия на них коммуникативной стратегии, они становятся полноценными субъектами, в полной мере понимающими

и осознающими необходимость формирования межкультурной толерантности.

В качестве субъектов коммуникативной стратегии выступают прежде всего коммуникаторы (источники информации), те, кто передают информацию. К ним относятся работники СМИ, деятели культуры, политики, образования и т. п., также авторы блогов, владельцы интернет-сайтов.

Каждый из выше описанных объектов имеет характерные представления и особенности поведения, которые позволяют сформулировать задачи, содержание сообщений (посланий) и каналы коммуникации для каждой аудитории.

Сообщения (послания) содержат в себе то, что необходимо сообщить. Они возникают в результате рассмотрения того, что должна знать и чему должна верить аудитория для совершения желательных действий в области снижения этноконфессиональной напряженности. В содержании сообщений выделяются такие компоненты, как культурно-исторический, психолого-педагогический и правовой.

Культурно-исторический компонент содержания сообщений, в частности, включает: ознакомление со знаменательными событиями, творцами которых был многонациональный народ столицы; развитие идеи единства многонациональной России и ее столицы, воспитания чувства любви к столице, гордости за многонациональный и поликонфессиональный народ, его патриотизм, проявляющийся в годы суровых испытаний; воспитание чувства восхищения талантом национальных мастеров, создавших достопримечательности столицы и т. п.

Психолого-педагогический компонент содержания сообщений выражается через развитие психических познавательных процессов личности (внимание и доверие в ситуации этноконфессионального взаимодействия; чувства толерантности к представителям иной культуры; формирование и развитие позитивных потребностей, интересов, мотивов, в том числе связанных с освоением культуры и традиций народов, проживающих в столице).

Правовой компонент содержания стратегии реализуется через повышение уровня информированности населения о правах человека, способах правовой защиты этнических и религиозных прав, последствиях проявления дискриминации, экстремизма и других форм этнорелигиозного насилия.

Каналы коммуникаций служат для распространения разработанных стимулирующих сообщений (посланий). В качестве возможных каналов коммуникаций, используемых для снижения этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе, могут выступать:

- *социальная реклама*:
 - СМИ (телевидение, радио, печатные СМИ), Интернет;
 - наружная социальная реклама (рекламные щиты, реклама в общественном транспорте, реклама на остановках общественного транспорта; на спортивных соревнованиях и массовых мероприятиях);
 - реклама на печатных носителях общего пользования (оборотная сторона билетов общественного транспорта, квитанций для уплаты коммунальных услуг и т. д.);
- *связи с общественностью* (передачи на телевидении и на радио, статьи в газетах и журналах, конференции, брифинги, презентации, семинары, круглые столы, специализированные курсы обучения и семинары);
- *специальные мероприятия* (демонстрации, выставки, экскурсии, конкурсы, концерты, тренинговые занятия);
- *специализированные печатные материалы* (брошюры, листовки, флайеры, календари, постеры, послания на конвертах, буклеты, стикеры);
- *специальные средства* (одежда, футболки, бейсбольные кепки), пакеты, воздушные шары (аэростаты), брелки, магниты на холодильник, ручки и карандаши, закладки и обложки для книг, тетради, блокноты, ежедневники и т. д.);
- *общепопулярные средства* распространения информации (массовое искусство, песенное творчество, сценарии фильмов, теле- и радиопрограмм, комиксы, игры).

Для достижения максимального эффекта при реализации коммуникативной стратегии необходимо выбирать каналы наилучшим образом способствующие достижению коммуникационных целей, вписывающиеся в рамки спланированного бюджета и подходящие для определенной аудитории. Совместимость для каждого объекта коммуникации сообщений и задач с каналом распространения решающим образом окажут влияние на достижение целей коммуникативной стратегии.

Подробнее механизмы реализации коммуникативной стратегии на примере ряда объектов коммуникативного воздействия представлены в Таблице.

Таблица

Механизмы реализации коммуникативной стратегии по объектам управленческого воздействия в столичном мегаполисе

Население мегаполиса в целом		
Задачи	Содержание сообщений	Каналы коммуникаций
1. Повышение общего уровня осведомленности о других культурах с позиции культурного релятивизма	Об этническом и конфессиональном многообразии столицы России. Об истории этноконфессиональных отношений в России в целом и в Москве, в частности. О достоинствах этноконфессионального многообразия столицы. О примерах солидарности и доверительности межэтнических взаимодействий	Комплекс социальной рекламы (наружная, печатная, ТВ, радио, Интернет) на тему «Многообразие столичного мегаполиса». Цикл телевизионных и радиопередач на тему «Этнокультурное многообразие столичного мегаполиса». Национальные праздники, празднование юбилеев выдающихся деятелей культуры, литературы, науки и народных героев. Историко-этнические экскурсии с акцентированием внимания на особенности городской этнической топонимики. Демонстрация примеров известных людей в сфере культуры, политики и т. д., принадлежащих к той или иной этнокультурной общности
2. Общественное осуждение фактов проявления дискриминации, насилия, экстремизма на национальной и религиозной почве	О фактах и осуждающих оценках проявления дискриминации, насилия, экстремизма на национальной и религиозной почве	Публикации в печатных СМИ. Выступление юристов, представителей органов внутренних дел в теле- и радиопередачах
3. Профилактика распространения негативных этноконфессиональных стереотипов	Информация, разрушающая негативные этноконфессиональные стереотипы, создающие почву для развития интолерантности среди населения мегаполиса	Размещение объективной информации в СМИ об этноконфессиональной обстановке города (в том числе о доминировании русского этноса в столице).

		Официальные выступления на телевидении, радио представителей национальных диаспор и представителей духовенства. Проведение религиозных экскурсий, затрагивающих основные религии и конфессии, которые представлены в столице
«Проблемные» этноконфессиональные общности		
1. Повышение общего уровня осведомленности о других культурах, прежде всего русской культуре, с позиции культурного релятивизма	Об этническом и конфессиональном многообразии столицы России. Об истории этноконфессиональных отношений в России в целом и в Москве, в частности. О достоинствах различных этноконфессиональных общностей, прежде всего русского народа	Организация экскурсий по достопримечательным местам полиэтнической и многоконфессиональной столицы, выставкам национальных центров и музеев. Статьи на интернет-сайтах ФМС, посвященные культуре русского народа. Брошюры в отделах ФМС, содержащие информацию, раскрывающие особенности культуры в столичном мегаполисе. Специальные курсы лекций раскрывающие социокультурные особенности столичного мегаполиса
2. Правовое информирование и воспитание уважения к законам и нормам, регулирующим взаимоотношения между жителями столицы	О законах и нормах, ценностях, характерных для столичного социума и регулирующих взаимоотношения между жителями мегаполиса	Выступления представителей национальных диаспор на собраниях этнических центров, а также представителей духовенства в храмах, моленных домах. Занятия в образовательных учреждениях, раскрывающих нормы, ценности и обычаи русской православной культуры, особенно в процессе обучения в дошкольных образовательных учреждениях
3. Предотвращение участия в террористической деятельности не интегрированных в доминирующую культуру этноконфессиональных групп	Контраргументация, направленная на разоблачение террористической идеологии (возможность самореализации законным путем, реальная и легальная возможность участия в жизни страны («способность изменить настоящее во имя будущего»), объяснение сложности и продолжительности преобразований в жизни стран и т.д.)	Выступления представителей национальных диаспор на собраниях этнических центров, а также представителей духовенства в храмах, моленных домах. Уроки в системе школьного и высшего образования, раскрывающие ценности гуманизма, а также мотивы радикальных группировок. Социальная реклама о жертвах терроризма

Представители СМИ и Интернета, деятели образования и науки, культуры		
1. Акцентирование внимания журналистского сообщества на проблеме формирования межкультурной толерантности и предотвращения этноконфессиональных конфликтов в СМИ	О фактах проявления этноконфессиональной нетерпимости в СМИ. О санкциях и общественном осуждении журналистов, проявляющих этнорелигиозную интолерантность. О результатах мониторинга СМИ на проявлении этнорелигиозной интолерантности	Студенческие конкурсы на журналистских факультетах вузов столицы. Круглые столы, конференции с участием журналистов. Мероприятия по награждению журналистов за лучшие работы в области развития межкультурной толерантности. Публикации в СМИ.
2. Расширение тематики телевизионных программ, периодической печати по проблемам межэтнических взаимоотношений	Об актуальности проблемы этноконфессиональных конфликтов, напряженности и толерантности в жизни мегаполиса. О необходимости рассмотрения данной проблематики в телевизионных передачах и публикациях печатных СМИ	Круглые столы с участием журналистов. Творческие конкурсы. Мероприятия по награждению за лучшие журналистские работы
3. Привлечение внимания педагогов и психологов образовательных учреждений на проблему формирования межкультурной толерантности и предотвращения этноконфессиональных конфликтов среди молодежи	Об актуальности проблемы этноконфессиональных конфликтов, напряженности и толерантности в молодежной среде. Необходимость рассмотрения данной проблематики в рамках социально-гуманитарных дисциплин.	Учебные программы школ и вузов по социально-гуманитарным дисциплинам. Круглые столы и конференции с участием руководителей, педагогов и методистов общеобразовательных и высших школ.
Публикация в специализированных педагогических журналах		
1. Привлечение педагогов, методистов и научных работников к разработке методик по формированию межкультурной толерантности в образовательной среде	О необходимости разработки эффективной методики по формированию межкультурной толерантности в образовательной среде. О целевых установках при разработке методик по формированию межкультурной толерантности.	Научные конкурсы, направленные на разработку эффективной методики по формированию межкультурной толерантности и предотвращения этноконфессиональных конфликтов в молодежной среде

Ориентация творческих работников (писатели, художники, кинематографисты и т. д.) на усиление внимания к теме этнических конфликтов и формирования чувства межкультурной толерантности при создании творческих продуктов	Об актуальности проблемы этноконфессиональных конфликтов, напряженности и толерантности в молодежной среде. О стимулировании разработки творческих продуктов, направленных на снижение этноконфессиональной напряженности и формирование чувств межкультурной толерантности	Круглые столы с участием искусствоведов, писателей, художников, кинематографистов. Целевые заказы на произведения по данной тематике. Творческие конкурсы и выставки. Мероприятия по награждению за лучшие работы в области развития межкультурной толерантности.
---	---	---

Таким образом, для снижения уровня этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе необходимы комплексные меры, однако реализация коммуникативной стратегии является одним из базовых мероприятий в рамках информационного направления, ориентированных на поддержание мирного существования мультикультурного общества.

Конечно, следует признать, что отдельные элементы разработанных нами технологий уже применяются на практике, однако они имеют разрозненный, несогласованный характер, тогда как предложенные технологии отвечают принципам комплексности, системности и направлены непосредственно на снижение этноконфессиональной напряженности.

Также следует коротко обозначить проблему контроля эффективности реализуемых социальных технологий. Нам представляется, что достоверную оценку эффективности технологий не в полной мере позволяет получить статистика совершенных преступлений на этноконфессиональной почве, и число зафиксированных конфликтов между представителями различных этноконфессиональных общностей. Это связано с неточным определением подобных столкновений в силу сознательных мотивов или случайных факторов (в том числе изменение трактовки подобных правонарушений в законодательстве). По той же причине невозможен и сравнительный анализ по странам, в каждой стране реализуется свой подход к фиксированию подобных преступлений. На наш взгляд, этноконфессиональная напряженность, конфликты являются проблемой общественного порядка и в определенной степени – мерой социальной интеграции общества. Поэтому наиболее оптимальным способом оценки эффективности принимаемых мер является

социологический мониторинг общественного мнения. Мониторинг позволяет своевременно и объективно измерить «социальное здоровье» социума, определить наличие и характер изменений, достигнутых в результате внедрения социальных технологий, а также выявить направления, требующие дальнейшей реализации управленческой практики с целью снижению этноконфессиональной напряженности. Кроме того, подобные мониторинги позволяют определить отношение жителей столицы к вводимым программам, проектам и т. п. и выявить наиболее приемлемые, социально одобряемые меры регулирования этноконфессиональных отношений. Таким образом, для достижения наиболее высоких результатов при реализации разработанных социальных технологий должен осуществляться контроль посредством проведения социологических опросов общественного мнения.

Итак, предложенные образовательные и информационные социальные технологии отвечают современному состоянию этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе и требованиям технологичности, комплексности и согласованности мероприятий. Кроме того, данные технологии основываются на опыте реализации социальных технологий в области урегулирования этноконфессиональных отношений, как в отечественной, так и зарубежной практике. Все вышесказанное позволяет констатировать с большой вероятностью высокую эффективность их применения на практике в Москве.

Итак, предложенная коммуникативная стратегия имеет своей целью формирование, развитие и поддержание у населения столицы посредством различных каналов коммуникации (СМИ, Интернет, фестивали и т. п.) ценностных ориентаций, оценок, суждений, навыков критического мышления, способствующих нормализации этноконфессиональной напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маткаримова Г. В. Содержание образовательных технологий и основные требования к их разработке и внедрению при формировании этноконфессиональной толерантности в столичном мегаполисе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 3 (787). С. 195–204. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_787.pdf.

WEB-index: Аудитория интернета в целом. URL: mediascope.net/services/
media/media-audience/internet/information/?captcha_code=0ceac5281c
3fdce1a82edf0828ceecaa&arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2017&captcha_
code=080ceffa0c12f512ddb38d3cda80fd66&captcha_
a_word=YXKMD&set_filter=Y

С. С. Соловьев, О. В. Мелешкина

С. С. Соловьев, кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: ruisenior@yandex.ru

О. В. Мелешкина, аспирант кафедры психологии Московского государственного лингвистического университета; e-mail: meleshkinaolga@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

В статье представлены результаты социально-психологического исследования, позволившего выявить основные типы современных молодых семей и их особенности. В настоящее время семья находится под влиянием многих факторов, кардинально меняющих основные аспекты ее существования, и вектор развития изменился, старые ориентиры семейных ценностей и традиций размыты, а новые пока не выработаны. Семья является одним из главных ориентиров для человека, она выступает идеальной микросредой для формирования личности, воспроизводит и сохраняет традиции. Изучение взаимоотношений в семье актуализирует существующие проблемы в институте семьи, помогает сформировать социально-психологический портрет современной семьи, а недостаточная научная разработанность изучаемой тематики предоставляет возможность по новому проанализировать полученные в ходе исследования данные. Полученные результаты дают понимание особенностей взаимоотношений и объясняют многие механизмы формирования разных типов семей.

Авторы исследовали ответы 106 молодых семейных пар по тестовым методикам: ролевые ожидания и притязания в браке (РОП Волковой); удовлетворенность браком Алешиной и Гозман, предсказание успешности брака Берджесса, «Незаконченные предложения» и письмо супругу / супруге (по С. А. Белорусову). В результате были получены обширные данные о иерархии семейных ценностей супругов, их удовлетворенности браком, оценке успешности существующего брака, характере семейных взаимоотношений, представлениях супругов друг о друге и несогласованности между ними.

Исходя из ответов респондентов на предъявленные им методики, были выделены три основных типа молодых семей по их совокупному представлению о семье: традиционный, современный и смешанный. В статье рассмотрены ключевые моменты каждого типа молодых семей.

По итогам проведенного исследования выведен модальный образ современной российской молодой семьи. Такой образ можно назвать традиционным, за исключением утверждения, что ключевую роль играет равноправие между супругами, а не главенство одного из них. Исходя из этого авторы отмечают, что современные молодые семьи оказались мало подверженными трансформациям.

Полученные результаты помогут разработать рекомендации для социологов и психологов, осуществляющих деятельность в семейных центрах и центрах помощи молодым семьям, по работе с изменениями установки ценностей, коррекцией взаимоотношений в семье, а также выполнение прогнозирования последствий для общества.

Ключевые слова: молодая семья; тип молодой семьи; типология семей; тестирование семейных отношений.

S. S. Solovyov

PhD (Sociology), Associate professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU;
e-mail: ruisenior@yandex.ru

O. V. Meleshkina

Graduate student, Department of Psychology, MSLU;
e-mail: meleshkinaolga@yandex.ru

FEATURES OF RELATIONSHIP IN DIFFERENT TYPES OF RECENTLY MARRIED FAMILIES

Article is devoted to results of the social and psychological research which has allowed to reveal the main types of modern recently married families and their feature. As now the family is under a sight of influence of a huge number of the factors which are cardinally changing the main aspects of her existence and a vector of development, old reference points of family values and traditions are indistinct, and new aren't developed yet. The family is one of the main reference points for the person, she acts as an ideal microenvironment for formation of the personality, reproduces and keeps traditions. Studying of relationship in family staticizes the existing problems in the institution of the family, helps to create a social and psychological portrait of modern family, and the insufficient scientific readiness of the studied subject gives an opportunity in a new way to analyse the data obtained during the research. The received results give understanding of features of relationship and explain many mechanisms of formation of different types of families.

Authors investigated answers of 106 recently married couples on the battery of test techniques: role expectations and claims in marriage (Volkova's ROP); satisfaction with marriage of Alyoshina and Gozman, prediction of success of marriage of Burdgress, "Unfinished offers" and the letter to the spouse/spouse (according to S. A. Belorusov). Extensive data on hierarchy of family values of spouses, their satisfactions with marriage, assessment of success of the existing marriage, the nature of family relationship, representations of spouses about each other and inconsistency between them have been as a result obtained.

Proceeding from answers of respondents to the techniques shown them, three main types of recently married families on their cumulative idea of family have been allocated: traditional, modern and mixed. In article the key moments of each of types of recently married families are considered.

Following the results of the conducted research the modal image of modern Russian recently married family is removed. It is possible to call such image mainly traditional except that it is claimed that a key role is played by equality and independent, but mutually beneficial relations. Proceeding from it authors note that modern recently married families were a little subject to transformations.

The received results will help to develop recommendations for the sociologists and psychologists who are carrying out activity in the family centers and the centers of the help to recently married families about work with changes of installations, values and also correction of relationship in family, for conversion of family from one type in another, optimum and also performance of forecasting of consequences for society.

Key words: recently married family; type of recently married family; typology of families; testing of the family relations.

В настоящее время семья находится под влиянием многих факторов, кардинально меняющих основные аспекты ее существования и вектор развития. В этих новейших условиях резко меняются ориентиры общества, его групп и личности. Старые ориентиры как бы размыты, новые пока не выработаны. Семья может стать одним из таких ориентиров, поскольку воспроизводит и сохраняет традиционные ценности и выступает идеальной микросредой для формирования личности, поскольку именно в ней человек пребывает большую часть своей жизни. Современная ситуация в стране (экономический кризис, нагнетание социальной и политической напряженности, межгосударственные конфликты и т. д.) обострила преобразования, которые претерпевает современная семья: изменение функций семьи, сокращение ее размеров и демографический спад, а также изменение типа главенства и устоев. Все эти глубокие перемены в различных сферах общества ставят перед наукой новую проблему изучения взаимоотношений в семье.

Изучение межличностных внутрисемейных взаимоотношений в названных условиях, формирующих образ семьи у молодого поколения, и других связанных с этим аспектов – актуальная задача психологии и социологии. Полученные по итогам исследования результаты позволяют разработать рекомендации для психологов, осуществляющих деятельность в семейных центрах и центрах помощи молодым семьям, по работе с изменениями установок, ценностей, а также коррекцией взаимоотношений в семье, для перевода семьи из одного типа в другой, наиболее благоприятный, а также выполнение прогнозирования последствий для общества.

В ходе реализации проекта были исследованы 106 семейных пар, проживающих на территории Москвы и Московской области, которые одновременно ответили на вопросы следующих методик:

- ролевые ожидания и притязания в браке (РОП) А. Н. Волковой для выявления иерархии семейных ценностей супругов [Волкова 2007];

- тест на удовлетворенность браком Е. Ю. Алешиной, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовской для измерения уровня удовлетворенности браком [Алешина 1985];

- опросник (шкала) предсказания успешности брака Э. Берджесс для оценки успешности существующего брака [Burgess, Cotrel 1939];

- методика «Незаконченные предложения» (в авторском варианте D. Saks–Sidney в модификации Т. А. Заеко) для диагностики семейных взаимоотношений [Слепкова, Заеко 2003].

- методика «Мое письмо о супруге(у)» С. А. Белорусова для выявления представлений супругов друг о друге, выявления несогласованности между супругами [Белорусов 1998].

Из исследованных пар состояли в официально зарегистрированных брачных отношениях 89 партнеров; проживали совместно в гражданском браке – 17 партнеров. Стаж супружеской жизни варьировался от 3 месяцев до 10 лет, среди них проживали совместно менее 1 года 19 %, менее 3 лет – 41,4 %, менее 5 лет – 79,5 %.

В возрасте до 30 лет было опрошено 81% замужних женщин и 68,7% женатых мужчин. Средний возраст женщин в исследованных семейных парах составил 27,6 лет, мужчин – 28,9 лет.

Средний возраст вступления в брак или начала совместной жизни у большинства исследованных семейных пар колеблется от 21 до 30 лет. В этот интервал попали 85,9 % исследованных пар.

Не было детей у 55 из 106 исследованных семейных пар (51,9 %). В парах, имеющих детей: одного ребенка имели 32 пары (30,2 %), двух детей имели 16 пар (15,1 %) и трех детей и более – 3 пары (2,8 %). Средняя детность исследованных пар составила 0,69.

В ходе исследования были изучены некоторые представления о семейной жизни мужчин и женщин, находящихся в брачно-партнерских отношениях по отдельности.

Желание завести детей у мужчин и женщин практически не отличается (см. табл. 1). Имеющиеся отличия (казалось бы, большее

желание женщин завести детей) находятся в пределах ошибки выборки $\Delta=6\%$.

Таблица 1

**Желание завести детей у мужчин и женщин
в исследованных парах (в %)**

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Очень хотелось бы завести детей в ближайшее время	14,2	16,0
Хотелось бы завести детей, но обстоятельства не позволяют	8,5	12,3
Хотелось бы завести детей в отдаленном будущем	19,8	18,9
Нет желания заводить детей	4,7	4,7

Зато представления о типе взаимоотношений в их семьях у мужчин и женщин имеют существенные различия (см. табл. 2). Нетрудно видеть, что разногласия касаются лишь двух позиций: равноправие и главенство мужчины в семье. С одной стороны, это отражение общественных представлений о распределении ролей в семье, с другой – предпосылка для последующих возможных конфликтов.

Таблица 2

**Представления о типе взаимоотношений
в своих семьях у мужчин и женщин в исследованных парах (в %)**

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Считают, что взаимоотношения должны быть построены на равноправии	67,9	76,0
Считают, что главной в семье должна быть женщина	0,9	0,6
Считают, что главным в семье должен быть мужчина	31,1	22,6

Мнения мужчин и женщин в исследованных семьях в отношении утверждений, которые касаются брака, семьи, отношений между мужем и женой также имеют отличия. Наиболее существенные отличия можно выделить по отношению к таким вопросам, как: удовлетворение сексуальных потребностей, главенство сексуальных отношений в семье.

Отношение к тезису о том, что настроение и самочувствие человека зависит от удовлетворения его сексуальных потребностей

у мужчин и женщин имеют существенные различия (см. табл. 3). Женщины придают меньшее значение удовлетворению сексуальных потребностей.

Таблица 3

Степень согласия у мужчин и женщин в исследованных парах с утверждением «Настроение и самочувствие человека зависит от удовлетворения его сексуальных потребностей» (в %)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Полностью согласен(на)	23,6	9,4
В общем, это верно	56,6	42,5
Это не совсем так	17,9	40,6
Это неверно	1,9	7,5

Отношение к тезису о том, что счастье в браке зависит от сексуальной гармонии супругов у мужчин и женщин также имеют различия (см. табл. 4). Однако, по сравнению с предыдущим тезисом, женщины придают определенное значение сексуальной гармонии супругов.

Таблица 4

Степень согласия у мужчин и женщин в исследованных парах с утверждением «Счастье в браке зависит от сексуальной гармонии супругов» (в %)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Полностью согласен(на)	23,6	17,0
В общем, это верно	55,6	57,5
Это не совсем так	17,9	24,5
Это неверно	1,9	0,9

Отношение к тезису о том, что сексуальные отношения – главное в отношениях мужа и жены у мужчин и женщин также имеют различия (см. табл. 5). Женщины в меньшей степени считают сексуальные отношения главными в отношениях мужа и жены. Отметим также, более выраженную категоричность мужчин в этом вопросе.

Таблица 5

Степень согласия у мужчин и женщин в исследованных парах с утверждением «Сексуальные отношения – главное в отношениях мужа и жены» (в %)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Полностью согласен(на)	11,3	2,8
В общем, это верно	26,4	20,8
Это не совсем так	43,4	56,6
Это неверно	18,9	19,8

Практически нет отличий у мужчин и женщин в отношении к тезису о том, что главное в браке – чтобы у мужа и жены было много общих интересов (см. табл. 6). Причем, небольшие расхождения в степени оценок наблюдаются только при отрицании данного тезиса.

Таблица 6

Степень согласия у мужчин и женщин в исследованных парах с утверждением «Главное в браке – чтобы у мужа и жены было много общих интересов» (в %)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Полностью согласен(на)	35,8	39,6
В общем, это верно	41,5	41,5
Это не совсем так	22,6	14,2
Это неверно	0	4,7

По итогам проведенного исследования можно вывести модальный образ молодой семьи. В образе такой семьи преобладает понимание об обязательной регистрации брака в органах ЗАГС, желаемый возраст вступления в брак 20–25 лет, наличие 1–2 детей, чаще всего декларируются равноправные отношения с партнером, а также совместное решение проблем и разделение обязанностей (см. рис. 1). Такой образ можно назвать преимущественно традиционным, за исключением утверждения, что ключевую роль играет равноправие, в отличие от сложенного веками образа семьи, где главой выступает мужчина.

Рис. 1. Модальный образ молодой семьи

Исходя из вышесказанного, мы можем отметить, что современные молодые семьи оказались мало подверженными трансформациям. Нововведения, транслирующие возвышение женского пола над мужским и наоборот, бездетность, гарантии свободы при отсутствии различных обязательств, связанных с наличием взаимоотношений, с наличием партнера или семьи, свобода сексуальных отношений пока не преобладают в представлениях молодых семей.

По результатам проведенного многомерного шкалирования и уточняющего дискриминантного анализа, исходя из ответов использованных методик, нами были выделены три основных типа молодых семей по их совокупному представлению о семье: традиционный, современный и смешанный. Ниже будет подробно рассмотрена данная типология и выявлены ключевые моменты каждого из типов молодых семей. При разработке типологий семьи, мы опирались на исследования образа семьи психолога Фрица Хайдера, чьи идеи имели большое влияние на американскую социологию и социальную психологию [Heider 2003].

Часть опрошенных молодых семейных пар относятся к *традиционному типу*. Они считают: главой семьи должен быть мужчина, он должен быть добытчиком, очень трепетно относятся к теме любви, взаимоотношения между мужем и женой обязательно строятся на уважении, доверии. Верная хозяйственная жена, хранительница домашнего очага. Наличие детей обязательно, «без детей семья – не семья». Считают, что оптимально вступать в брак в возрасте 23–30 лет, поскольку семья – это большая ответственность и зависимость. По их мнению, сначала человек должен получить образование, сделать карьеру и уж только потом думать о семье, исходя из того, что за семью надо нести ответственность и ее надо кормить. В их представлении образ семьи – счастливые родители и минимум двое детей. Также обязательна регистрация брака в органах ЗАГСа.

Другие семейные пары построены на равноправии во всем. По доходам, по социальному положению, по уровню образования, а также по отношению друг к другу. Совместное принятие решений, справедливое разделение домашних обязанностей и труда, совместное участие в воспитании детей, обязательно наличие чувств к партнеру, доверие, уважение. Взаимоуважение и влечение – это фундамент, на котором построена такая семья. Без всего этого лучше разойтись, освободив себя и партнера от неискренних отношений. Часто упоминается, что оба партнера в такой семье должны работать. А вот детей в такой семье может и не быть. Это *современный тип* семьи.

Среди представителей современного типа можно выделить подтип не очень большой по численности, в котором супруги считают, что семья ни к чему их не обязывает. Муж с женой не имеют никакой зависимости друг от друга (ни материальной, ни моральной). Основным способом совместного проживания представители этого подтипа считают гражданский брак (имеется в виду без регистрации), независимость, отсутствие детей, отсутствие обязательств. Их совместное проживание скорее похоже на деловые отношения и в чем-то даже на взаимовыгодный обмен. Во взаимоотношениях такие пары готовы мириться с изменой супруга. Интересно отметить, что в большей степени на такой характер взаимоотношений настроены девушки и женщины.

Некоторые молодые семьи невозможно однозначно отнести ни к одному из двух перечисленных выше типов, поскольку нет

возможности провести четкие границы между основными критериями, т. е. такие семьи обладают чертами как одного, так и другого. Сюда же относятся семьи, в которых оценки мужа и жены по ключевым вопросам сильно отличаются. Чаще всего они проистекают из гиперожиданий одного из супругов, которые по разным причинам не осуществляются, но в целом не мешают совместному проживанию. Обычно это является следствием максимализма или идеализации супружеских отношений, а также отторжения образа родительской семьи одного из супругов, когда считают, что у них всё должно быть не так, как у родителей. Это смешанный тип семьи.

Результаты опросов и тестирования случайным образом отобранных семейных пар позволили установить, что к традиционному типу относятся 44 % исследованных семей, современному – 32 % и смешанному – 23 %. (см. рис. 2)

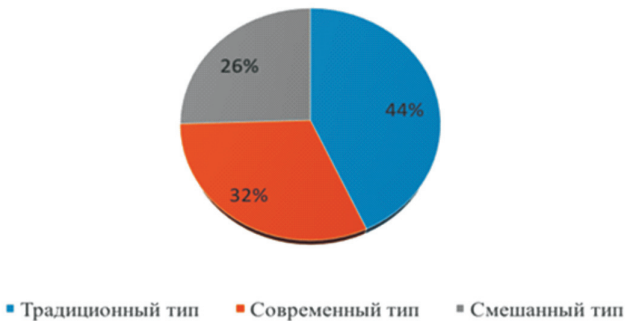

Рис. 2. Соотношение типов молодых семей

Использование в нашей работе **опросника «Рольевые притязания в браке»** позволило определить:

1) обобщенные представления типов молодых семей о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личностной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности партнеров. Эти показатели, отражая основные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей (ШСЦ);

2) обобщенные представления типов молодых семей о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации

семейных функций, объединенные шкалой ролевых ожиданий и притязаний (ШРОП).

Наименьшие значения в условных баллах у женщин имеют оценки по интимно-сексуальной шкале в семьях традиционного (4,04) и смешанного (4,31) типа. Наибольшие значения у женщин в молодых семьях современного типа имеют оценки по шкале социальной активности (7,41), эмоционально-психотерапевтической шкале (7,26) и шкале личной идентификации с супругом (7,0).

Наименьшие значения у мужчин в условных баллах имеют оценки по родительско-воспитательной шкале (4,31) и внешней привлекательности в молодых семьях смешанного типа (4,9) и по шкале родительско-воспитательной шкале в семьях современного (4,31) типа. Наибольшие значения у мужчин имеют оценки по шкале социальной активности (7,11) в молодых семьях современного (7,11) и традиционного (6,7) типов, а также по эмоционально-психотерапевтической шкале в молодых семьях современного (6,73) и традиционного типа (6,65).

Таким образом, в семьях:

А. традиционного типа:

- 1) для женщин имеют большее значение взаимная моральная и эмоциональная поддержки членов семьи, ориентация на брак как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации; стремление максимально «подстроиться под супруга»;
- 2) для мужчин – внесемейные интересы, являющиеся основными ценностями в процессе межличностного взаимодействия супругов.

Б. современного типа:

- 1) для женщин имеют большее значение внесемейные интересы, являющиеся основными ценностями в процессе межличностного взаимодействия супругов; взаимная моральная и эмоциональная поддержки членов семьи, ориентация на брак как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации;
- 2) для мужчин – те же самые аспекты.

В. смешанного типа:

- 1) для женщин имеют большее значение внесемейные интересы, являющиеся основными ценностями в процессе

межличностного взаимодействия супругов; стремление максимально «подстроиться под супруга»;

2) для мужчин – личная идентификация с супругой.

Следует также отметить меньшую выраженность ролевых ожиданий и притязаний как среди мужчин, так и среди женщин, у молодых пар смешанного типа.

Сравнительный анализ ролевых притязаний мужчин и женщин позволил определить степень согласованности семейных ценностей супругов в молодых семьях разных типов. Согласованность семейных ценностей характеризуется разностью баллов показателей шкалы семейных ценностей мужа и шкалы семейных ценностей жены. Чем меньше разность, тем больше согласованность представлений супругов о наиболее значимых сферах жизни семьи. Можно утверждать, что в условных баллах согласованность между супругами имеет место в молодых семьях традиционного типа по личностной идентификации с супругом (0,07 %) и социальной активности (0,08 %), в семьях современного типа в хозяйственно-бытовой сфере (0,09 %), в семьях смешанного типа – в хозяйственно-бытовой сфере (0,11 %).

Графическое представление согласованности семейных ценностей супругов в молодых семьях разных типов представлено на рисунках 3 и 4.

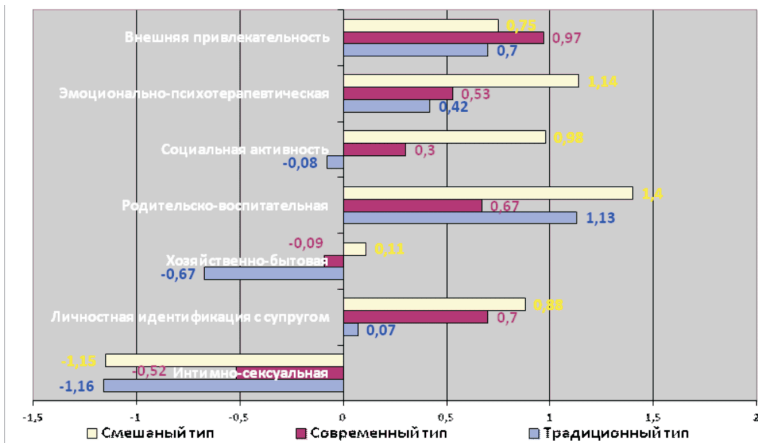

Рис. 3. Согласованность семейных ценностей супругов в молодых семьях разных типов (группировка по ценностям)

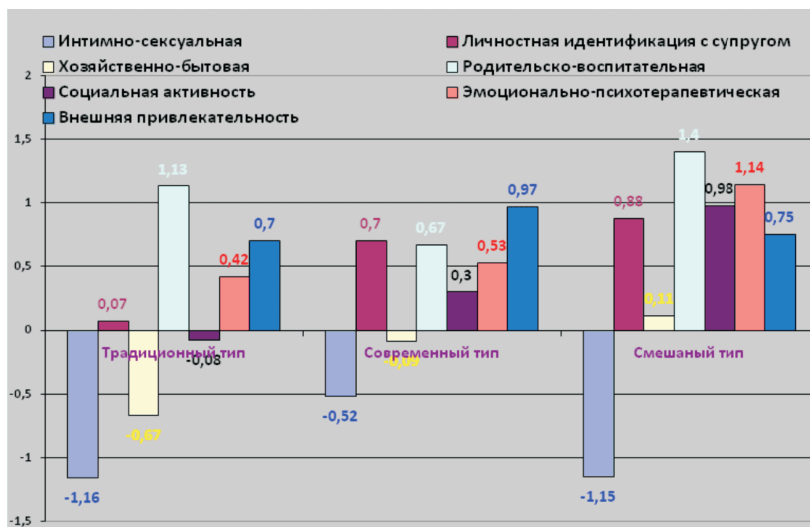

Рис. 4. Согласованность семейных ценностей супругов в молодых семьях разных типов (группировка по типам)

Рассогласованность в условных баллах между супругами больше всего проявляется в молодых семьях традиционного типа в интимно-сексуальной (1,16) и родительско-воспитательной (1,13) сферах; в семьях современного типа практически не проявляется (наибольшее значение по шкале внешней привлекательности – 0,97); в семьях смешанного типа – по родительско-воспитательной (1,4), эмоционально-психотерапевтической (1,14) и интимно-сексуальном шкалам (1,15).

Определение степени ролевой адекватности различных типов молодых семей в пяти сферах межличностного взаимодействия в семье (показатели 37 ШСЦ) реализован с помощью вычислений, согласно которым ролевая адекватность мужа будет равна разности баллов оценок ролевых притязаний жены и ролевых ожиданий мужа; соответственно, ролевая адекватность жены будет равна разности баллов, характеризующих ролевые притязания мужа и ролевые ожидания жены. Чем меньше разность, тем больше ролевая адекватность супруга(и) и, следовательно, ориентации жены (мужа) на личное выполнение определенной функции соответствуют установкам мужа (жены) на активную роль брачного партнера в семье.

Графическое представление ролевой адекватности супругов в молодых семьях разных типов представлено на рисунках 5 и 6.

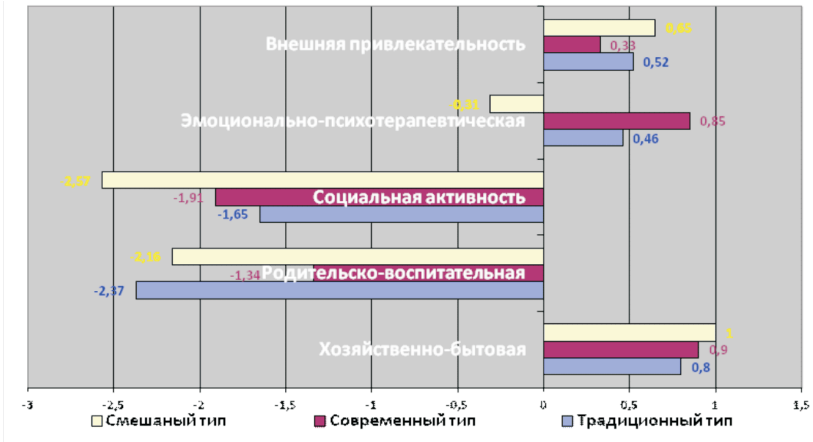

Рис. 5. Ролевая адекватность супругов в молодых семьях разных типов (ожидание мужа – притязания жены)

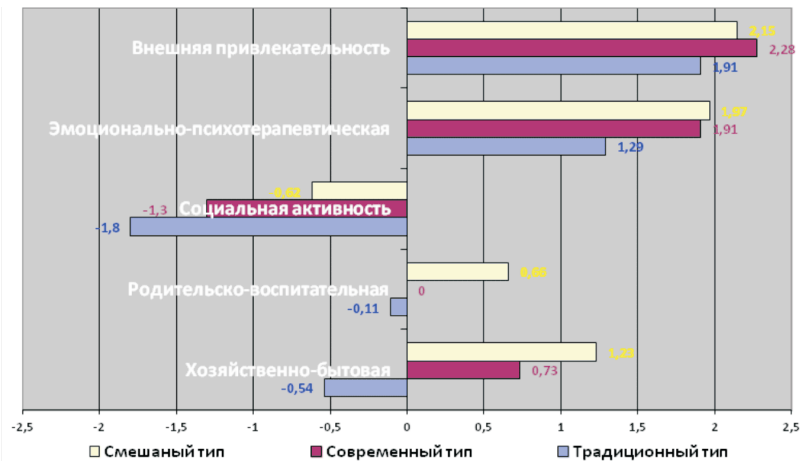

Рис. 6. Ролевая адекватность супругов в молодых семьях разных типов (ожидания жены – притязания мужа)

Наибольшие расхождения в условных баллах в ролевой адекватности супругов между ожиданиями мужа и притязаниями жены наблюдаются в молодых семьях:

- традиционного типа – в родительско-воспитательной сфере (2,37);
- современного типа – в сфере социальной активности (1,91);
- смешанного типа – в родительско-воспитательной (2,16) и сфере социальной активности (2,57).

При этом практически нет расхождений между ожиданиями мужа и притязаниями жены в молодых семьях:

- традиционного типа – в эмоционально-психотерапевтической сфере и оценке внешней привлекательности;
- современного типа – в оценке внешней привлекательности;
- смешанного типа – в эмоционально-психотерапевтической сфере.

Наибольшие расхождения в условных баллах в ролевой адекватности супругов между *ожиданиями жены и притязаниями мужа* наблюдаются в молодых семьях:

- традиционного типа – в сфере социальной активности (1,8) и оценке внешней привлекательности (1,91);
- современного типа – в оценке внешней привлекательности (2,28);
- смешанного типа – в оценке внешней привлекательности (2,15).

При этом практически нет расхождений между ожиданиями мужа и притязаниями жены в молодых семьях:

- традиционного типа – в хозяйственно-бытовой и родительско-воспитательной сферах;
- современного типа – в родительско-воспитательной сфере;
- смешанного типа – имеются расхождения во всех сферах.

Тест на удовлетворенность браком дал возможность оценить удовлетворенность браком каждого из супругов и сопоставить оценки между собой. Для проведения теста парам семейных респондентов было предложено ответить на абсолютно одинаковые вопросы, касающиеся их брака, а затем осуществили простановку баллов и сделали подсчеты в соответствии с рекомендациями авторов теста.

Анализ сводной таблицы позволил установить, что общая удовлетворенность браком для мужчин и женщин в рамках семей каждого из рассмотренных типов примерно одинакова. Общая удовлетворенность в семьях традиционного типа выше, чем в семьях

современного типа, которая, в свою очередь, выше удовлетворенности браком в семьях современного типа.

Для молодых семей *традиционного типа* отмечаются расхождения в оценке:

- большинства друзей, причем менее довольны мужчины;
- отношения к выполнению домашних обязанностей, причем существенно менее довольны женщины;
- действия друг другу на нервы, причем менее довольны женщины;
- проявления ласки по отношению к супругу, причем существенно меньше довольны мужчины.

Для молодых семей *современного типа* отмечается расхождение в оценке:

- изменения чувства любви за время семейной жизни, причем менее довольны мужчины;
- большинства друзей, причем менее довольны мужчины;
- наличия конфликтных отношений, причем менее довольны мужчины;
- появлении мыслей о разводе, причем об этом больше думают женщины;

Для молодых семей *смешанного типа* отмечается расхождение в оценке:

- дружественных отношений в семье, причем больше сомневаются мужчины;
- большинства друзей, причем менее довольны мужчины;
- действия друг другу на нервы, причем менее довольны мужчины;
- желания возвращаться домой, что более свойственно мужчинам;
- появлении мыслей о разводе, причем об этом больше думают женщины;
- проявления ласки по отношению к супругу, причем существенно меньше довольны мужчины;
- желания на время куда-нибудь уехать, причем об этом чаще думают женщины.

Шкала предсказания успешности брака была применена для оценки существующих браков, а также для определения

вероятности успеха брака. Опросник шкалы состоит из 5 частей, каждый ответ на вопрос оценивается определенным количеством баллов.

Поскольку данный тест больше адаптирован к индивидуальному прогнозу, были сделаны только общие выводы о том, в какой степени благоприятен прогноз для каждого обобщенного типа молодой семьи на основе средних суммарных баллов (см. табл. 7).

Таблица 7

Обобщенные результаты шкалы предсказания успешности брака для молодых семей разных типов

Тип семьи	Баллы	
	Женщины	Мужчины
Традиционный	543,44	538,89
Современный	535,0	527,12
Смешанный	499,81	511,0

Суммарные средние значения по всему массиву составили для женщин – 525,0 баллов, для мужчин – 523,3 баллов. Установленное в методике эмпирическим путем среднее значение для набора из 69 вопросов минимальное прогнозное значение успешности брака составляет 483 балла, устойчивое прогнозное значение успешности брака составляет 517 баллов (см. рис. 7).

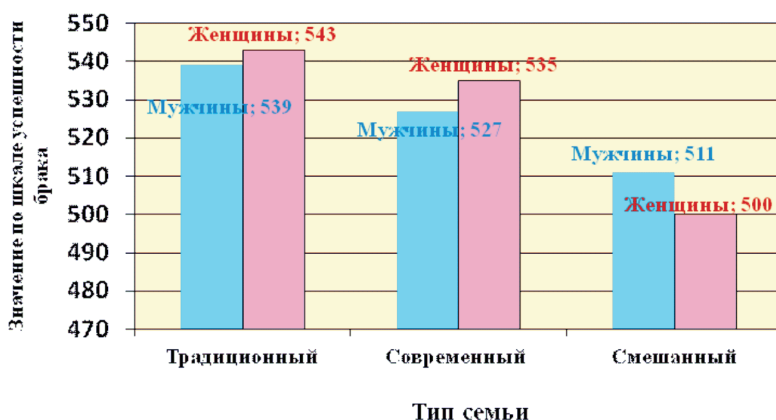

Рис. 7. Предсказание успешности брака для молодых семей разных типов

Таким образом, успешность брака в молодой семье традиционного типа можно оценить как достаточно высокую, в семье современного типа – как просто высокую (близкую к среднему значению), а в семье смешанного типа прогноз успешности брака можно назвать менее благоприятным. Причем также можно утверждать, что в стабильности семей традиционного и современного большая роль принадлежит женщинам, а в стабильности семей смешанного типа – мужчинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешина Ю. Е.* Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни: дис. ... канд. психол. наук. М., 1985. 145 с.
- Белорусов С. А.* Вариант методики «Незавершенные предложения»: Мое письмо о супруге. 1998. URL: pro-psixology.ru/psixologicheskoe-obsledovanie-semi/627-variant-metodiki-nezavershennye-predlozheniya-moe.html
- Волкова А. Н., Трапезникова Т. М.* Методические приемы диагностики супружеских отношений // Психология семьи : хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 2007. С. 734745.
- Слепкова В. И., Заеко Т. А.* Практикум по психологической диагностике семейных отношений: учебно-методический комплекс. Мн. : 2003. 339 с.
- Burgess W. Ernest, Cottrell L. Prediction of successful or unsuccessful marriage, 1939. 344 p.
- Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. N. Y. : Wiley, 1958. 322 p.

УДК 316.343.-057.66

В. Е. Талынев, Н. Н. Хвоин

В.Е.Талынев, доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, e-mail: v.talynyov@yandex

Н. Н. Хвоин, ведущий специалист отдела мониторинга, государственных программ и приоритетных проектов Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга; e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ УЧЕТ БЕЗДОМНЫХ ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В статье анализируются причинно-следственная связь возникновения в российском обществе обездоленной категории граждан – «бездомные» и современное состояние их положения. Приведены данные о численности бездомных граждан и рассматривается деятельность Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства», а также анализируются статистические данные Центра учета за период 2007–2016 гг.

Ключевые слова: бездомные; приют; учет бездомных; ночлежка; социальная помощь.

V. E. Talynyov, N. N. Khvoin

Talynyov V. E., Doctor of Social Sciences,
Department of Humanities and Social Sciences, Associate Professor,
Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry;
e-mail: v.talynyov@yandex

Khvoin N. N., Leading specialist of monitoring Department,
state programs and priority projects
of the Committee on labor and employment St. Petersburg
e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

SOCIAL REGISTER OF THE HOMELESS IN SAINT-PETERSBURG

The article analyzes the causality of the occurrence in Russian society most disadvantaged citizens – homeless and current state of the situation of the homeless. Given data on the number of homeless people and discusses the activity of the Saint-Petersburg state institution "Center of accounting and social service of citizens of the Russian Federation without a certain residence", as well as statistical data cost Center for the period 2007–2016.

Key words: homeless; shelter; homeless shelter; social assistance.

Постановка проблемы. Во все исторические периоды развития российской государственности, да и не только российской, но и мировой проблема бездомности своих граждан оставалась в той или иной степени нерешенной, а отсюда и востребованной во властных и научных кругах. Ни одна страна в мире не может сказать, что у них в обществе такой категории, как бездомные – нет. Так, согласно данным Комиссии по правам человека ООН, во всем мире насчитывается более 100 млн бездомных людей из 7 млрд, проживающих на планете Земля. Следует подчеркнуть, что на протяжении столетий обществом и государством предпринимались различные способы и решения этой проблемы. Борьба велась и ведется сейчас с переменным успехом, но положение остается неизменным: наличие в обществе такой маргинальной социальной группы, ее тяжелейшее социально-экономическое положение, а также бесправие бездомных во многих странах сохраняется до сих пор.

В России различные по масштабам распространения, катастрофического воздействия на общество и государство катаклизмы исторических периодов развития (войны, революции, внутригосударственные конфликты, распад государства, кризисные процессы, эпидемии, голод, наводнения, землетрясения и др.), изменения социально-экономических и правовых факторов выстраивали различные причины, механизмы формирования создавали условия для бездомности. По-разному в эти периоды выстраивались отношения власти к проблеме бездомности, которая применяла рычаги в первую очередь правового регулирования и воздействия на данную категорию людей, подводя их под букву закона: тунеядство, попрошайничество, бродяжничество и т. д., забывая, что в арсенале власти имеются механизмы иного свойства – организационные, социально-экономические и др. Как результат такой политики односторонность властных реформ в XX в. сформировала новые формы отношений обывателей к бездомным людям, а именно: ненависть, презрение, пренебрежение, очевидное отторжение, досада, снисхождение, жалость, участие и др. Следует подчеркнуть, что на протяжении столетий обществом и государством предпринимались различные способы и решения этой проблемы. Борьба велась и ведется с переменным успехом, но положение остается неизменным: наличие в обществе маргинальной социальной группы, ее тяжелейшее социально-экономическое положение, а также бесправие бездомных во многих странах сохраняется до сих пор.

Проводившиеся в последнее время (конец XX и начало XXI вв.) в российской науке исследования положения нищих, бездомности сводились, как правило, к изучению проблемы с точки зрения социологии (гендерные проблемы, уровень образования и профессиональная подготовка, семейное положение, источники и характер приобретения средств существования, уровень доходов, причинно-следственные факторы, приведшие к потере жилья, виктимные свойства личности, стратегии бездомного существования и др.), а также и социальной психологии (социально-психологические механизмы адаптации людей к бездомной жизни, изменения личности и т. п.).

Вместе с тем точная численность бездомных граждан в России неизвестна, так как по различным причинам практически не поддается учету. Достаточно сказать, что статистика бедности и бездомных в стране сильно искажена. Во-первых, данные по бедным привязаны к административно установленным показателям по доходам, которые имеют мало общего с реальностью. Наприме, взять тот же МРОТ по различным регионам России, который варьируется в пределах 5 тыс. руб. Во-вторых, эта статистика, судя по всему, не учитывает миллионы россиян без определенного места жительства, не охваченных переписью населения. Официальные данные по численности бездомных в России практически отсутствуют, да и посчитать всех в процессе переписи населения, кто живет на чердаках, подвалах и других местах представляется непростой задачей.

Следует откровенно признать, что официальная статистика учитывает далеко не всех бездомных жителей страны. С одной стороны, это объяснимо, потому что переписчики физически не могут «поймать» и учесть абсолютно каждого человека без определенного места жительства, который по различным причинам не имеет удостоверяющих личность документов, с другой – размытая ответственность (МВД, Минтруда, учреждений соцзащиты и др.). Недоучет, приводит к серьезным искажениям статистических данных по доходам, бедности и бездомности. Похоже, за рамками статистики могут оставаться миллионы человек без крыши над головой.

Правозащитники, обращаясь к проблеме бездомных и определяя их общую численность в стране, называют цифры от 3 до 5 млн чел., т. е. почти каждый 30-й гражданин (2,8 % населения России). В российском парламенте также оценили численность бездомных в стране в 3–5 млн чел. Росстат же по материалам переписи

в 2010 г. сообщал, что бездомных домохозяйств в РФ – 64 тыс., а вот численность бездомных, в отличие от переписи населения 2002 г., Росстат не указал. Наверное, по причине того, что весьма сложно охарактеризовать бездомное домохозяйство, да еще определить численность проживающих там человек. На сегодняшний день мы можем оперировать информацией, находящейся в открытом доступе: данными Минтруда о численности обслуженных бездомных учреждениями социальной помощи, результатами Всероссийской переписи населения, оставляя за рамками этой статистики неучтенных, не обратившихся за помощью бездомных российских граждан, а также результатами различных социологических исследований по проблемам бездомности.

Учет деятельности учреждений социальной помощи бездомным гражданам осуществляется с 1997 г. в соответствии с формой федерального статистического наблюдения 4-собес (сводная) «Сведения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий» (далее – 4-собес (сводная)). Данные сведения предоставляются органами исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющими функции в области социального обслуживания населения, в Минтруд России¹ [Об утверждении статистического... 2009]. Данная форма учитывает деятельность учреждений (отделений) социального обслуживания при временном размещении (полустационарное социальное обслуживание), без учета специальных домов-интернатов (отделений) для престарелых и инвалидов, освобожденных из мест лишения свободы, предоставляющих социальные услуги при постоянном проживании (стационарное социальное обслуживание).

По данным Минтруда России, опубликованным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, на конец 2016 г. в РФ действует 134 учреждения полустационарного типа по оказанию социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий, а также лицам освободившимся из мест лишения свободы, в том числе 28 домов ночного пребывания,

¹ Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравсоцразвития России Федерального статистического наблюдения за деятельностью учреждений социальной защиты населения (приказ Росстата от 11.09.2009 № 196) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Компания «Консультант Плюс». Послед. обновление 22.12.2017.

6 социальных приютов, 6 социальных гостиниц, 55 центров социальной адаптации и 39 других учреждений (отделения для лиц без определенного места жительства и занятий, созданные в учреждениях системы социального обслуживания населения). В них фактически развернуто 8 105 койко-мест и обслужено более 87 504 чел. [Социальное положение и уровень... 2017].

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. число бездомных домохозяйств составило – 64 077 [Итоги Всероссийской переписи... 2010]. В 2002 г. число домохозяйств бездомных составляло – 68 077, при этом численность членов домохозяйств бездомных составила – 142 559 чел., в переписи 2010 г. численность членов бездомных домохозяйств уже не отражена [Итоги Всероссийской переписи... 2002].

Если учесть, что под домохозяйством бездомных понимается группа лиц или одно лицо без определенного места жительства (не имеющие жилья), и принимая во внимание итоги переписи 2002 г., то численность домохозяйств бездомных и членов домохозяйств бездомных не может быть равнозначна [Об основных методологических... 2010].

Общая численность лиц без определенного места жительства и занятий в стране в отечественной литературе определяется различными величинами: от 450–500 тыс. чел. до 3.3 млн чел., от 4 до 5 млн чел. [Бездомность в современной России... 2008], это от 0,3 % до 2,8 % населения страны. Ежегодный объем населения, вновь попадающего в положение бездомности, экспертно оценивается в 400 тыс. чел. [Рыжов 2009]. Как мы видим, приведенные данные о численности бездомных разнятся от 5 до 57 раз, в связи с чем определить с высокой степени точности, масштаб бездомности в России, а следовательно, и финансовые затраты на их решение не представляется возможным.

Говоря о численности бездомных в Санкт-Петербурге, мы можем видеть, что данные достаточно разнородные, но благодаря действующей системе социального учета бездомных, некоторые виды помощи (услуг) стали доступны, такие как трудоустройство, постановка в очередь на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. число бездомных домохозяйств в Санкт-Петербурге составило – 2 902

[Итоги Всероссийской переписи... 2010]. В 2002 г. число домохозяйств бездомных составило – 7 652, при этом средний размер домохозяйств бездомных составил – 3,8 (3,77) чел. и численность членов домохозяйств бездомных составила – 28 874 чел. [Итоги Всероссийской переписи... 2002]. Если предположить, что средний размер домохозяйств бездомных не изменился с 2002 г., то численность членов домохозяйств бездомных в 2010 г. составила 10 950 чел. Таким образом, мы видим, что численность членов бездомных домохозяйств в Санкт-Петербурге сократилась в 2,6 раз. Возможно, это связано с различными методиками подсчета при осуществлении переписи населения.

По информации Росстата, опубликованной на основании данных Минтруда, в Санкт-Петербурге в 2010 г. учреждениями социальной помощи было обслужено 1 625 бездомных граждан (информация за 2002 г. отсутствует), что составляет лишь 14 % от общей численности бездомных, которые были охвачены при переписи населения.

Предоставление бездомным услуг осуществляется не только государственными учреждениями, но и некоммерческими организациями. Действующая в Санкт-Петербурге благотворительная общественная организация помощи бездомным «Ночлежка» реализует следующие проекты: реабилитационный приют, ночной автобус, пункты обогрева, консультационные пункты, дом на полдороги, культурная прачечная, делимся опытом. В период с 2013–2016 гг. в «Ночлежку» за различной помощью обращалось от 7 968 до 10 789 бездомных [Ночлежка... 2017]. Вместе с тем директор благотворительной организации «Ночлежка» Григорий Свердлин заявляет, что в Санкт-Петербурге проживает около 60 тыс. бездомных [Свердлин Григорий 2016]. Безусловно, при заявленной численности бездомных, государственные учреждения социального обслуживания не в состоянии предоставить социальную помощь всем нуждающимся.

По состоянию на 1 января 2017 г., в 18 районах Санкт-Петербурга действовало 15 учреждений (отделений), которые учтены в форме 4-собес (сводная). В 2016 г. в данных учреждениях было развернуто 409 коек и обслужено 1 333 бездомных граждан, из них лиц, освободившихся из мест лишения свободы, – 287 чел. (21,5 %). По числу обратившихся преобладают мужчины – 1 168 чел. (87,6 %), численность обратившихся женщин составила – 165 чел. (12,4 %).

Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства» (далее – Центр учета) осуществляет свою деятельность с конца 1997 г. (до 2016 г. учреждение носило название: Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Городской пункт учета граждан Российской Федерации без определенного места жительства») и находится в ведении Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга.

Основной целью деятельности Центра учета является социальное обслуживание граждан Российской Федерации трудоспособного возраста без определенного места жительства и граждан Российской Федерации пожилого возраста без определенного места жительства; материально-техническое обеспечение деятельности Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга в сфере социальной защиты граждан РФ трудоспособного возраста без определенного места жительства и граждан РФ пожилого возраста без определенного места жительства [Центр учета и социального... 2017].

Для достижения целей Центр учета осуществляет следующие основные виды деятельности [там же]:

1) предоставление социальных услуг гражданам пожилого и трудоспособного возраста без определенного места жительства: в полустационарной форме социального обслуживания с периодом пребывания до четырех часов; в полустационарной форме социального обслуживания с периодом пребывания свыше 4 часов; в стационарной форме социального обслуживания при временном проживании в помещениях Учреждения;

2) осуществление учета российских граждан без определенного места жительства в Российской Федерации, ранее имевших последнюю регистрацию (прописку) по месту жительства в Санкт-Петербурге (Ленинграде), в соответствии с законодательством Санкт-Петербурга.

Для постановки на учет гражданину необходимо иметь при себе следующие документы:

1) документ удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации;

2) документ, подтверждающий факт последней регистрации (прописки) по месту жительства в Санкт-Петербурге;

3) граждане, имеющие несовершеннолетних детей, не достигших 14 лет (их законные представители), кроме указанных документов, в п. 1 и п. 2, предоставляют свидетельство о рождении ребенка (детей);

4) граждане, освобожденные из мест лишения свободы, кроме документов, указанных в п. 1 и п. 2, представляют справку об освобождении;

5) льготные категории граждан представляют имеющиеся льготные документы (ветеранские, донорские удостоверения, справки об инвалидности и / или иные документы, подтверждающие принадлежность к льготной категории граждан) [Сайт Центра учета... 2017].

Всего в Центре учета по состоянию на 1 января 2017 г. состоит 2 599 граждан, из них: мужчин – 1 596 (61,4 %); женщин – 1 003 (38,6 %); детей – 281, в том числе граждан трудоспособного возраста 1 071 чел. (41,2 %), пенсионеров – 1 048 чел. (40,3 %), инвалидов – 480 чел. (18,5 %) [Центр учета и социального... 2016].

В 2016 г. поставлено на социальный учет 1 443 бездомных граждан, срок учета продлен 1 276 гражданам. За данный период отказано в постановке на социальный учет 394 гражданам, из них в связи с отсутствием документов, удостоверяющих личность, – 69, последней постоянной регистрации по месту жительства в Санкт-Петербурге – 14, гражданства Российской Федерации – 1, а также в связи с наличием регистрации – 17 [там же].

Сняты с социального учета – 1 263 граждан, из них по причине: непродления срока учета – 965; смерти – 63; регистрации по месту жительства – 104; размещения в государственные стационарные учреждения социального обслуживания Санкт-Петербурга – 50 [там же].

Таким образом, в 2016 г. отказано в постановке на социальный учет 394 гражданам, что составляет 27,3 % от общего числа, постановленных на социальный учет, при этом лишь 14 гражданам отказано по причине отсутствия последней постоянной регистрации по месту жительства в Санкт-Петербурге, что составляет 1 %.

Далее рассмотрим данные регистрации бездомных Центра учета за период 2007–2016 гг.¹

Таблица 1

Регистрация бездомных в Центре учета

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мужчины	3801	4246	1312	1722	1442	1303	1368	1445	1496	1596
Женщины	1515	1750	719	875	807	777	811	872	919	1003
Дети	484	535	245	288	261	253	258	276	283	281
Пенсионеры	755	756	513	604	576	463	874	928	953	1048
Инвалиды	526	528	338	438	431	811	522	527	474	480
Всего состоящих на социальном учете	5800	6541	2276	2885	2511	2079	2180	2317	2415	2599

Здесь следует обратить внимание, что с 2008 г. Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга было принято решение о снятии с учета граждан, которые не явились в Центр учета в течение года и не заявили о необходимости в продлении регистрации.

По гражданам, состоящим на социальном учете, наблюдается наибольшее число зарегистрированных в 2010 г., к 2012 г. зафиксировано снижение зарегистрированных бездомных до 2 079, начиная с 2013 г. отмечен рост числа зарегистрированных бездомных.

Таблица 2

Постановка и снятие бездомных на социальный учет

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Первично поставленные на учет	674	789	862	836	807	860	1246	1405	1393	1443
Отказано в постановке на учет	29	14	241	233	188	213	168	298	415	394
Сняты с учета, в том числе:	325	2662	4519	211	1171	1285	1196	1276	1276	1263

¹ Историческая справка Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Городской пункт учета граждан РФ без определенного места жительства» // Архивные данные предоставлены директором СПб ГКУ «Центр учета» Б. Б. Доржиевой.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
размещены в дома-интернаты	50	57	70	64	59	66	62	54	48	50
смерти	180	96	117	47	42	96	58	74	68	63
регистрация по месту жительства	80	77	64	64	52	41	50	62	54	104
не прошли перерегистрацию	Учет не велся	2419	4367	Инф-я отсутствует	996	1040	1058	1068	1072	965

В 2008–2009 гг. было снято с регистрационного учета 7 181 бездомных граждан и, начиная с 2011 г., число граждан, снятых с регистрационного учета, колеблется от 1 171 до 1 285 чел.

В структуре бездомности бывшие жители Санкт-Петербурга составляют 48 %, бывшие жители других субъектов РФ – 52 %, из них бывшие жители Ленинградской области – 18 % [Социологический портрет бездомного 2008]. Если мы соотнесем структуру бездомности в Санкт-Петербурге с данными Росстата и Центра учета, то предположительно на территории Санкт-Петербурга может находиться более 8 тыс. бездомных, что в принципе соотносится с числом обслуженных бездомных «Ночлежкой».

Помимо регистрационного учета специалистами Центра учета проведено 2 435 консультации. В 2016 г. при непосредственном содействии Центра учета: 192 гражданина получили полис обязательного медицинского страхования; 43 гражданина оформили пенсии; 33 гражданам оказана помощь в оформлении инвалидности; 17 чел. оформили документы, дающие право на льготы в соответствии с законодательством; 34 чел. оформили документы для поступления в государственные стационарные учреждения социального обслуживания Санкт-Петербурга; 31 чел. направлены в дома ночного пребывания административных районов; 7 чел. направлено в центр социальной адаптации; 37 чел. оказаны транспортные услуги и сопровождение, даны консультации по социально-медицинским вопросам – 398 чел. [Центр учета и социального... 2016].

В целях оказания помощи гражданам без определенного места жительства в трудоустройстве в соответствии с Соглашением о сотрудничестве по вопросу оказания содействия трудоустройству граждан РФ без определенного места жительства достигнутого

с Комитетом по труду и занятости Санкт-Петербурга, Учреждением оказано содействие в трудоустройстве – 62 чел., из них трудоустроено – 36 чел. Специалисты по социальной работе учреждения принимали участие в работе двух ярмарок вакансий для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и лиц без определенного места жительства, проводимых Комитетом по труду и занятости Санкт-Петербурга и районными службами занятости. В целях оказания социального сопровождения 140 гражданам без определенного места жительства, состоящим на учете в Центре учета, оказана помощь в решении вопроса о постановке на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, путем консультирования, направления писем в жилищные отделы районных администраций и жилищный комитет, а также оказанием помощи в сборе необходимых документов. В 2016 г. получили жилье 104 чел., из них 7 чел. из числа ветеранов Великой Отечественной войны [Центр учета и социального... 2016].

В 2016 г. по «горячей линии», работающей в 2007 г. в рамках выполнения Плана основных мероприятий по профилактике бездомности и оказанию социальной поддержки лицам без определенного места жительства и лицам, освободившимся из мест лишения свободы, на 2005–2007 гг., утвержденного Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 14 декабря 2004 № 1960, по которому предоставляется оперативная информация по работе с бездомными гражданами, было обслужено 6052 телефонных звонка. Тематика вопросов, поступивших на «горячую линию»: содействие в восстановлении утраченных документов, содействие в получении полиса ОМС, содействие в трудоустройстве, консультации юриста, предоставление информации об адресах многофункциональных центров предоставления государственных услуг, отделов социального обслуживания населения, домов ночного пребывания, приютов, пунктов обогрева, горячего питания и т. д. [Центр учета и социального... 2016].

Подводя итоги вышеизложенного, отметим незначительный рост числа граждан, состоящих на социальном учете, при этом число граждан, снятых с регистрационного учета, стабильно устойчиво и колеблется от 1 171 до 1 285 чел, а число первично поставленных на учет бездомных растет незначительными темпами. Таким образом, на территории Санкт-Петербурга находится более 8 тыс. бездомных, из них более 50% жители других регионов.

По нашему мнению, необходимо создание и ведение социального учета бездомных в каждом субъекте России, в идеале это должна быть единая автоматизированная интегрированная система, позволяющая идентифицировать бездомных граждан в случае нахождения его в другом регионе. Это позволит работникам социальных служб оперативно принимать решение о предоставлении необходимых услуг бездомным. Поскольку указанная система требует значительных финансовых средств, то на данном этапе необходима проработка механизма учета бездомных граждан, прибывших из других субъектов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения // Вестник Межрегиональной Сети «За преодоление социальной исключенности» / сост. А. Варсопки, Е. Ринн. . Вып. 1. СПб. : Лемап, 1996. 144 с.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. URL: www.perepis2002.ru/index.html?id=11.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- «Ночлежка» сайт благотворительной организации URL: homeless.ru/ (дата обращения 28.12.2017)
- Об Основных методологических и организационных положениях Всероссийской переписи населения 2010 и/ (приказ Росстата от 04.02.2010 № 81) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс» (Послед. обновление 28.12.2017.)
- Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравсоцразвития России федерального статистического наблюдения за деятельностью учреждений социальной защиты населения (приказ Росстата от 11.09.2009 № 196) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс» (Послед. обновл. 22.12.2017.)
- Рыжов Р. О. Бездомность в городских сообществах современной России (по материалам межрегионального исследования): автореф дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 26 с.
- Свердлин Г. В Петербурге сейчас около 60 тысяч бездомных // Собака.ру. 14.07.2016. URL : www.sobaka.ru/city/portrety/47830
- Социологический портрет бездомного. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения // Вестник Межрегиональной сети

«За преодоление социальной исключенности» / сост. А. Варсопки, Е. Ринн. Вып. 2. СПб., 2008. 150 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России // Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188.

Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства // Отчет о результатах работы Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства» за 2016 г. Данные предоставлены директором Цента Б. Б. Доржиевой. URL: citypoint.ksp.gov.spb.ru

Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства // Отчет о результатах работы Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства» за 2017 г. URL: citypoint.ksp.gov.spb.ru

УДК 316.444.56

А. В. Саблуков, И. И. Никулина

А. В. Саблуков, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: asablukov@mail.ru

И. И. Никулина, магистр кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: iranikulina33@gmail.com

ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассматривается проблема доверия московской молодежи системе здравоохранения. В основу исследовательской стратегии положено представление о доверии системе здравоохранения как совокупности представлений и настроений молодежи, отражающих ее уверенность и надежности системы здравоохранения. Для оценки уровня доверия московских студентов системе здравоохранения был использован ряд показателей, которые легли в основу расчета индекса доверия. В качестве таких показателей были определены: индекс общего доверия компонентам системы здравоохранения, индекс удовлетворенности компонентами и индекс уверенности в компонентах. В основу расчета индексов положены данные авторского социологического исследования, проведенного среди московских студентов. Полученные результаты позволили сделать ряд обоснованных выводов относительно уровня доверия студенческой молодежи системе здравоохранения, а также характерных особенностей гендерных и социально-демографических различий. Были также проанализированы источники формирования доверия молодежи системе здравоохранения. При этом особое внимание было уделено роли СМИ как важнейшего фактора формирования доверия молодежи системе здравоохранения. Для определения наиболее значимого СМК при формировании доверия системе здравоохранения, был разработан индекс эффективности СМК, который рассчитывался, исходя из трех показателей: частота использования СМК, запоминаемость СМК, обращаемость (отклик) к услугам, транслируемым посредством СМК.

Ключевые слова: система здравоохранения; доверие; доверие молодежи системе здравоохранения; особенности доверия; студенческая молодежь.

A. V. Sablukov, I. I. Nikulina

Sablukov A. V., Ph.D. sociology, professor of the Department of Sociology, Institute of the international relations, social and political sciences, MSLU;
e-mail: asablukov@mail.ru

Nikulina I. I., Magister of the Department of Sociology, Institute of the international relations, social and political sciences, MSLU;
e-mail: iranikulina33@gmail.com

THE TRUST OF YOUTH IN NATIONAL HEALTHCARE SYSTEM (sociological analysis of Moscow degree students)

The article examines the problem of trust of Moscow students in National Healthcare System. The research strategy is based on the idea of trust in National Healthcare System as a set of ideas and attitudes of young people, reflecting their confidence and reliability of the health care system. In order to estimate the level of trust of Moscow students in National Healthcare System there was a number of empirical indicators, which formed the basis for calculating the trust index. The following indicators were identified: the index of general trust in the components of the healthcare system, the index of satisfaction with these components and the reliance index on these components. The basis for calculating indices is the data of the author's sociological survey conducted among Moscow students. The results gave us a set of conclusions regarding the level of trust of students in National Healthcare System, as well as characteristic features in the context of gender and socio-demographic differences. The sources of the formation of youth's trust in the healthcare system were also analyzed. At the same time, special attention was paid to the role of mass media as the most important factor in building the confidence of young people in the healthcare system. In order to determine the most important mass media source in building trust in the healthcare system, there was a dedicated index of the effectiveness of mass media sources, which was calculated on the basis of 3 parameters: the frequency of mass media use, the memorability of mass media, the conversion of the mass media which broadcast services of National Healthcare System.

Key words: National Healthcare System; trust; youth' trust in National Healthcare System; features of trust; youth.

В настоящее время вопросы здравоохранения, в том числе улучшение медицинского обслуживания, формирование доверия к ней, всё чаще оказываются на повестке дня у руководства РФ. Так, выступая на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, Президент России В.В. Путин потребовал продолжать совершенствование системы здравоохранения, так как нерешенных проблем в этой сфере осталось всё еще много [Портал Президента России]. По результатам XII ежегодного исследования «Edelman Trust Barometer» (31 тыс. респондентов в 26 странах) Россия с самым низким уровнем доверия (36 пунктов) занимает последнее место среди стран, принявших участие в мониторинге [PR-агентство Edelman].

Как свидетельствуют данные различных исследований, степень доверия системе здравоохранения у различных категорий российских граждан различна, но нельзя не отметить общую тенденцию

снижения этого доверия, что особенно проявляется в молодежной среде. Выяснению причин этой негативной тенденции было посвящено авторское социологическое исследование, проведенное в январе–феврале 2018 г. среди московских студентов. В исследовании приняли участие 403 студента столичных вузов. Исследование носило мониторинговый характер и опиралось на данные предыдущих исследований [Материалы VII Международной... 2017].

Наряду с уровнем доверия молодежи системе здравоохранения в исследовании ставилась задача рассмотреть как внутренние, так и внешние источники его формирования, в особенности обращалось внимание выяснение роли в этом процессе средств массовой коммуникации.

В основу понимания феномена доверия легли взгляды теоретиков школы структурного функционализма (Т. Парсонс и последователи), что позволило определить **доверие** как *совокупность представлений и настроений субъекта, отражающих его веру, уверенность и убежденность в надежности того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта, а также проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций*. Соответственно, **доверие системе здравоохранения** трактовалось как *совокупность представлений и настроений молодежи, отражающих ее веру, уверенность и убежденность в надежности того, что система здравоохранения будет оказывать медицинскую и профилактическую помощь населению, что будет способствовать увеличению или сохранению ресурсов субъекта (т. е. молодежи), а также проявляющихся в готовности этого субъекта делегировать системе здравоохранения реализацию этой задачи*.

Для оценки уровня доверия московских студентов системе здравоохранения был использован ряд показателей, которые легли в основу расчета индекса доверия. Этими показателями явились индекс общего доверия компонентам системе здравоохранения (СЗ), индекс удовлетворенности компонентами СЗ и индекс уверенности в компонентах СЗ. При этом данные показатели рассчитывались в ходе рассмотрения доверия выбранным компонентам системы здравоохранения для получения наиболее точного

результата. Для расчета итогового индекса доверия, необходимо было получить каждый составляющий индекс последовательно:

1. *Индекс общего доверия (ИОД) компонентам системы здравоохранения* рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ИОД} = \frac{(\text{ПД} \cdot 1 + \text{ОД} \cdot 0,5 + \text{ОНД} \cdot 0,5 + \text{ПНД} \cdot 0)}{100 \%}, \text{ где:}$$

- ПД – % полностью доверяющих;
- ОД – % в основном доверяющих;
- ОНД – % в основном не доверяющих;
- ПНД – % полностью не доверяющих.

2. *Формула индекса удовлетворенности (ИУд) компонентами СЗ:*

$$\text{ИУд} = \frac{(\text{ПУ} \cdot 1 + \text{ЧУ} \cdot 0,5 + \text{ЧНУ} \cdot 0,5 + \text{ПНУ} \cdot 0)}{100 \%}, \text{ где:}$$

- ПУ – % полностью доверяющих;
- ЧУ – % в основном доверяющих;
- ЧНУ – % в основном не доверяющих;
- ПНУ – % полностью не доверяющих.

3. *Формула индекса уверенности (ИУв) в компонентах СЗ:*

$$\text{ИУв} = \frac{(\text{ПУ} \cdot 1 + \text{ЧУ} \cdot 0,5 + \text{ЧНУ} \cdot 0,5 + \text{ПНУ} \cdot 0)}{100 \%}, \text{ где:}$$

- ПУ – % полностью доверяющих;
- ЧУ – % в основном доверяющих;
- ЧНУ – % в основном не доверяющих;
- ПНУ – % полностью не доверяющих.

4. *Итоговый индекс доверия московских студентов системе здравоохранения:*

$$\text{ИД} = \frac{\text{ИОД} + \text{ИУд} + \text{ИУв}}{100 \%}$$

Итоговый уровень доверия системе здравоохранения, полученный в ходе подсчета индекса, в свою очередь, интерпретировался согласно предложенной авторской градации (см. табл. 1).

Таблица 1

Градации уровней доверия

№	Уровень доверия СЗ	Интервалы значения индекса доверия
1	Очень низкий	0 – 0,29
2	Низкий	0,3 – 0,49
3	Средний	0,5 – 0,69
4	Высокий	0,7 – 0,89
↑	Очень высокий	0,9 – 1

По результатам рассчитанных индексов доверия системе здравоохранения, можно утверждать, что молодежь в целом доверяет системе здравоохранения. Полученный уровень можно охарактеризовать как средний, стремящийся к высокому. Значение рассчитанного индекса общего доверия компонентам системы здравоохранения равнялось 0,66; индекса удовлетворенности системой здравоохранения – 0,64; индекса уверенности в системе здравоохранения – 0,65. Исходя из полученных коэффициентов, был рассчитан итоговый индекс доверия молодежи системе здравоохранения, равный 0,65. В связи с этим показатель может быть проинтерпретирован как средний, поскольку входит в интервал значения индекса от 0,5 до 0,69. Следовательно, можно сказать о том, что молодежь в целом доверяет системе здравоохранения.

При помощи авторского индекса были также найдены различия в доверии молодежи платной и бесплатной системам здравоохранения. Было выявлено, что студенческая молодежь Москвы в большей степени доверяет платной медицине, нежели бесплатной. Индексы, позволяющие сделать данный вывод, принадлежат разным уровням доверия – высокому и среднему, соответственно. При этом у женщин уровень доверия частным медицинским центрам значительно выше, нежели у мужчин (см. рис. 1). Около 50 % опрошенных женщин больше доверяют частным поликлиникам, в то время как лишь у 40 % мужчин частная медицина пользуется большим доверием, нежели государственная.

Что же касается доверия среди женщин и мужчин системе здравоохранения в целом, были выявлены более существенные различия, нежели в случае с рассмотрением платной и бесплатной систем здравоохранения (см. рис. 2). Графическая иллюстрация дает

основания полагать, что показатели доверия у женщин значительно выше показателей доверия у мужчин (67 % и 55 %, соответственно с учетом ошибки выборки 5 %), из чего можно сделать следующий вывод: женщины доверяют в целом системе здравоохранения больше, чем мужчины. Также важно отметить более однозначные ответы респондентов в связи с малым процентов затруднившихся ответить, т. е. у девушек и юношей категории московской молодежи уже сформировано однозначное мнение о доверии системе здравоохранения РФ.

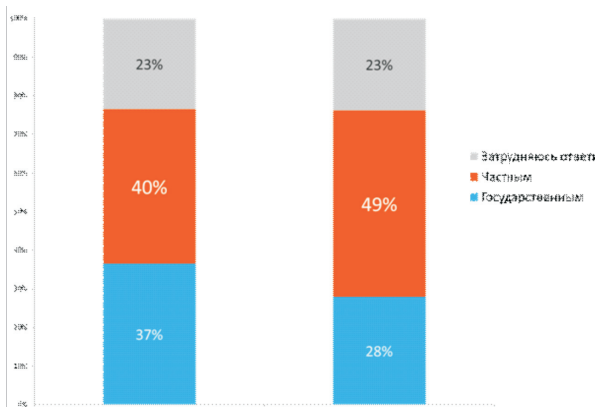

Рис. 1. Особенности доверия частным и государственным медицинским учреждениям среди женщин и мужчин

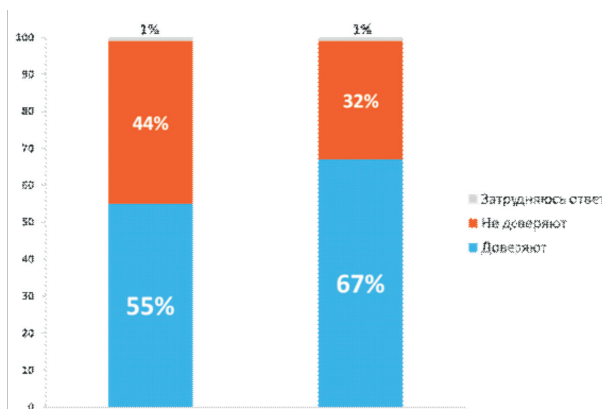

Рис. 2. Особенности доверия системе здравоохранения в целом среди женщин и мужчин

Материальное положение семей опрошенных студентов явилось еще одним из критериев выделения особенностей (см. рис. 3). Большинство выборки составили студенты среднего и высокого достатка, в связи с чем эти две группы и были взяты за основу сравнения. Получив эмпирические данные, было выявлено наличие особенностей в доверии: студенты высокого достатка в большей степени доверяют государственным медицинским учреждениям, нежели студенты среднего достатка (34 % и 24 %, соответственно). При этом процент затруднившихся ответить среди студентов среднего достатка более высокий, нежели у опрошенных респондентов с высоким достатком.

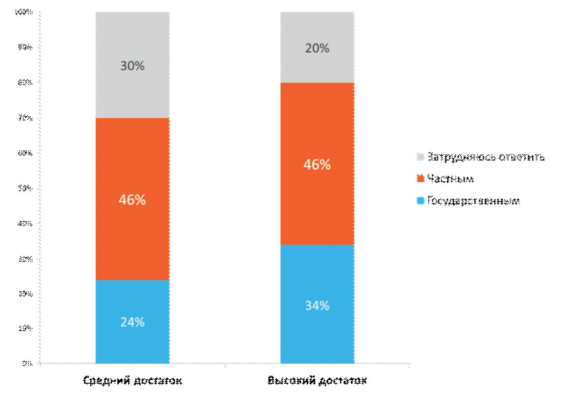

Рис. 3. Особенности доверия частным и государственным медицинским учреждениям среди студентов с разным достатком в семье

Одинаковый процент доверяющих частным медицинским учреждениям среди опрошенных студентов из семей среднего и высокого достатка восполняется различиями в ответах студентов, доверяющих в большей степени государственным медицинским учреждениям, и неопределившихся с выбором респондентов. К тому же часто студенты из семей с высоким достатком, обратившиеся как к услугам частной медицины, так и к услугам государственной, приходят к выводу, что значительных отличий не наблюдаются: разница состоит лишь в разном обслуживании пациентов, а не в качестве медицинской помощи. Что же касается студентов среднего достатка, вероятно, не все могут сравнить оба вида предоставления услуг, в связи с чем, основываясь на предположениях,

отдают свои предпочтения в большей степени частным медицинским учреждениям.

Таким образом, исходя из сравнения доверия платным и бесплатным медицинским учреждениям среди девушек и юношей с разными уровнями дохода в семьях можно вновь подтвердить предположение, что доверие платным медучреждениям у московских студентов все-таки выше, нежели бесплатным, однако различия не столь велики.

В ходе эмпирической части исследования были также рассмотрены источники формирования доверия молодежи системе здравоохранения. Проведенное эмпирическое исследование позволило для начала выявить рейтинг всех источников доверия молодежи системе здравоохранения: и внешних, и внутренних. Предполагалось, что наиболее популярным источником доверия студентов системе здравоохранения являются личный опыт, советы близких друзей и родственников. Респондентам была предоставлена возможность выбрать неограниченное число вариантов ответа, касающихся источников формирования их доверия системе здравоохранения. В ходе опроса было выявлено, что личный опыт и советы близких родственников в самом деле играют определяющую роль в формировании доверия у студентов, что указывает на значимость межличностного компонента доверия (см. рис. 4).

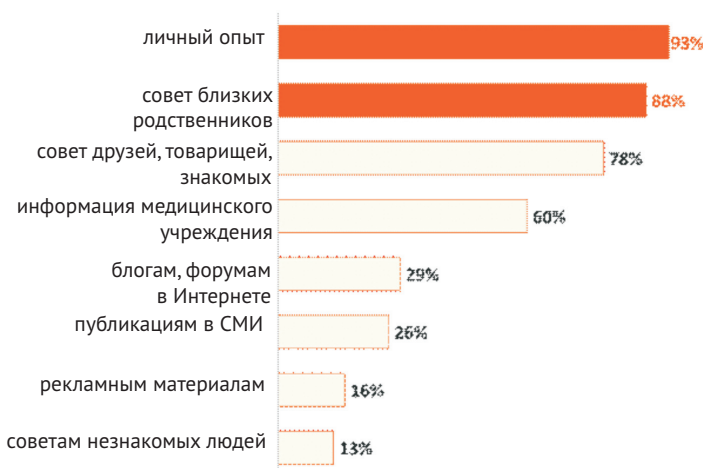

Рис. 4. Рейтинг источников доверия молодежи системе здравоохранения

Наряду с советами близких родственников важным источником формирования доверия молодежи системе здравоохранения являются советы друзей, товарищей и знакомых. Важную роль в процессе формирования доверия занимает информация медицинского учреждения, которая может быть представлена как на сайтах больниц, клиник и поликлиник, так и в них самих (на стендах, электронных табло, объявлениях и пр.).

Анализу внешних источников в исследовании было уделено особое внимание в связи с развитием информационных технологий и увеличением степени их влияния на столичную молодежь. Для выявления степени эффективности внешних источников были изучены различные показатели (частота, отклик, запоминаемость) средств массовой коммуникации (СМК). Под средствами массовой коммуникации в исследовании понимался *комплекс технических средств и учреждений, предназначенных для распространения массовой информации с целью формирования у студенческой аудитории определенной степени доверия системе здравоохранения.*

Для определения наиболее значимого, т. е. наиболее эффективного СМК при формировании доверия системе здравоохранения, был разработан индекс эффективности СМК. Индекс рассчитывался, исходя из 3-х эмпирических показателей: частота использования СМК, запоминаемость СМК, обращаемость (отклик) к услугам, транслируемым посредством СМК. При помощи данного индекса был рассчитан **индекс эффективности различных каналов СМК:**

$$I_{\Sigma 1} = \frac{(I_{\text{зап}} + I_{\text{част}} + I_{\text{отклик}})}{100 \%}, \text{ где}$$

$$I_{\text{зап}} / I_{\text{част}} / I_{\text{отклик}}^1 = \frac{(ОЧ*1+Ч*0,75+ ИН*0,5+ ПН*0,25+НИ*0)}{100 \%}, \text{ где}$$

- ОЧ — % респондентов, выбравших ответ «очень часто»
- Ч — % респондентов, выбравших ответ «часто»
- ИН — % респондентов, выбравших ответ «иногда»
- ПН — % респондентов, выбравших ответ «почти никогда»
- НИ — % респондентов, выбравших ответ «никогда не использую»

¹ Каждый из трех показателей рассчитывается по единой формуле.

Важно отметить, что индекс релевантен только для порядковых шкал: каждому значению присваивались определенные метки, которые продемонстрированы в формуле, исходя из чего получалось цифровое выражение по шкале от 0 до 1. Итоговый индекс эффективности рассчитывался как среднее арифметическое из индексов каждого показателя, которые были изучены в ходе эмпирической части.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что наиболее эффективными СМК стали Интернет и ТВ (см. рис. 5). Индекс доверия к Интернету превышает остальные и равняется 0,5. За ним следует ТВ (0,4), далее – Out-of-home (0,32). Наконец, наименее эффективными по отношению к студентам стали печать (0,26) и радио (0,1).

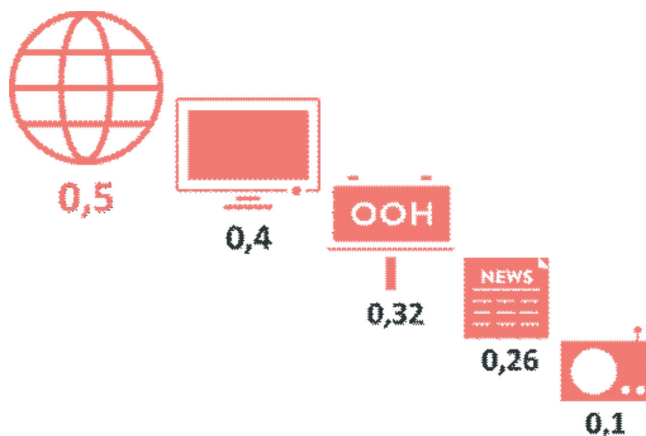

Рис. 5. Индексы эффективности каналов СМК при формировании доверия московских студентов системе здравоохранения

Говоря в целом об эффекте, который производят используемые респондентами средства массовой информации, можно сделать вывод о том, что московские студенты получают необходимую им информацию в основном в Интернете. Кроме того, формируется определенная степень доверия системе здравоохранения в целом, исходя из той информации, которая предоставляется сайтами медицинских учреждений платной и бесплатной систем здравоохранения.

Наконец, были проанализированы и внутренние факторы формирования доверия системе здравоохранения. Стало ясно, что наиболее значимым фактором формирования доверия студентов системе здравоохранения являются личный опыт и советы близких друзей и родственников. При этом важно отметить, что несмотря на важность изучения СМК как внешнего источника формирования доверия системе здравоохранения у столичной молодежи, всё же на выбор влияют такие внутренние факторы, как личный опыт и советы близких друзей и родственников. В дальнейшем важно учесть, что даже внутренние факторы зависимы от внешних и требуют более детального изучения сквозь призму СМК [Сергеев 2009].

Таким образом, результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, позволили выявить уровень доверия молодежи системе здравоохранения, в том числе и уровни доверия платной и бесплатной системам здравоохранения. Сделать однозначный вывод об уровне доверия молодежи системе здравоохранения позволили индексы доверия системе здравоохранения, построенные на основании эмпирических признаков объекта исследования и структурных компонентов системы здравоохранения. Наконец, можно утверждать, что молодежь в целом доверяет системе здравоохранения. Касательно доверия молодежи платной и бесплатной системам здравоохранения, было выявлено, что студенческая молодежь Москвы в большей степени доверяет платной медицине, нежели бесплатной.

С целью более углубленного выявления особенностей доверия молодежи системе здравоохранения, были определены различия мнений респондентов по половому и материальному признакам как в отношении системы здравоохранения в целом, так и рассмотрении частных и государственных медицинских учреждений.

В результате проведения авторского эмпирического исследования были изучены источники формирования доверия молодежи системе здравоохранения. Предположение о том, что наиболее значимым фактором формирования доверия студентов системе здравоохранения являются личный опыт и советы близких друзей и родственников, подтвердилось. Среди внешних источников формирования доверия, наиболее эффективными средствами массовой коммуникации стали Интернет и телевидение. В случае

с рассмотрением СМК платной и бесплатной медицины оказалось, что платная система здравоохранения эффективнее формирует доверие московских студентов системе здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А.В.Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 196–199.

Никулина И. И. Доверие молодежи системе здравоохранения (на примере московских студентов). М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 164 с.

Портал Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20090>

Сергеев Е. Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие (Terre Humana). 2009. № 1. С. 117–126.

PR-агентство «Edelman Trust Barometer». URL: www.edelman.com/insights/intellectual-property/trust-2013/

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Общественные науки Выпуск 2 (800)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Social Sciences Issue 2 (800)
--	---

Ответственные за выпуск 2 (800):
доктор политических наук, доц. Г. М. Сидорова
доктор политических наук, доц. В. К. Белозёров
доктор исторических наук Л. Г. Ивашов
доктор социологических наук И. В. Образцов

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 14.08.2018 г.
Усл. печ. л. 18,1. Формат 60х90/16
Заказ № 93

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Доменное имя сайта: MSLU-SOC.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.